Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева»

На правах рукописи

ЧЕРНОВОЛ СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА

ЭВОЛЮЦИЯ КЕЙНСИАНСТВА КАК РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

08.00.01 – Экономическая теория

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель –
доктор экономических наук, доцент
Кусургашева Людмила Васильевна

Кемерово − 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….. 4
ГЛАВА 1 СТАНОВЛЕНИЕ КЕЙНСИАНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ…….. 16
1.1 Структура научно-исследовательской программы. Твердое ядро кейнсианской научно-исследовательской программы как онтология……... 16
1.2 Формирование защитного пояса кейнсианской научно-исследовательской программы: начальный этап…….. 40
ГЛАВА 2 РАЗВИТИЕ КЕЙНСИАНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ (70-е годы XX века – настоящее время)…… 65
2.1 Посткейнсианство: вклад в развитие кейнсианской научно-исследовательской программы……..... 65
2.2 Отражение посткризисной реальности в кейнсианской научно-исследовательской программе…..... 91
ГЛАВА 3 РЕЦЕПЦИЯ КЕЙНСИАНСКИХ ИДЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА……... 113
3.1 Практическая актуальность кейнсианства в исследованиях российских экономистов…….....……..... 113
3.2 Потенциал исследований российских экономистов с точки зрения развития кейнсианской научно-исследовательской программы…… 136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 160
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ……... 166
ПРИЛОЖЕНИЕ А Эвристика кейнсианской научно-исследовательской программы…… 195
ПРИЛОЖЕНИЕ Б Структура научно-исследовательской программы…….. 196

ПРИЛОЖЕНИЕ В Эволюция кейнсианства и развитие кейнсианской научно-исследовательской программы …..…….. 197
ПРИЛОЖЕНИЕ Г Рост мирового ВВП…… 200
ПРИЛОЖЕНИЕ Д Динамика рентабельности в производственной сфере и ставка ЦБ РФ……... 201
ПРИЛОЖЕНИЕ Е Соотношение инвестиций в основной капитал и валовых сбережений РФ …….. 202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Дж.М. Кейнс принадлежит к классикам мировой экономической мысли, чьи концепции не утратили своего значения и в наши дни. Основоположник макроэкономики, доказавший необходимость и предложивший направления активного вмешательства государства в экономику, тесно связал экономическую теорию с практикой хозяйствования, заложил теоретические основы современной смешанной экономики. Актуальность взглядов Дж.М. Кейнса со всей очевидностью была продемонстрирована мировым экономическим кризисом 2007–2009 годов, получившим в силу своих масштабов и глубины название Великой рецессии. Великая рецессия поставила под сомнение постулаты господствующей неоклассической парадигмы экономической науки, в том числе и в области методологии и истории экономических учений. В частности, была подвергнута сомнению кумулятивная модель роста экономического знания; в противоположность ей все большее признание получает тезис о нелинейности процесса развития экономической науки и отсутствии единственно «правильной» («последней» по времени) теории, являющейся результатом постепенного улучшения техники анализа.

Несмотря на то, что на протяжении второй половины XX – начала XXI века история экономических учений находилась на периферии экономической науки, в последние годы активизировались дискуссии о ее месте, дисциплинарном статусе и перспективах дальнейшего развития. Признание значимости историко-экономических исследований сопровождается появлением новых подходов. В частности, выдвигаются гипотезы о циклическом характере развития экономической науки, кризисе как форме развития экономической теории, связи между технико-экономическими сдвигами и переменами в экономическом знании и другие. Одновременно с этим отмечается рост разнообразия форм отражения

экономической действительности, означающий не только сосуществование различных, иногда – противоположных по своим теоретико-методологическим основаниям теорий на данном историческом этапе, но и их изменчивую познавательную и практическую ценность. Общепризнанным является также методологический плюрализм как главный принцип современного историко-экономического анализа, допускающий использование различных подходов и их сочетание к исследованию истории экономических учений, ее отдельных этапов, школ, направлений и отдельных теорий.

Основными подходами современной истории экономических учений являются рациональная реконструкция, историческая реконструкция и конструктивистский подход, различающиеся в рамках более широкой классификации методов путем выделения релятивистского и абсолютистского канонов.

Теория Дж.М. Кейнса, а также труды его последователей регулярно подвергались исследованию с самых разных позиций. Несмотря на то, что все они заняли достойное место в учебниках по истории экономических учений, существуют проблемы, связанные с интерпретацией как самой теории Кейнса, так и кейнсианства в целом. Основная из них заключается в том, что кейнсианство представляет собой неоднородное направление, в процессе эволюции которого возникли версии, отличающиеся по основным постулатам и методологическим принципам от того, что было заложено самим основоположником данного направления. Именно поэтому сегодня усилилась тенденция аутентичного прочтения трудов Дж.М. Кейнса, выявления логических и эмпирических противоречий, присущих ортодоксальному кейнсианству, восстановления утраченных последним принципов и положений кейнсианского анализа, отказа от использования неправомерно упрощенных ортодоксально-кейнсианских моделей и идей, слабо или совсем не связанных с идеями Дж.М. Кейнса.

Представляется, что с этой точки зрения наиболее адекватным методологическим подходом выступает концепция научно-исследовательских программ (далее – НИП) И. Лакатоса, позволяющая провести не только

рациональную реконструкцию эволюции кейнсианства, выявив тем самым ее внутреннюю логику, но и включить в анализ влияние изменений хозяйственной практики на этот процесс.

Таким образом, тема диссертационной работы является актуальной по двум причинам. Первая заключается в актуализации историко-экономических исследований, стимулом которой явился экономический кризис 2007–2009 годов, поставивший среди прочих вопрос о научном потенциале теорий прошлого в конкретных изменившихся современных условиях. Вторая причина связана с отсутствием в отечественной истории экономической мысли исследований эволюции кейнсианства с точки зрения методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса.

Степень научной разработанности проблемы. Публикация самой известной работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) в силу заявленной в ней самим автором антиклассической направленности, явной связи с актуальными проблемами современной ей эпохи, а также новизны предложенного инструментария для экономической политики вызвала острую дискуссию среди западных экономистов, которая продолжалась вплоть до 80-х годов прошлого века. Среди экономистов, которые участвовали в дискуссии и так или иначе выразили свое отношение к исходным предпосылкам теоретических изысканий Дж.М. Кейнса, его аналитическому инструментарию и нормативным выводам, следует отметить С. Вайнтрауба, Д. Винера, Р. Клауэра, А. Коддингтона, А. Лейонхуфвуда, Ф. Найта, Дж. Робинсон, П. Уэллса, Ф. Тауссига, М. Фридмена, Р. Харрода, Ф. фон Хайека, Дж.Р. Хикса, Г. Шэкла и других.

Неоклассическое возрождение 70-х годов привело к относительному затишью в спорах между кейнсианцами и их теоретическими противниками, в экономической теории установился определенный консенсус. Историко-экономический анализ эволюции кейнсианства в этот период был представлен в основном работами представителей посткейнсианства: С. Вайнтрауба, Р. Клауэра, А. Лейонхуфвуда.

В связи с актуализацией кризисной проблематики в последнее время идеи Дж.М. Кейнса вновь оказались в центре дискуссии, в которой принимали участие как «чистые» теоретики, так и практики, такие, как Дж. Кокрейн, Дж. Сорос, П. Кругман, Р. Шиллер, О. Бланшар, Дж. Стиглиц и другие. В данном случае главным вопросом полемики стал вопрос о необходимости и конкретных направлениях изменения макроэкономической политики с целью вывода экономики в фазу устойчивого роста.

Несмотря на то, что многочисленные «споры о Кейнсе» неизменно включали в себя методологический и историко-экономический контекст, они не имели непосредственного отношения ни к методологии истории экономических учений, ни к самой истории экономических учений. «Методологический бум» последней трети XX – начала XXI столетия и превращение экономической методологии в самостоятельную субдисциплину привел к использованию специальных методов к изучению истории экономической мысли, разработанных в рамках истории и философии науки. Применительно к Дж.М. Кейнсу и отдельных версий кейнсианства с этой точки зрения следует выделить работы М. Блауга, С. Вайнтрауба, Р. Кросса, Р. Мэддока, Л. Пазинетти, Г. Фултона.

В отечественной литературе отчетливо выделяются два этапа в изучении творческого наследия Дж.М. Кейнса и кейнсианцев. Первый этап – исследования советского периода, второй – начиная с конца 80-х годов и по настоящее время (постсоветский период).

Публикации советского периода отвечали так или иначе понимаемому принципу единства исторического и логического, укладывались в канон релятивизма и идеологически подчинялись требованию критики буржуазных теорий. Несмотря на это, в работах Л.Б. Альтера, В.С. Афанасьева, Э.Я. Брегеля, И.Г. Блюмина, В.С. Володина рассматривались исторические условия формирования идей Дж.М. Кейнса и не только излагались, но и подвергались анализу основные положения его «Общей теории занятости, процента и денег» (далее – «Общей теории»). Из работ советского периода выделяются публикации

И.М. Осадчей, содержавшие наиболее объективный в тех условиях анализ взглядов как самого Дж.М. Кейнса, так и его последователей.

С конца 80-х годов и в начале рыночных преобразований идеи и практические рекомендации Дж.М. Кейнса стали рассматривать в качестве возможной альтернативы проводимой либерально-монетаристской политики перехода России к рыночной экономике. С таких позиций особенно активно выступали В. Андрианов, С.С. Дзарасов, И.Е. Рудакова, ученые Отделения экономики РАН, которые придерживались градуалистских кейнсианских рецептов построения смешанной, социально-ориентированной экономики.

В последние годы активизировались исследования кейнсианства, хотя по-прежнему преобладает рассмотрение нормативной части экономической теории Дж.М. Кейнса и его последователей. Характерным является также использование историко-описательного подхода в анализе эволюции кейнсианства. Вместе с тем появились работы, углубляющие и расширяющие представления как о теории самого Дж.М. Кейнса, так и об эволюции кейнсианства. Кроме того, были осуществлены попытки использования кейнсианского анализа к реалиям российской экономики. Кроме авторов учебников и отдельных глав в них, посвященных кейнсианству, среди исследований последних двух десятилетий можно выделить работы В.С. Автономова, Н.Ю. Аганаевой, С.В. Афанасьева, В.З. Баликоева, А.В. Бархоты, С.С. Дзарасова, Р.С. Дзарасова, А.С. Красильникова, Л.В. Кусургашевой, Н.А. Макашевой, А.Е. Мешимбаевой, В.Е. Маневича, Р.М. Нуреева, Д.Н. Новоженова, Ю.Я. Ольсевича, И.В. Розмаинского, В.Т. Рязанова, А.С. Скоробогатова, А.В. Сорокина и некоторых других. Высокая актуальность кейнсианских идей в современных условиях нашла отражение в публикациях в связи с 80-летием выхода в свет «Общей теории» таких авторов, как С.Д. Бодрунов, С.Н. Ивашковский, Е.А. Капогузов, В.Н. Ковнир, Р.М. Нуреев, И.Е. Рудакова, В.Т. Рязанов, Г.М. Самошилова, Г.А. Терская, Н.В. Фадейкина, А.В. Холопов, Н.В. Цхададзе, И.Н. Шапкин, Я.С. Ядгаров.

Методологические проблемы истории экономических учений, включая вопрос о национальных интерпретациях экономических теорий, рассматриваются в работах О.И. Ананьина, И.П. Гуровой, В.М. Ефимова, О.В. Карамовой, П.Н. Клюкина, О.Д. Кузнецовой, Ю.В. Латова, А.А. Мальцева, Ал.А. Мальцева, Д.Я. Майдачевского, Д.Е. Раскова, А.Г. Худокормова, И.Н. Шапкина, Я.С. Ядгарова.

Отдельно отметим тех авторов, которые исследуют глобальные изменения в экономике, ведущие к формированию новой экономической реальности (новой парадигмы социально-экономического развития) и которые, признавая ограниченность господствующего неоклассического направления, обосновывают необходимость изучения и использования в экономическом анализе потенциала разных научных школ или создания «новой экономической теории» путем синтеза теорий, чья аксиоматика не имеет принципиальных различий. С таких позиций выступают, в частности, А.В. Бузгалин, М.И. Воейков, С.Ю. Глазьев, М.В. Дубовик, Д.Н Толкачев, Е.В. Устюжанина и другие известные ученые.

Однако в течение всего вышеуказанного периода в истории отечественной экономической мысли не выполнялись ни диссертационные, ни монографические исследования зарождения и эволюции кейнсианства с точки зрения методологии НИП И. Лакатоса, которая, несмотря на наличие в истории экономических учений на современном этапе множества направлений и подходов, не утратила свой эвристический потенциал. Необходимость исследования эволюции кейнсианства как НИП предопределили выбор темы, постановку цели и задач диссертационного исследования.

Объект исследования – теории кейнсианского направления экономической мысли.

Предмет исследования – развитие кейнсианской научно-исследовательской программы.

Цель и задачи исследования: выявить структуру и раскрыть содержание процесса зарождения и развития кейнсианской научно-исследовательской программы.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании определены следующие **задачи:**

1. На основе кейнсианской теоретической модели выделить в структуре кейнсианской НИП ее твердое ядро как определенную картину экономической реальности, положительную и отрицательную эвристики, задающие дальнейший путь развития программы.

2. Проанализировать формирование защитного пояса кейнсианской НИП в послевоенный период как процесс теоретического решения актуальных проблем, устранения внутренних противоречий и эмпирического подтверждения закономерностей, сформулированных Дж.М. Кейнсом.

3. Оценить вклад и определить роль в развитии кейнсианской НИП представителей посткейнсианства.

4. Проанализировать развитие кейнсианской НИП в посткризисный период в зарубежной экономической науке.

5. Выделить и проанализировать причины актуализации кейнсианской теории, как они представлены в работах отечественных экономистов.

6. Проанализировать исследования современных отечественных экономистов, строящих собственные концепции на эвристике кейнсианской НИП и адаптирующих теоретические модели защитного пояса к реалиям российской экономики.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК при Минобрнауки России. Содержание диссертационного исследования соответствует специальности 08.00.01 – Экономическая теория, по областям исследования: п.3 «История экономической мысли», п.3.5 «Кейнсианство и его эволюция, неокейнсианство», п.3.11 «Российская школа экономической мысли: особенности России и их воздействие на основные черты российской экономической мысли; процесс возникновения, становления и этапы развития экономической мысли в России; общее и особенное по сравнению с зарубежными школами экономической мысли; концептуально-мировоззренческие представления о социально-экономических перспективах развития России; синтез

экономических и социальных аспектов развития в российской школе экономической мысли; основные направления развития российской экономической мысли в советский период, ее черты, противоречия, борьба направлений, соотношение с линиями развития мировой экономической мысли; апологетика и научная мысль; особенности трансформации марксизма в советской экономической мысли; российская экономическая мысль в эмиграции; сопоставление с советской и зарубежной экономической мыслью; эволюция, дифференциация и перерождение советской экономической мысли; возникновение новых направлений экономической мысли в постсоветский период, их классификация, сопоставление с зарубежной экономической мыслью; проблемы синтеза в современных экономических теориях тенденций мирового развития и своеобразия России.

Научная новизна исследования состоит в представлении эволюции кейнсианства как процесса зарождения твердого ядра научно-исследовательской программы, концептуализации положительной и отрицательной эвристик и формирования защитного пояса вспомогательных гипотез (теорий). Наиболее существенными элементами научной новизны являются следующие **положения, выносимые на защиту.**

1. На основе методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса впервые в отечественной историко-экономической мысли комплексно рассмотрена структура кейнсианской научно-исследовательской программы, включающая в себя постулаты твердого ядра, отрицательную и положительную эвристики, состоящие из комплекса методологических правил, образующих программу исследований и теории защитного пояса. Твердое ядро интерпретировано как картина экономической реальности, обладающая онтологическим статусом и играющая системообразующую роль в рамках данной научной программы.

2. Проанализирован процесс формирования защитного пояса кейнсианской научно-исследовательской программы в послевоенный период как процесс решения двух проблем, актуализированных в этот период: 1) теоретическое

обоснование и эмпирическая проверка содержащихся в кейнсианской теории функциональных зависимостей и 2) «динамизация» кейнсианского анализа. Доказано, что модели неоклассического синтеза в целом не входят в защитный пояс кейнсианской научно-исследовательской программы.

3. На основе анализа кризиса кейнсианства 70-х годов прошлого века с точки зрения методологии И. Лакатоса обосновано, что появившиеся в это время признаки деградации кейнсианской научно-исследовательской программы не привели к элиминации ее твердого ядра и, соответственно, всей программы в целом. Показано, что прогрессивное развитие кейнсианской научно-исследовательской программы в этот и дальнейший период было обеспечено появлением в защитном поясе вспомогательных гипотез, выдвинутых посткейнсианцами.

4. Обосновано, что современный этап развития экономики нашел отражение в гипотезах «новой нормальности» как реакции на мировой финансово-экономический кризис и «новой реальности» как обоснование процесса изменения парадигмы экономического развития. Показано, что результатом теоретического осмысления новой нормальности в рамках кейнсианской научно-исследовательской программы явился прогрессивный сдвиг проблем, связанный с новой интерпретацией старых и предсказанием новых фактов.

5. На основе авторской систематизации взглядов российских экономистов, использующих эвристику кейнсианской научной программы, показано, что основными направлениями рецепции кейнсианского анализа в отечественной экономической мысли постсоветского периода выступают: 1) эмпирическое подтверждение моделей Р. Харрода, Дж. Тобина, А. Эйхнера, кейнсианских функций потребления, сбережений и инвестиций; 2) создание модели эндогенного роста с учетом инвестиционной близорукости, описывающей образование «порочного круга долгосрочного спада»; 3) создание модели инвестиционного поведения крупного российского бизнеса с учетом особенностей инсайдерского контроля и образования ренты. Сделан вывод о возможном вкладе отечественных

экономистов в развитие кейнсианской НИП путем создания теоретических и эмпирических основ теории развития как отдельного направления в ней.

Методологические и теоретические основы исследования

Методологической базой исследования послужила концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса, дополненная элементами релятивистского подхода и идеей о твердом ядре научной программы как экономической онтологии, воплощенной в картине экономической реальности. В диссертационном исследовании применены общенаучные методы формальной логики (абстрагирование, индукция, дедукция, сравнение, обобщение и другие).

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды Дж.М. Кейнса, его последователей и оппонентов, работы российских и зарубежных авторов в области истории экономической мысли, методологии историко-экономических исследований, макроэкономической теории.

Информационной и эмпирической базой исследования явились официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ, официальные данные Центрального банка Российской Федерации, данные Всемирного банка, материалы научных статей, монографий, научных и практических конференций по проблеме исследования, публикации в периодической печати и ресурсы Интернета.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Положения и выводы, представленные в диссертационной работе, явившиеся результатом применения определенного подхода к изучению истории экономической мысли, расширяют и углубляют представление об одном из ведущих направлений современной экономической науки и могут быть использованы в процессе дальнейших научно-исследовательских работ в рамках историко-экономического анализа, а также современной методологии истории экономических учений. Результаты диссертационного исследования свидетельствуют о возможности применения теорий защитного пояса кейнсианской НИП для анализа состояния современной российской экономики и,

соответственно, для выработки практических рекомендаций в области макроэкономической политики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученные результаты при разработке и преподавании учебных курсов «Экономическая теория», «История экономических учений» «История и методология экономической науки», «Философия экономической науки», а также при разработке спецкурсов.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается использованием современной методологии, положений трудов зарубежных и отечественных ученых по исследуемой проблеме, релевантных методов исследования, широкой информационно-эмпирической базы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены и опубликованы в материалах конференций: 10-й Всероссийской научно-теоретической конференции «Россия в глобальном мире» (г. СПб, 2012 г.); XXIII Международной научной конференции «Теория и практика современной науки» (г. М., 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Инновационно-технологическое развитие науки» (г. Волгоград, 2017 г.); V Международной конференции «Институциональная трансформация экономики: пространство и время» (ITE–2017) (г. Кемерово, 2017 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Кемерово, 2017 г.); WELLSO 2017 – IV International Scientific Symposium Lifelong wellbeing in the World (c. Tomsk, 2017 y.).

Публикации. Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в 11-ти печатных работах общим объемом 8,91 п.л. (авторский вклад – 8 п.л.), в том числе 4 статьи в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук, одна публикация в коллективной монографии и 6 публикаций в

сборниках и материалах международных и всероссийских научных и научно-практических конференций.

Структура работы. Структура и содержание диссертации обусловлены целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка литературы и шести приложений. Список литературы составляет 276 источника, в том числе 87 на английском языке.

ГЛАВА 1 СТАНОВЛЕНИЕ КЕЙНСИАНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

1.1 Структура научно-исследовательской программы. Твердое ядро кейнсианской научно-исследовательской программы как онтология

Современная экономическая теория представлена множеством школ, направлений, течений и концепций, различающихся методологическими подходами, исследуемой проблематикой и практическими выводами. Господствующие позиции занимает неоклассический мейнстрим, которой постоянно подвергается критике со стороны альтернативных (неортодоксальных) школ. Очередной виток обострения споров между неоклассиками и неортодоксальными экономистами был связан с мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 годов, который наглядно продемонстрировал недостаточность и нереалистичность представления экономики путем математического моделирования и, соответственно, неэффективность макроэкономической политики, основывающейся на рекомендациях «чистой науки». В более широком контексте речь идет о кризисе неолиберальной идеологии, центральными идеями которой являются тезис о способности рыночной экономики обеспечить полное и эффективное использование всех ресурсов и вытекающее отсюда положение о минимальном вмешательстве государства в экономику. В связи с этим в научном сообществе экономистов довольно широко распространено мнение, что «экономическая наука меняется»[1].

[1] Ананьин О. Экономические онтологии и экономические институты // Федерализм. 2013. № 1 (69). С. 75.

Исходной идеей здесь, хотя зачастую и явно невыраженной, выступает релятивистское понимание того, что развитие экономической теории находится под определяющим влиянием экономических, социальных, политических условий, а также философских и идеологических установок и ценностей. Это означает, что любая теория с той или иной степенью адекватности отражает суть и формы реализации конкретно-исторической хозяйственной системы на том или ином этапе ее развития и, что является обратной стороной этого утверждения, каждому этапу развития конкретно-исторической хозяйственной системы соответствует «своя» теория.

Какая теория соответствует современному этапу развития мировой экономики? Основные альтернативы сегодня, как и в 70-е годы прошлого века, представлены кейнсианством и современными версиями экономического неолиберализма, прежде всего – монетаризмом. Многие экономисты считают, что «в начале XXI века уже всем стало ясно, что главенствующие экономические теории, будучи воплощенными в практику, потерпели крах»[2].

В связи с актуализацией кризисной проблематики в последнее время идеи Дж.М. Кейнса вновь, как и в момент появления «Общей теории», оказались в центре дискуссии, в которой принимали участие как «чистые» теоретики, так и практики, такие, как Дж. Кокрейн, Дж. Сорос, П. Кругман, Р. Шиллер, О. Бланшар, Дж. Стиглиц и другие. В данном случае главным вопросом полемики стал вопрос о необходимости и конкретных направлениях изменения макроэкономической политики с целью вывода экономики в фазу устойчивого роста. Так, лауреат Нобелевской премии П. Кругман утверждает, что «кейнсианские воззрения остались единственными достойными внимания»[3], и что именно Дж.М. Кейнс создал «лучшую из имеющихся теорий о природе рецессий

[2] Мокий М.С. О необходимости смены теоретической концепции в экономической науке и образовании // Львовские чтения – 2017. Сб. ст. V Всерос. науч. конф. (26 апреля 2017 г.) / под науч. ред. Г.Б. Клейнера. М., 2017. – С. 117.

[3] Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? [Электронный ресурс] // The New York Times. 2009. Режим доступа: http://www. nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html (дата обращения: 18.06.2016).

и депрессий»[4]. В противовес этому сегодняшние оппоненты Кейнса характеризуют его подход как устаревший, изобилующий известными логическими ошибками и вообще ушедший «не в ту степь»[5].

В отечественной литературе в последние годы активизировались исследования кейнсианства, причины чего рассмотрены в третьей главе настоящей работы. Здесь же отметим справедливость, на наш взгляд, позиции тех экономистов, которые, признавая недостатки неоклассической программы и ее неадекватность современным условиям, считают, что «поэтому изучение истории Кейнса и кейнсианства является в значительной степени «воспоминанием о будущем» – формой подготовки к смене мейнстрима экономической теории»[6].

Общепризнанно, что история экономических учений занимает в системе экономических наук периферийное место. Несмотря на это, именно она призвана не просто изучать теории прошлого, но и определять их потенциал в познании настоящего.

В рамках современной экономической науки большое влияние на историю экономической мысли оказал процесс формирования экономической методологии в качестве самостоятельной субдисциплины («методологический бум»[7], «десятилетия методологических дебатов»[8]), который не в последнюю очередь был «спровоцирован» постпозитивистскими концепциями развития науки К. Поппера, Т. Куна и особенно И. Лакатоса. «Внешним фактором, – отмечает Ф. Дин, – оказавшим в послевоенные десятилетия заметное воздействие как на вопросы, к которым обращались историки экономической мысли, так и на интерес

---

[4] Idid.

[5] Cochrane J.H. How did Paul Krugman get it so Wrong? [Электронный ресурс] // Modeled Behavior. 2009. Режим доступа: https://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/#_ftn1_6657 (дата обращения 18.06.2016).

[6] Исторические судьбы учения Дж.М. Кейнса / Под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. М., 2019. С. 8.

[7] Там же. С. 10.

[8] Мальцев А.А. Методологический ландшафт истории экономических учений: но-вые историографические альтернативы и возможности // Вестник Московского университета. Серия. 6. Экономика. 2016. № 1. С. 45.

неспециалистов к их ответам, был подъем исследований и дискуссий в области истории, социологии и философии науки в целом»[9].

Следует отметить, что «методологический бум» привел к тому, что на сегодняшний день в истории экономических учений отсутствует общепризнанный метод анализа; наоборот – главным принципом современного историко-экономического анализа выступает методологический плюрализм, допускающий использование различных подходов и их сочетание к исследованию истории экономических учений, ее отдельных этапов, школ, направлений и отдельных теорий. А.А. Мальцев, исследовавший «методологический ландшафт» в этой области знаний, выделил и дал характеристику шестнадцати современным подходам[10]. Основными из них являются рациональная реконструкция, историческая реконструкция и конструктивистский подход, различающиеся в рамках более широкой классификации методов путем выделения релятивистского и абсолютистского канонов.

В одной из статей автор диссертации выделил аргументы, показывающие возможность применения к рассмотрению эволюции кейнсианства методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса[11]. В целом, можно сказать, что ее выбор обусловлен в конечном итоге отсутствием в отечественной экономической мысли подобных исследований и ее эвристическим потенциалом. Уместной в данном контексте будет и ссылка на известного западного методолога и историка экономической мысли М. Блауга, который отмечал, что «… нет особых сомнений в том, что это (теория Дж.М. Кейнса – С.Н. Черновол) была не просто теория, но четко выраженная исследовательская программа для работы во многих различных областях экономической теории»[12].

---

[9] Дин Ф. Роль истории экономической мысли // Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т. / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб., 2002. Т. 1. С. 34.

[10] Мальцев А.А. Методологический ландшафт истории экономических учений: новые историографические альтернативы и возможности // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 1. С. 44–63.

[11] Кусургашева Л.В., Черновол С.Н. Кейнсианская научно-исследовательская программа в контексте «новой нормальности // Проблемы современной экономики. 2016. № 4 (60). С. 51–52.

[12] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 313.

Имре Лакатос (1922-1974) – английский философ, представитель постпозитивизма, теория которого «оказалась высшим достижением в двухсотлетнем развитии философии науки»[13]. Основную идею концепции И. Лакатоса можно выразить так: «… развитие любой науки представляет собой сосуществование и конкуренцию различных научно-исследовательских программ, в процессе которой содержание науки и ее структура формируются и развиваются путем теоретически и эмпирически прогрессивного сдвига проблем успешной НИП (то есть такой, которая не только предсказывает некоторые новые, ранее не ожидаемые факты, но и ведет к открытию новых)»[14]. «История науки, – утверждал И. Лакатос, – была и будет историей соперничества исследовательских программ…»[15]. Более того, И. Лакатос доказывал, что без такого понимания остаются без объяснения многие факты реальной истории науки: «…непрерывность в науке, упорство в борьбе за выживание некоторых теорий, оправданность некоторого догматизма – все это можно объяснить только в том случае, если наука понимается как поле борьбы исследовательских программ, а не отдельных теорий»[16].

Структура НИП, по И. Лакатосу, выглядит следующим образом:

1) жесткое (твердое) ядро – фундаментальные положения, которые в рамках данной программы принимаются как неопровержимые;

2) защитный пояс – дополнительные гипотезы, которые могут видоизменяться, защищая тем самым жесткое ядро от опровержений;

3) совокупность методологических правил, так называемой положительной (позитивной) эвристики, предписывающей наиболее предпочтительные пути исследования и отрицательной (негативной) эвристики, указывающей, каких путей исследования следует избегать[17].

---

[13] Мареева Е.В, Мареев С.Н., Майданский А.Д. Философия науки. М., 2010. С. 41.
[14] Кусургашева Л.В., Черновол С.Н. Кейнсианская научно-исследовательская программа в контексте «новой нормальности // Проблемы современной экономики. 2016. № 4 (60). С. 52.
[15] Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 111.
[16] Там же. С. 139.
[17] Там же. С. 76–85.

В целом НИП – это ряд (последовательность) теорий, которые возникают на основе теории – родоначальнике этого ряда и которые могут быть подразделены на жесткие и гибкие компоненты. Очевидно, что центральное место в структуре НИП занимает ее твердое ядро – это аксиоматика теории, те ее постулаты, которые являются для ее сторонников неопровергаемыми; именно с целью их защиты формулируются отдельные идеи и теории, образующие защитный пояс НИП, который в процессе ее развития постоянно трансформируется, изменяется. Поэтому И. Лакатос употребляет по отношению к теориям защитного пояса понятие «вспомогательные гипотезы». Программу трансформации защитного пояса задают правила положительной и отрицательной эвристик.

Следует отметить, что в литературе соотношение между структурными элементами НИП обычно не рассматривается. И. Лакатос, говоря об эвристиках, с одной стороны, объединяет их и отождествляет с программой (стратегией) исследования. Тем самым, на наш взгляд, он отделяет твердое ядро (жесткий элемент НИП) и защитный пояс (гибкий элемент НИП): «Программа складывается из методологических правил, часть из них – это правила, указывающие каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)»[18].

С другой стороны, в работе И. Лакатоса сформулировано положение, которое позволяет разделить положительную и отрицательную эвристики и отнести первую из них к твердому ядру, а вторую – к защитному поясу. Он пишет: «Эта политика, или программа исследований, в той или иной степени предполагается положительной эвристикой исследовательской программы. Если отрицательная эвристика определяет «твердое ядро» программы, которое, по решению ее сторонников, полагается «неопровержимым», то положительная эвристика складывается из ряда доводов, более или менее ясных, и предположений, более или менее вероятных, направленных на то, чтобы изменять

[18] Там же. С. 75.

и развивать «опровержимые варианты» исследовательской программы, как модифицировать, уточнять «опровержимый» защитный пояс»[19].

На наш взгляд, это послужило основой существования определенных разногласий относительно того, куда относить положительную и отрицательную эвристики: к твердому ядру или защитному поясу. Так, согласно М. Блаугу, твердое ядро включает в себя, помимо чисто «метафизических верований», позитивную и негативную эвристику[20]. В литературе встречается и противоположное мнение: и позитивная, и негативная эвристики в целом относятся к защитному поясу НИП[21]. С нашей точки зрения, определение места методологических правил в структуре НИП не имеет большого значения; важна их роль в развитии НИП, а с этой точки зрения разногласий среди исследователей нет. Если все же определять их место в структуре, то, как представляется, методологические правила, образуя программу исследования, не входят, сами по себе, ни в твердое ядро, ни в защитный пояс. В то же время, опираясь на вышеприведенные замечания И. Лакатоса, можно сделать вывод, что отрицательная эвристика определяет (*но не входит в…*) твердое ядро программы, положительная эвристика определяет (*но не входит в…*) теории защитного пояса.

Главная содержательная проблема при рассмотрении структуры НИП, на наш взгляд, состоит в том, какой тип или уровень знаний об объекте исследования отражается в ее центральном элементе – твердом ядре. И. Лакатос эту проблему не ставил и не решал. Как пишет Л.В. Кусургашева (со ссылкой на известного отечественного философа В.С. Степина), это связано с тем, что «… в рамках западной философии науки не выработано единого подхода к анализу структуры науки»[22], не определены главные элементы оснований науки и связи между ними; в целом она так и осталась «непроясненной».

---

[19] Там же. С. 80.
[20] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 88.
[21] Гловели Г.Д. История экономических учений. М., 2013. С. 729.
[22] Кусургашева Л.В. Логико-методологический и историко-научный анализ экономической теории. Кемерово, 2004. С. 36.

В экономической науке этой проблеме крайне редко уделяется специальное внимание. Исключение составляют работы известного российского методолога О. Ананьина. В статье 1992 года, инициировавшей дискуссию о кризисе отечественной экономической теории, О. Ананьин рассмотрел основания экономической теории, взяв в качестве метода концепцию научных революций Т. Куна[23]. Наиболее продуктивной и достаточно операциональной представляется его идея о картине экономической реальности (далее – КЭР). «Общая картина экономической реальности, или частная онтология, – пишет О. Ананьин, – *задается системой базовых понятий* – категорий, вокруг которых складываются понятийные структуры, формирующие идеальные объекты, призванные отображать свойства и закономерности объектов реального мира. Частные онтологии – главный источник профессиональной интуиции; они предопределяют спектр исследовательских стратегий в своей области. Несмотря на подобную стратегическую роль в процессе познания, онтологии… обычно принимаются в научном сообществе как нечто само собой разумеющееся и потому не требующее обоснования»[24].

Какова связь КЭР и твердого ядра НИП? представляется, что ответ на этот вопрос связан с той ролью, которую КЭР играет в процессе познания. При изложении данного вопроса кроме идей О.И. Ананьина использовались также исследования Л.В. Кусургашевой, посвященные основаниям экономической теории[25].

Исходя из того, что КЭР репрезентирует экономику (объект исследования) как некую целостность, включающую в себя базовые понятия и связи между ними, можно говорить о ее онтологическом статусе, то есть принадлежности к реальному миру. Иначе говоря, КЭР «фиксирует целостное в***и***дение экономики, и

---

[23] Ананьин О. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества // Вопросы экономики. 1992. № 10. С. 82–84.

[24] Ананьин О. Экономические онтологии и экономические институты // Федерализм. 2013. № 1 (69). С. 75.

[25] Кусургашева Л.В. Логико-методологический и историко-научный анализ экономической теории. Кемерово, 2004. С. 34–47 ; Она же. Картина исследуемой реальности: место и роль в развитии экономической теории // Россия в контексте реалий глобальной экономики: сб. науч. тр. Кемерово, 2005. С. 26–32.

поэтому ее можно рассматривать как такую форму теоретического знания, которая представляет предмет исследования соответственно определенному этапу развития реального объекта»[26].

Кроме онтологического статуса, КЭР обладает системообразующими характеристиками. Это означает, что она «выступает особой формой систематизации знаний, посредством которой обеспечивается связь различных уровней научного познания, достигается взаимосогласование отдельных теорий в рамках данной дисциплины и задается программа будущих исследований»[27].

О. Ананьин пишет о системообразующей роли научной картины мира в контексте выделения различий теоретического и онтологического анализа. Последний призван, по его мнению, «… выявлять скрытые предпосылки, лежащие в основании соответствующих теорий, воссоздавать их реальный контекст и смысл, обеспечивать необходимый фон для сравнения конкурирующих теорий и структурирования накопленного запаса знаний»[28].

Твердое ядро НИП в концепции И. Лакатоса также обладает онтологическим статусом и играет системообразующую роль. Это позволяет сделать вывод о тождественности понятий КЭР как онтологии и твердого ядра НИП[29].

Как уже отмечалось, в отечественной экономической литературе эволюция кейнсианства как развитие НИП не рассматривалась, хотя некоторые работы содержат указание на отдельные постулаты твердого ядра и / или теории защитного пояса[30]. Считается, что в западной экономической мысли один из аспектов этой проблемы, а именно – структура кейнсианства как НИП – был

---

[26] Кусургашева Л.В. Картина исследуемой реальности: место и роль в развитии экономической теории // Россия в контексте реалий глобальной экономики: сб. науч. тр. Кемерово, 2005. С. 28.
[27] Там же.
[28] Ананьин О. Экономические онтологии и экономические институты // Федерализм. 2013. № 1 (69). С. 77.
[29] Там же. С. 84.
[30] Гурова И.П. Конкурирующие экономические теории. Ульяновск, 1998. Гл. 4 ; Кусургашева Л.В. Теория Дж.М. Кейнса и структура экономической науки: необходимость трансформации // Россия в контексте реалий глобальной экономики: сб. науч. тр. Вып. 4. Кемерово, 2008. С. 20–29 ; Гловели Г.Д. История экономических учений. М., 2013. Гл. 28.

проанализирован в одной из глав известной работы М. Блауга[31]. Однако, по словам самого М. Блауга, «более ранняя версия данной главы была представлена в качестве статьи на конференции Общества истории экономических учений в Лондоне в сентябре 1974 года»[32]. Следовательно, даже с точки зрения структуры кейнсианской НИП представленные им результаты нельзя назвать «окончательными».

Будем исходить из того, что поскольку твердое ядро программы полагается неопровержимым, то входящие в него постулаты постоянны, они не могут быть ни заменены, ни изменены, нельзя устранить их или включить новые (в противном случае речь будет идти о новой НИП). Хотя «это не означает, что твердое ядро НИП намертво зафиксировано с момента рождения программы; наоборот, оно тоже развивается, но, предположительно, гораздо медленнее защитного пояса»[33]. Следовательно, ядро кейнсианской НИП было сформировано в трудах Дж.М. Кейнса и, прежде всего, в его «Общей теории занятости, процента и денег». Исходя из этого, изложим кратко основные положения теории Дж.М. Кейнса (1883–1946).

Как указывал сам Дж.М. Кейнс, «конечная цель нашего анализа состоит в том, чтобы выяснить, чем определяется объем занятости»[34]. Поэтому теоретическая система Дж.М. Кейнса представляет собой анализ совокупного (эффективного) спроса, детерминирующего, с его точки зрения, объем выпуска и занятости в экономике.

Совокупный спрос, по Дж.М. Кейнсу, складывается из потребительского и инвестиционного спроса. Потребительский спрос Дж.М. Кейнс рассматривал как зависящий от абсолютной величины текущего дохода, который в системе макроэкономических показателей представлен таким показателем, как «личный располагаемый доход». В дальнейшем данная зависимость потребления и дохода

---

[31] Blaug M. Kuhn versus Lakatos, or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // Economic History and the History of Economics. Brighton, 1986. Ch. 13. P. 233–264.
[32] Ibid. P. 233.
[33] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 88.
[34] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 91.

получила название «гипотезы абсолютного дохода». В рамках этой гипотезы Дж.М. Кейнсом были сформулированы некоторые «закономерности», которые определяют «поведение» потребительской функции. Важнейшей среди них является «основной психологический закон общества», согласно которому предельная склонность к потреблению с ростом дохода уменьшается. Как пишет Р. Бодкин, эта базисная гипотеза (у Дж.М. Кейнса) в дальнейшем «… оказалась возведенной в ранг «фундаментального психологического закона»»[35]. Й. Шумпетер, в свою очередь, называет эту гипотезу «произвольным постулатом»[36], хотя сам Кейнс писал именно о законе: «Основной психологический закон, в существовании которого мы можем быть вполне уверены не только из априорных соображений, исходя из нашего знания человеческой природы, но и на основании детального изучения прошлого опыта, состоит в том, что люди склонны, как правило, увеличивать свое потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растет доход»[37].

Второй элемент совокупного спроса – инвестиции (инвестиционный спрос), согласно Дж.М. Кейнсу, зависят от предельной эффективности капитала и ставки ссудного процента. Предельную эффективность капитала Дж.М. Кейнс определял, как соотношение между ожидаемой доходностью капитальных активов и их ценой предложения; фактически – это ожидаемый от них доход или будущая прибыль, которую предприниматель предполагает получить от использования капитала. И на ее величину, следовательно, большое влияние оказывают субъективные факторы (ожидания, определяемые *animal spirits*[38]), определяющие неустойчивость инвестиционной функции. Поскольку потребление, по Дж.М. Кейнсу, является относительно постоянной долей

---

[35] Бодкин Р. Кейнсианские эконометрические концепции: потребительские и инвестиционные функции; мультипликатор // Современная экономическая мысль / общ. ред. В.С. Афанасьева и Р.М. Энтова. М., 1981. С. 122.

[36] Шумпетер Й.А. История экономического анализа: в 3 т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб., 2004. Т. 3. С. 1547.

[37] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 98.

[38] Термин, впервые употребленный Дж.М. Кейнсом для характеристики конвенционального поведения инвесторов; означает «жизнерадостность», оптимизм, «внутренний голос», интуицию, «стадное чувство».

совокупного дохода, постольку объем производства и занятость определяются главным образом инвестициями, которые, будучи неустойчивыми, нестабильными, определяют колебания совокупного дохода и занятости. Нижней границей предельной эффективности капитала у Дж.М. Кейнса выступает рыночная ставка процента, поскольку предприниматель будет вкладывать средства только тогда, когда он ожидает получить прибыль больше, чем существующая на данный момент ставка процента. И чем она ниже, тем больше инвестиции, а чем больше ставка процента, тем меньше склонность к инвестированию.

Рассматривая ставку процента как фактор, влияющий на инвестиции, Дж.М. Кейнс, по мнению Й. Шумпетера, «… по крайней мере в интенции, выдвинул денежную теорию процента, согласно которой процент не имеет отношения к чистому доходу от использования капитальных благ»[39]. Дело в том, что неоклассическая теория на микроэкономическом уровне традиционно оперирует с так называемой «реальной теорией процента», в соответствии с которой ставка процента определяется как равновесная величина между спросом фирм на инвестиции (фактически – на капитальные блага) и сбережениями индивидов на рынке капитала. При этом в основе нисходящей кривой спроса на инвестиции лежит закон убывающей отдачи факторов производства (в данном случае – капитальных благ), а в основе возрастающей кривой предложения сбережений – бережливость индивидов, детерминируемая положительной нормой временн***о***го предпочтения («предпочтение настоящего»). И производительность, и бережливость являются реальными феноменами, следовательно, ставка процента также имеет «реальную природу». Такая трактовка процента вполне вписывается в рамки так называемой «классической дихотомии», характерной для неоклассической школы. Суть ее состоит в жестком разделении экономики на две сферы: реальную, в которой происходит производство товаров, и денежную, в которой устанавливаются цена произведенных товаров. Такое разделение

[39] Шумпетер Й.А. История экономического анализа: в 3 т. СПб., 2004. Т. 3. С. 1549.

исключает влияние денег на реальный сектор, оставляя им лишь «номинальную» роль.

В отличие от этого, Дж.М. Кейнс поставил задачу связать воедино реальный и денежный анализ и представить, таким образом, денежную теорию производства, в которой деньги играют вполне реальную, осязаемую, роль. Деньги в теории Дж.М. Кейнса, пишут В.Н. Ковнир и Е.А. Погребинская, «… служат не просто «вуалью» над производством, а являются источником энергии, заставляющим работать капиталистическую экономику»[40]. Роль связующего звена между реальным и денежным секторами у Дж.М. Кейнса как раз и играет ставка процента, которая, с одной стороны, определяется на денежном рынке соотношением спроса и предложения денег и находится под сильным влиянием субъективных ожиданий в условиях неопределенности будущего, а с другой – сама влияет, наряду с предельной эффективностью капитала, на процесс инвестирования и тем самым – на реальный сектор (занятость и национальный доход).

Включение в анализ ожиданий и неопределенности на денежном рынке привело к перестройке традиционной количественной теории денег в теорию предпочтения ликвидности.

Предпочтение ликвидности – новое понятие, введенное Дж.М. Кейнсом. По Дж.М. Кейнсу, спрос на деньги состоит из двух частей: $M = M_1 + M_2 = L_1(Y) + L_2(i)$, где $M_1 = L_1(Y)$ – трансакционный спрос[41], $M_2 = L_2(i)$ – спекулятивный спрос на деньги. Спекулятивный спрос Дж.М. Кейнс определял, как «намерение приберечь некоторый резерв, чтобы с выгодой воспользоваться наилучшим по сравнению с рынком знанием того, что принесет будущее»[42]. Именно

---

[40] Ковнир В.Н. Актуальность теории Кейнса в XXI веке / В.Н. Ковнир, Е.А. Погребинская // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. Вып. 4. С. 41.

[41] M_1 включает спрос на деньги по собственно трансакционному мотиву и мотиву предосторожности, которые обычно объединяют, поскольку оба зависят от дохода. Некоторые авторы считают это чрезмерным упрощением (см.: Розмаинский И. Методологические основы теории Кейнса и его «спор о методе» с Тинбергеном // Вопросы экономики. 2007. № 4. С. 29–30).

[42] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 163.

спекулятивный мотив спроса на деньги придает ему неустойчивость, поскольку он, в отличие от трансакционного спроса, связан с неопределенностью относительно будущей ставки процента: «…предпочтение ликвидности определяется предположениями относительно будущей нормы процента, складывающимися под влиянием массовой психологии»[43]. Ставка процента по неденежным активам (у Дж.М. Кейнса – по облигациям) выступает в данном случае как альтернативная стоимость хранения запаса денег (издержки упущенных возможностей). Поэтому процент рассматривается как «вознаграждение за лишение денег и ликвидности на определенный период»[44] (плата за расставание с ликвидностью). Дж.М. Кейнс подчеркивал связь предпочтения ликвидности с неопределенностью и ожиданиями хозяйствующих субъектов, действующих на финансовых рынках: «… неуверенность в отношении будущей динамики нормы процента является единственным вразумительным объяснением предпочтения ликвидности L_2, ведущего к хранению наличности M_2»[45]. Отсюда следует, что ставка процента представляется в «значительной степени психологическим феноменом»[46].

Критикуя неоклассическую теорию процента, Дж.М. Кейнс, в частности, показал, что равенство сбережений и инвестиций (одно из условий макроэкономического равновесия) достигается не с помощью изменения ставки процента, как считали неоклассики, а посредством изменения уровня совокупного дохода. Дж.М. Кейнс настаивал на том, что *ex post* сбережения и инвестиции всегда равны[47]. Однако поскольку сбережение и инвестирование – это два отдельных, самостоятельных акта, с разными субъектами и разными движущими

---

[43] Там же. С. 163.
[44] Там же. С. 160.
[45] Там же. С. 190. См. также: С. 160–161.
[46] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 192.
[47] «Хотя общая сумма сбережений представляет собой совокупный результат действия множества отдельных потребителей, а величина инвестиций – совокупный результат действия индивидуальных предпринимателей, эти две величины должны быть равны между собой, поскольку каждая из них равна превышению дохода над потреблением» (Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 65).

силами, то *ex ante* они не совпадают[48]. Механизмом, который выравнивает несовпадающие по величине планируемые сбережения и планируемые инвестиции, выступает у Дж.М. Кейнса мультипликатор. Мультипликатор – коэффициент, показывающий, насколько изменится доход в ответ на исходное изменение расходов. Как известно, сам термин «мультипликатор» был введен в научный оборот учеником Дж.М. Кейнса Р. Каном. В отличие от мультипликатора Кана («мультипликатор занятости»), мультипликатор, описанный Дж.М. Кейнсом в десятой главе «Общей теории», во-первых, является мультипликатором инвестиций (показывает мультиплицирующее влияние на совокупный доход изменений инвестиционного компонента совокупного спроса); во-вторых, зависит от психологических факторов, и его величина находится в прямой зависимости от предельной склонности к потреблению.

Н.А. Макашева справедливо обращает внимание еще на один важный момент: в концепции мультипликатора у Кейнса важна не столько формальная зависимость между инвестициями, потреблением и доходом, сколько положение об активной роли инвестиций (инвестиции «тянут» за собой сбережения)[49]. При этом «…если инвестиции изменяются, то и доход должен непременно измениться – как раз настолько, насколько нужно, чтобы изменения в величине сбережений были равны изменениям в величине инвестиций»[50].

Таково в общем и целом содержание теоретической системы Дж.М. Кейнса. Как справедливо подчеркивает И.В. Розмаинский «… *основные макроэкономические функции в теории Дж.М. Кейнса не выведены на базе оптимизирующего выбора индивидов*… Дж.М. Кейнса интересовало фактическое поведение людей в реальном, меняющемся мире, который не оставляет возможностей для оптимизирующего поведения во многих сферах жизни. Стереотипы, конвенции и ожидания, а вовсе не оптимизационные расчеты,

---

[48] У самого Кейнса не было различий между *ex ante* и *ex post*; видимо, поэтому его анализ связки «сбережения – инвестиции», как он дан в главах 6 и 16, выглядит противоречивым.

[49] Макашева Н.А. Дж.М. Кейнс: новая теория для изменившегося мира // История экономических учений / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000. С. 498.

[50] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 175.

определяют человеческие решения, которые, поэтому, *не поддаются точному, количественному анализу*»[51].

Выделим из теории Дж.М. Кейнса твердое ядро и те методологические принципы, которые образуют отрицательную и положительную эвристики кейнсианской НИП.

Твердое ядро кейнсианской НИП может быть представлено следующими базовыми положениями.

1. Уровень занятости и выпуска продукции определяется эффективным (совокупным) спросом.

Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, положение об эффективном спросе как факторе, определяющим основные параметры экономической системы, у Дж.М. Кейнса в «Общей теории» просто постулируется; он не выводит его ни математически, ни вербально, но берет его из реальной жизни, как очевидный факт: «… уровень занятости как на отдельном предприятии или в одной отрасли, так и в целом по хозяйству зависит от суммы выручки, которую предприниматели рассчитывают получить за соответствующую продукцию»[52]. Это означает, что оно обладает онтологическим статусом. Во-вторых, это положение в теории Дж.М. Кейнса – базовый постулат, определяющий весь контекст исследования и связывающий все остальные понятия, категории и закономерности в единую теоретическую конструкцию (системообразующая роль). Именно поэтому данный постулат включается нами в твердое ядро кейнсинской НИП.

Положение об эффективном спросе как элементе «твердого ядра» кейнсианской НИП выделяет и М. Блауг, связывая с этим изменение твердого ядра, «передаваемое еще со времен Адама Смита»[53].

Эффективный спрос, как основу содержания кейнсианства, выделяют многие как зарубежные, так и отечественные авторы. На то, что «основным в

---

[51] Розмаинский И.В. «Общая теория» Дж.М. Кейнса: уроки три четверти века спустя // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 1. С. 48–49.

[52] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 31.

[53] Blaug M. Kuhn versus Lakatos, or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // Economic History and the History of Economics. Brighton, 1986. P. 243.

Кейнсовой теории является понятие эффективного спроса» указывал, в частности, Б. Селигмен[54]. Американский экономист Дж. Фейвел считает, что эффективный спрос кейнсианством рассматривается как центральная проблема макроэкономических срывов и колебаний деловой активности[55]. А.Г. Худокормов эффективный спрос называет «центральной категорией кейнсианства»[56]. Н.А. Макашева указывает на то, что совокупный спрос Дж.М. Кейнса является «отправной точкой в его рассуждениях»[57], то есть основой дальнейших выводов.

2. Экономические агенты действуют в условиях неопределенности будущего.

Как известно, проблеме неопределенности[58] Дж.М. Кейнс посвятил непосредственно главу 12 «Общей теории» («Состояние долгосрочных предположений»), где рассматривается рынок капитала и механизм принятия решений о долгосрочных инвестициях. Более широко эта проблема обсуждается им в статье «Общая теория занятости» (1937)[59]. Здесь Дж.М. Кейнс, в частности, прямо указал на главное отличие своего в***и***дения экономики от предшествующих теорий – это неопределенность будущего. По Дж.М. Кейнсу, предметом анализа неоклассиков выступала экономическая система, в которой «в любой данный момент времени факты и ожидания предполагались заданными в определенной и поддающейся вычислению форме; риски хотя и признавались, но в значительной

[54] Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 498.
[55] Feiwell G.R. Samuelson and Neoclassical Economics. Boston, 1982. P. 204.
[56] Худокормов А.Г. Неокейнсианство // История экономических учений: (современный этап) / под ред. А.Г. Худокормова. М., 2009. С 15.
[57] Макашева Н.А. Дж.М. Кейнс: новая теория для изменившегося мира // История экономических учений / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2008. С. 497.
[58] В литературе указывается, что предшественником Дж.М. Кейнса в постановке проблемы неопределенности, включая вопрос о ее отличии от риска, является американский экономист Ф.Х. Найт (см.: Макашева Н.А. Еще раз о революции Дж.М. Кейнса (опыт построения макроэкономической теории для экономики с неопределенностью) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 149; Розмаинский И.В. Посткейнсианская теория денежной экономики и миражи постиндустриализма: анализ и выводы для постсоветской России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 1. С. 54; Hodgson G.M. The Eclipse of the Uncertainty Concept in Mainstream Economics // Journal of Economic Issues. Vol 45. No 1. P. 159).
[59] Keynes J.M. The General Theory of Employment // The Quarterly Journal of Economics. 1937. Vol. 51. Issue 2. P. 209–223 (русский перевод см.: Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М., 1998. С. 280–292).

мере не учитывались, так как предполагалось, что они могут быть точно вычислены. Расчет вероятности упоминался мимоходом, считался средством, позволяющим свести неопределенность к количественно вычисляемой форме и сделать ее равнопорядковой определенностью; как в бентамовском исчислении страданий и удовольствий или выгод и недостатков, соотношение которых… влияет на общее этическое поведение людей»[60]. В отличие от этого реальный мир, утверждал Дж.М. Кейнс, характеризуется неопределенностью, которая является следствием того, что «наши знания о будущем являются колеблющимися, туманными и неопределенными»[61]. Дж.М. Кейнс писал: «… под «неопределенным» знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности... Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения... Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем»[62].

Как показала Н.А. Макашева, дефиниция неопределенности как ситуации, когда «не существует научной основы для исчисления какой-либо вероятности», базируется на созданной Кейнсом вероятностной логике – одного из направлений теории познания[63], и, соответственно, относится к области гносеологии. «В этом отношении важно, – пишут Д. Милонакис и Б. Файн, – что он (Дж.М. Кейнс – С.Н. Черновол) написал то, что воспринимается как классический вклад в теорию вероятности как основу для понимания неопределенности»[64]. С другой стороны, анализ взглядов Дж.М. Кейнса на функционирование рынка капитала, инвестиционную функцию, поведение инвесторов не оставляет сомнений в том,

[60] Там же. С. 283.
[61] Там же. С. 283.
[62] Там же. С. 284.
[63] Макашева Н.А. Неопределенность, вероятность, этика: Дж.М. Кейнс, Л. Мизес, Ф. Найт // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 47–65.
[64] Milonakis D., Fine B. From Political Economy to Economics From Political Economy to Economics: Method, the social and the historical in the evolution of economic theory. Oxford, New York, 2009. P. 276.

что для него неопределенность имеет онтологическую природу – это объективная характеристика реального мира, обусловленная сложностью и масштабностью информации, необходимой экономическим субъектам для принятия решений, а также тем, что ее еще нет, она еще не создана (из-за отсутствия самого факта, события, которое еще только может произойти как результат непреднамеренных действий экономических субъектов). В этом случае «дело не только в том, что лица, принимающие инвестиционные и технологические решения, не имеют возможности собрать всю доступную информацию относительно последствий своих решений. Главный аспект заключается здесь в том, что это лишь часть необходимой информации, относящейся к настоящему моменту времени. Между тем, будущие выгоды от расширения капитального запаса или инноваций зависят от множества переменных и событий, которые пока не произошли, например, изменений в налоговом режиме, вкусах потребителей, макроэкономической конъюнктуры и т. д.»[65].

М. Блауг прямо не называет неопределенность элементом твердого ядра, но опосредованно делает это, учитывая взгляды Дж.М. Кейнса на особенности человеческого поведения в условиях неопределенности: «Кейнс представил идеи о всеобщей неуверенности и возможности дестабилизации ожиданий, причем не только в «защитном поясе», но и в самом «жестком ядре» своей программы»[66]. На то, что категория неопределенности занимает центральное место в кейнсианской теории, указывают и другие экономисты[67].

Следует подчеркнуть, что постулат неопределенности будущего не может сосуществовать с неоклассической предпосылкой о рациональном поведении агентов как оптимизирующем поведении, означающим максимизацию целевой функции при данных ограничениях (например информационных)[68]. Человек в

---

[65] Розмаинский И.В. Посткейнсианский анализ характеристик человеческого поведения в условиях макроэкономических, технологических и институциональных изменений // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. Т. 1. № 1. С. 47.

[66] Blaug M. Kuhn versus Lakatos, or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // Economic History and the History of Economics. Brighton, 1986. P. 243.

[67] Hodgson G.M. The Eclipse of the Uncertainty Concept in Mainstream Economics // Journal of Economic Issues. Vol 45. No 1. P. 160.

[68] Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998. С. 13.

условиях неопределенности будущего не может вести себя как неоклассический «рациональный максимизатор» – это признают большинство интерпретаторов теории Дж.М. Кейнса. Какую поведенческую модель в таком случае использует Дж.М. Кейнс в своей теоретической системе? В «Общей теории» она в явном виде не формулируется, что «… давало простор различным и даже противоположным толкованиям»[69]. Согласимся с В.С. Автономовым, который тщательно проанализировал «макроэкономического человека» в теории Дж.М. Кейнса и сделал вывод, что «… в основе теоретической системы Кейнса лежала предпосылка неполной информации, доступной экономическим субъектам. В данных рамках поведение их предполагается вполне рациональным, но речь идет о рациональности в широкой трактовке, а не о рациональной максимизации целевой функции. В экстремальных случаях, например, при предкризисной панике, такая рациональность легко может уступить место полной иррациональности по любым меркам. Неполная информация открывает дорогу влиянию ожиданий, иллюзий, настроений и других психологических факторов, искажающих логику рационального расчета»[70].

И.Н. Шапкин модель рационального поведения в условиях неопределенности формулирует как очень условную. «В повседневной экономической деятельности люди ведут себя вполне последовательно, но такая последовательность может существенно отличаться от вариантов допустимой рациональности. В этом смысле они являются предсказуемо иррациональными»[71].

Следовательно, рациональность поведения в широком смысле слова означает «разумное», «правильное». Аналогично образом трактует рациональность у Дж.М. Кейнса известный британский экономист, биограф Дж.М. Кейнса Р. Скидельски: «Кейнс… считал, что люди мыслят рационально, только его теория рациональности была более общей, чем у классических и неоклассических экономистов… Изучать то, как люди ведут себя в

[69] Там же. С. 118.
[70] Там же. С. 122.
[71] Шапкин И.Н. Информация в условиях подвижности и неопределенности рынка: современные экономические воззрения // Мир новой экономики. 2016. № 1. С. 72.

действительности – не значит утверждать, что поведение человека иррационально. «Каприз» из «Трактата о вероятности», ставший в «Общей теории» «жизнерадостностью» (animal spirits), описан как нечто рациональное или по крайней мере с учетом доступного уровня знаний»[72].

Более глубокое понимание рациональности в системе Дж.М. Кейнса предлагает Н.А. Макашева, которая исходит из того, что содержание рациональности определяется его концепцией вероятностной логики. А именно: «Кейнс… говорил о рациональности как характеристике логики. Рациональность допускает, что, зная одно утверждение, из которого не следует с неизбежностью истинность другого, мы имеем некоторое рациональное основание верить в истинность последнего. В этом случае многие стороны жизни рассматриваются как рациональные»[73]. В частности, поведение инвесторов в условиях неопределенности, которое Дж.М. Кейнс характеризовал как основанное на *animal spirit*, представляется как «вполне рациональный способ «борьбы» с истинной неопределенностью»[74]. По этому поводу Дж.М. Кейнс писал: «Зная, что наше индивидуальное суждение не имеет ценности, мы пытаемся опереться на суждения остального мира, который, возможно, лучше информирован. То есть мы пытаемся соответствовать поведению большинства или среднему поведению. Психология общества, состоящего из индивидов, каждый из которых пытается копировать других, ведет к возникновению того, что мы можем назвать строгим термином «*конвенциональное* суждение»»[75].

3. Рыночная экономика нуждается в активном вмешательстве государства.

Дж.М. Кейнс писал: «…если только не принять специальных предпосылок классической теории о существовании сил, которые каждый раз, как повышается

---

[72] Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М., 2011. С. 113–114.

[73] Макашева Н.А. Еще раз о революции Дж.М. Кейнса (опыт построения макроэкономической теории для экономики с неопределенностью) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 151.

[74] Там же. С. 152.

[75] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М., 1998. С. 285.

занятость, приводят в увеличению D (текущие инвестиции – С.Н. Черновол), … – экономическая система может пребывать в устойчивом равновесии с N (занятость – С.Н. Черновол), меньшим, чем полная занятость…»[76]. Поэтому она нуждается в государственном регулировании: теория «… указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе…»[77].

В неявном виде положение об активной роли государства в экономике как элемент твердого ядра кейнсианской НИП рассматривал и М. Блауг. Он считал, что спор между кейнсианцами и монетаристами «… можно объяснить лишь существованием некоторых глубоких, лежащих в «твердом ядре» разногласий по поводу способности частного сектора в смешанных экономиках к саморегуляции…»[78].

Отметим, что Дж.М. Кейнс не выступал за государственную собственность и предпринимательство, однако допускал, что «достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой. Но, помимо этого, нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни общества. Не собственность на орудия производства существенна для государства»[79].

Актуальность написания «Общей теории» определялась неспособностью ортодоксального либерализма справиться с Великой депрессией, которая показала, что рынок не способен к саморегулированию. Следовательно, и этот постулат твердого ядра носит онтологический характер.

Исходя из общего содержания экономической системы Дж.М. Кейнса, выделим также методологические правила, которые образуют положительную и отрицательную эвристику кейнсианской НИП, сведя их в таблицу приложения А.

---

[76] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 36.
[77] Там же. С. 344.
[78] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 299.
[79] Там же. С. 345.

И. Лакатос так определял место и роль эвристики в структуре и развитии НИП: «Если отрицательная эвристика определяет «твердое ядро» программы, которое, по решению ее сторонников, полагается «неопровержимым», то положительная эвристика складывается из ряда доводов, более или менее ясных, и предположений, более или менее вероятных, направленных на то, чтобы изменять и развивать «опровержимые варианты» исследовательской программы, как модифицировать, уточнить «опровержимый» защитный пояс»[80].

И. Лакатос так определял место и роль эвристики в структуре и развитии НИП: «Если отрицательная эвристика определяет «твердое ядро» программы, которое, по решению ее сторонников, полагается «неопровержимым», то положительная эвристика складывается из ряда доводов, более или менее ясных, и предположений, более или менее вероятных, направленных на то, чтобы изменять и развивать «опровержимые варианты» исследовательской программы, как модифицировать, уточнить «опровержимый» защитный пояс»[81].

В целом, эвристика (отрицательная и положительная) призвана обеспечить построение вспомогательных гипотез (теорий), которые образуют вокруг твердого ядра защитный пояс, складывающийся постепенно, в процессе эволюции теорий данной НИП. Таким образом, на основе твердого ядра и с помощью эвристики складывается определенная совокупность теорий Т1, Т2, Т3, …, Tn, образующих ту или иную НИП. Схематично структура НИП И. Лакатоса представлена на рисунке 1. приложения Б.

Таким образом, объективные причины (системная природа кризиса 2008–2009 годов и трудности выхода из него), обусловившие возрождение в современных условиях интереса к теории Дж.М. Кейнса, а также отсутствие в отечественной литературе соответствующих исследований, актуализировали анализ эволюции кейнсианства как формирования и развития научно-исследовательской программы.

---

[80] Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 80.
[81] Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 80.

Выбор методологии научно-исследовательской программы И. Лакатоса в качестве способа анализа и интерпретации эволюции кейнсианства обусловлен прежде всего тем, что реальная структура экономической науки и ее эволюция находят в ней наиболее реалистичное отражение: на любом этапе исторического развития (и, особенно, на современном) экономическая наука действительно представляет собой сосуществование и конкуренцию различных школ, подходов, направлений и течений, которые могут быть представлены как научно-исследовательские программы или их отдельные части.

Центральная роль в структуре научно-исследовательской программы принадлежит жесткому ядру, которое с онтологической точки зрения может быть представлено как картина экономической реальности.

Рассмотрение содержания теоретической системы Дж.М. Кейнса как исходной части научно-исследовательской программы, позволило выделить твердое ядро и те методологические принципы, которые образуют ее отрицательную и положительную эвристику. С учетом выделенных основных положений твердого ядра и эвристики кейнсианская картина исследуемой реальности может быть репрезентирована следующим образом: экономика представляет собой систему, фундаментальной характеристикой которой является неопределенность, и которая состоит из совокупности взаимосвязанных рынков с действующими на них агентами, поведенческие характеристики которых исключают автоматическое регулирование рынков путем ценовой настройки, порождают колебания деловой активности, недостаток эффективного спроса и необходимость активного вмешательства государства в их функционирование.

1.2 Формирование защитного пояса кейнсианской научно-исследовательской программы: начальный этап

В послевоенной эволюции кейнсианства можно выделить различные этапы (течения, версии, ветви); М. Блауг утверждал, что «… существует бесчисленное множество способов сложения ее элементов (теории Дж.М. Кейнса – С.Н. Черновол) в нечто, называемое «кейнсианством»»[82]. А. Коддингтон (1941–1982), поставив вопрос: «Что надо изменить или чем пожертвовать, чтобы вместить кейнсианские идеи в рамки стандартных методов анализа?»[83], выделил три версии: 1) гидравлическое кейнсианство, 2) фундаменталистское кейнсианство, 3) воссозданный редукционизм или неравновесное кейнсианство[84]. В отечественной литературе традиционно выделяют неокейнсианство (ортодоксальное кейнсианство[85]), кейнсианско-неоклассический (неоклассический) синтез, посткейнсианство, новое кейнсианство. Представляется, что все эти версии кейнсианства необходимо рассматривать лишь как *возможные теории защитного пояса кейнсианской НИП*. «Возможные» постольку, поскольку, во-первых, эволюция кейнсианства не тождественна «рациональной реконструкции» его; во-вторых (что вытекает из первого), не все теории, выдвинутые изначально как дальнейшее развитие, уточнение, расширение и проверка идей Дж.М. Кейнса, в конечном итоге «защищали» твердое ядро; наоборот, некоторые из них разрушали его и, соответственно, не могут

---

[82] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 305.

[83] Коддингтон А. Кейнсианская экономическая теория: в поисках главных принципов // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М., 1998. С. 334.

[84] Коддингтон А. Указ. соч. С. 334–356.

[85] Некоторые авторы отождествляют ортодоксальное кейнсианство не с неокейнсианством, а с неоклассическим синтезом (см., например: Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2010. С. 7).

рассматриваться как входящие в кейнсианскую НИП. С другой стороны, выдвинем два предположения, которые позволяют расширить круг теорий защитного пояса кейнсианской НИП. Первое: развивая теории защитного пояса, сторонники и последователи Дж.М. Кейнса могли использовать подходы других НИП и, соответственно, идеи, принадлежащие другой, некейнсианской НИП, могут быть включены в ее защитный пояс. Второе: теория как целостная система взглядов может не «вписаться» в кейнсианскую НИП, но при этом отдельные идеи ее могут быть использованы для защиты ее (кейнсианской НИП) твердого ядра путем теоретического объяснения новых фактов, и в этом случае они (отдельные идеи, гипотезы) могут рассматриваться как элементы защитного пояса. Главным принципом включения той или иной теории (идеи, гипотезы) в защитный пояс кейнсианской НИП является принятие кейнсианской КЭР как основы общего в***и***дения экономики и непротиворечивость ее постулатам твердого ядра.

В качестве предварительного замечания следует отметить также, что версии кейнсианства, выделенные А. Коддингтоном, более соответствуют методологии научно-исследовательских программ по сравнению с принятой в отечественной литературе периодизацией эволюции кейнсианства, поскольку критерием у него фактически выступают методы анализа, а не хронологическое изложение появлявшихся после выхода «Общей теории» идей, гипотез и теорий. Характеризуя метод неоклассической теории, который Дж.М. Кейнс «поставил под вопрос», А. Коддингтон называет его редукционизмом: «… метод анализа с использованием теории рынка, основанной на теории выбора того типа, который допускает связь между двумя уровнями (уровень индивидуального выбора и уровень рынка – С.Н. Черновол), я буду называть «редукционизмом» на том основании, что центральная его идея – это *сведение [редукция]* рыночных явлений к (стилизованным) индивидуальным выборам»[86]. Если следовать А. Коддингтону, то защитный пояс кейнсианской НИП будут образовывать теории, которые он относит к фундаменталистскому и неравновесному кейнсианству, с тремя

[86] Коддингтон А. Указ. соч. С. 335.

уточнениями: во-первых, А. Коддингтон рассматривает кейнсианцев-фундаменталистов только с точки зрения «фронтальной атаки на всю редукционистскую программу»[87], что явно недостаточно для рациональной реконструкции формирования защитного пояса кейнсианской НИП, поскольку в этом случае отсутствует позитивная часть их исследований; во-вторых, статья А. Коддингтона была написана в 1976 году[88] и, соответственно, не отражает тех тенденций в эволюции кейнсианства, которые возникли в конце XX – начале XXI века; в-третьих, в самой статье А. Коддингтона присутствуют далеко не все кейнсианцы, даже в рамках цели, поставленной в ней. В частности, нет упоминания о кейнсианцах, пытавшихся «динамизировать» теорию Дж.М. Кейнса и т. п. Как писал сам А. Коддингтон, «в мои намерения… не входит попытка описать здесь процесс распространения и популяризации идей Кейнса»[89].

Таким образом, используя классификацию А. Коддингтона как исходную базу для анализа защитного пояса кейнсианской НИП, в трех следующих параграфах выделим проблемы, явившиеся «движущей силой» его формирования и развития (фактически – развития кейнсианской НИП в целом). Результаты исследования сведены в таблицу приложения В.

1. Проблема теоретического обоснования и эмпирической проверки содержащихся в кейнсианской теории функциональных зависимостей.

Как было сказано выше, в рамках того в***и***дения экономики, которое задается КЭР или твердым ядром, кейнсианский анализ совокупного спроса включал в себя в явном виде функции потребления, инвестиций и предпочтения ликвидности. Именно эти функциональные зависимости прежде всего должны были подвергнуться эмпирической проверке последователями и критиками Дж.М. Кейнса (эмпирический сдвиг проблемы, по И. Лакатосу) и / или получить дальнейшее теоретическое обоснование путем выдвижения новых гипотез и новых идей (теоретический сдвиг проблемы).

---

[87] Там же. С. 336.
[88] Coddington A. Keynesian Economics: The Search for First Principles // Journal of Economic Literature. 1976. Vol. 14. No 4. P. 1258–1273.
[89] Коддингтон А. Указ. соч. С. 343–344.

М. Блауг указывал, что «… на протяжении 1930-х, 1940-х и 1950-х годов эта (кейнсианская – С.Н. Черновол) исследовательская программа была «прогрессивной» в строго лакатошианском смысле слова: она предсказала целый ряд новых фактов, корроборированных ее последователями почти сразу, как только о них было объявлено»[90]. Среди них: 1) значение мультипликатора превышает единицу независимо от источника расходов (частные, государственные, потребительские, инвестиционные); 2) предельная склонность потребления домашних хозяйств зависит от уровня дохода; 3) средняя склонность потребления общества по мере роста национального дохода снижается; 4) чувствительность инвестиций к ставке процента низка; 5) чувствительность спроса на деньги к ставке процента высока[91]. Таким образом, прогрессивность кейнсианской НИП вплоть до конца 1960-х годов прошлого века обеспечивалась эмпирической подтверждаемостью показателей (фактов), характеризующих содержащиеся в теории Дж.М. Кейнса функциональные зависимости. С другой стороны, И.С. Букина и В.Е. Маневич, отмечая, что со времени выхода «Общей теории» и ее интерпретации сторонниками неоклассического синтеза, теоретическое описание макроэкономики приняло форму системы уравнений, утверждают, что «попытки кейнсианцев тестировать модель, состоящую из трех или четырех уравнений, на статистическом материале и описать с ее помощью функционирование экономической системы оказались безуспешными»[92]. Итак, мы имеем два противоречащих, на первый взгляд, утверждения: 1) вытекающие из кейнсианских функциональных зависимостей факты были успешно корроборированы или подтверждены; 2) тестирование кейнсианских моделей оказалось безуспешным.

На самом деле и первое, и второе утверждения оказываются верными. Первое – в том смысле, что новые факты, получившие эмпирическое подтверждение, о которых говорит М. Блауг, представляют собой взятые вне

---

[90] Блауг. М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 313–314.

[91] Там же. С. 314.

[92] Букина И.С. Теоретические основы эконометрического моделирования российской экономики. Инвестиционная функция: доклад / И.С. Букина, В.Е. Маневич. М., 2014. С. 6.

общего, объединяющего контекста *отдельные* данные, которые сами по себе не могут ни подтвердить, ни опровергнуть теорию, они, скорее, относятся к области статистики, а не экономической теории.

Второе утверждение оказывается верным, если рассматривать не отдельные факты, а модель в целом, включающую взаимосвязанные функциональные зависимости (функции). И это утверждение И.С. Букиной и В.Е. Маневича о безуспешности тестирования кейнсианских моделей относится прежде всего к неоклассическому синтезу.

Как известно, достаточно долгое время именно неоклассический синтез представлялся как воплощение кейнсианства[93]. Первым, кто высказал идею синтеза, был английский экономист Дж. Хикс (1904–1989) в статье «Господин Кейнс и «классики»: попытка интерпретации»[94]. В этой статье Дж. Хикс построил общую модель, отражающую равновесие на реальном и денежном рынках (модель *IS–LM*), которая с вводом соответствующих предпосылок трансформировалась в кейнсианскую или неоклассическую теории. При этом теорию Дж.М. Кейнса Дж. Хикс характеризовал как всего лишь частный случай более «общей» неоклассической теории: «Общая теория занятости (Дж.М. Кейнса – С.Н. Черновол) – это Экономическая теория депрессии»[95].

Большой вклад в формирование неоклассического синтеза, помимо Дж. Хикса, внес также П. Самуэльсон (1915–2009), который первым представил «кейнсианский крест»[96] (1948) – модель, которая описывала определение национального (совокупного) дохода (валового внутреннего продукта) и которая,

---

[93] А. Коддингтон отмечает, что именно сторонники неоклассического синтеза заговорили о «кейнсианской революции» (см. Коддингтон А. Указ. соч. С. 343.)

[94] Hicks J.R. Mr. Keynes and the «Classics»: A Suggested Interpretation // Econometrica. 1937. Vol. 5. No 2. P 147–159 (рус. перевод: Хикс Дж.Р. Господин Кейнс и «классики»: попытка интерпретации // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М., 1998. С. 293–307).

[95] Хикс Дж.Р. Господин Кейнс и «классики»: попытка интерпретации // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М., 1998. С. 303.

[96] «45-градусное» кейнсианство Хансена–Самуэльсона, по определению С. Вайнтрауба (см.: Вайнтрауб С. Хиксианское кейнсианство: величие и упадок // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М., 1998. С. 93).

по свидетельству М. Блауга, сыграла «… решающую роль в распространении кейнсианства после Второй мировой войны»[97].

Согласимся с Р.М. Нуреевым в том, что суть неоклассического синтеза (в нормативном смысле) «…заключается в том, что в периоды подъема и процветания верны неоклассические рецепты, в периоды кризиса и депрессии – кейнсианские»[98]. С точки зрения позитивной теории это означает, что в нормальных условиях экономика функционирует по неоклассической схеме, то есть она всегда стремится к равновесию и всегда достигает его. В некоторых же случаях (которые выделил Дж. Хикс в своей знаменитой статье), а именно в условиях негибкости заработной платы, «ловушки ликвидности» и неэластичности инвестиционного спроса по проценту экономика функционирует по кейнсианской схеме и не может прийти в равновесие. Именно отсюда делается нормативный вывод о необходимости сочетания рыночного механизма и государственного регулирования. Причем в нормальных условиях предлагаются кредитно-денежные рычаги, главным образом изменение учетной ставки ссудного процента и операции на открытом рынке. В условиях кризиса более эффективными считаются меры бюджетной политики.

Однако далеко не все экономисты воспринимали тогда и воспринимают сейчас неоклассический синтез как частный случай общего равновесия, механизм которого описывает неоклассическая теория. М. де Вройе и П. Малгранж относительно модели *IS–LM* пишут: «Эта модель включает в себя две различных подмодели, кейнсианскую и классическую системы. Поэтому, строго говоря, ее не следует рассматривать как кейнсианскую»[99]. Л. Харрис считает, что скорее кейнсианско-неоклассический синтез Дж. Хикса может быть частным случаем кейнсианской теории, чем наоборот. В частности, он указывает, что

---

[97] Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб., 2008. С. 258.

[98] Нуреев Р.М. «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса: предпосылки возникновения, методология и особенности интерпретации // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Т. 8. No 1. 2016. С. 6–35.

[99] Vroey M.De,P. Malgrange. The History of Macroeconomics from Keynes's General Theory to the Present. Discussion Papers (IRES – Institut de Recherches Economiques et Sociales) 2011-028. Universit´e catholique de Louvain, Institut de Recherches Economiques et Sociales (IRES). 2011. P 3. Режим доступа: http://ideas.repec.org/p/ctl/louvir/2011028.html (дата обращения 01.05.2017).

отличительной чертой кейнсианско-неоклассического синтеза «была попытка изложить кейнсианские теоретические взгляды в терминах анализа вальрасовского общего равновесия. Вальрасовский анализ – это метод, который был разработан главным образом для изучения равновесия в хозяйстве, характеризующимся полной занятостью, тогда как цель Кейнса состояла в показе того, что безработица является более общим случаем. Поэтому попытка соединить оба метода связана с определенными трудностями и полностью успешна лишь в случае рассмотрения кейнсианской модели при условии равновесия с полной занятостью»[100]. Фактически интерпретация неоклассического синтеза Л. Харрисом означает неприятие концепции равновесия как общей основы для соединения в одной системе неокласической и кейнсианской теорий и признание трудностей, которые вытекают из такого соединения.

Обстоятельный анализ и критика как «хиксианского кейнсианства», так и «45-градусной модели» представлены и во многих других работах[101]. С точки зрения нашего исследования важно подчеркнуть, что неоклассический синтез, как целое (в том числе и его современные версии), представляет собой теорию, базирующуюся на другой, некейнсианской КЭР: все они исключают фундаментальную неопределенность будущего. Представляется, что поэтому модели неоклассического синтеза, основанные на равновесном анализе и предполагающие рациональность и оптимизацию как основу действий хозяйствующих субъектов, не выдержали эмпирической проверки и не должны рассматриваться как теории, входящие в защитный пояс кейнсианской НИП.

Что касается фундаменталистского кейнсианства, то А. Коддингтон справедливо, на наш взгляд, отметил характерную особенность его представителей – рассмотрение идей Дж.М. Кейнса как *первого шага* в основательном пересмотре экономической теории. «Соответственно, – пишет

---

[100] Харрис Л. Денежная теория. М., 1990. С. 441.

[101] Вайнтрауб С. Хиксианское кейнсианство: величие и упадок // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М., 1998. С. 91–121.

Коддингтон, – они трактуют конструктивную часть работы Кейнса только как паллиатив, импровизацию, временную замену. Следовательно, рассмотрение созидательной части работы Кейнса (разработка потребительской функции, графика предельной эффективности капитала и т.д.) в качестве сущности или результата «кейнсианской революции» было бы признаком малодушия, предательства фундаменталистских принципов»[102].

Выделение таких теорий вызывает некоторые затруднения. Кроме приведенного выше мнения А. Коддингтона, отметим следующее. Во-первых, работ, посвященных анализу эволюции кейнсианства, явно недостаточно для ее углубленного анализа. Появившиеся в последнее время в связи с усилением кризисных явлений в мировой экономике, а также 80-летием выхода в свет главной книги Дж.М. Кейнса исследования, как правило, содержат либо простое изложение его взглядов, либо попытку «приложения» их к проблемам российской экономики. Во-вторых, нам не известны работы, выполненные с использованием методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса.

Среди работ, в которых в той или иной мере рассматривается эволюция кейнсианства с точки зрения развития взглядов на выделенные Дж.М. Кейнсом функциональные зависимости, можно назвать статью Р. Бодкина[103], в которой дан обстоятельный обзор эмпирического и теоретического обоснования потребительской функции (до начала 80-х годов прошлого века). Среди отечественных исследователей выделим диссертацию И.В. Манаховой[104], в одном из параграфов которой рассматривается развитие теории потребления, в контексте которого представлена эволюция взглядов на потребительскую функцию. Следует отметить, что и в той, и в другой работах нет четкого разграничения теорий потребления на «чисто» кейнсианские («фундаменталистские») и неоклассические. Исследований, посвященных эволюции взглядов на

---

[102] Коддингтон А. Указ. соч. С. 340.

[103] Бодкин Р. Кейнсианские эконометрические концепции: потребительские и инвестиционные функции; мультипликатор // Современная экономическая мысль / общ. ред. В.С. Афанасьева и Р.М. Энтова. М., 1981. С. 122–159.

[104] Манахова И.В. Трансформация потребления в информационной экономике : дис. … д-ра экон. наук : 08.00.01. М., 2014. 401 с.

инвестиционную функцию и функцию предпочтения ликвидности, в отечественной литературе обнаружить не удалось.

И.В. Манахова отмечает, что «макроэкономическая теория Дж.М. Кейнса породила огромный всплеск исследований потребительской функции, после чего теория потребления прочно вошла в арсенал экономической науки»[105]. Среди авторов, исследовавших связь между потреблением и факторами, его определяющими, выделяют С. Кузнеца, Р. Голдсмита, А. Смизиса, С.М. Ливингстона, Дж.Л. Мосака, Д. Робертсона, Дж. Дьюзенберри, М. Фридмена, Ф. Модильяни и других. М. Блауг отмечает, что большую роль в эмпирическом обосновании кейнсианских зависимостей сыграл один из основоположников системы национальных счетов С. Кузнец (1901–1985). Его работы, в которых он представил собранные и систематизированные (с соавторами) данные по оценке национального дохода США и связанные с ним показатели (с 1869 года), «… нарастили плоть эмпирики на скелет кейнсианской теории и сыграли ключевую роль в быстром признании кейнсианской модели экономики во время и сразу по окончании Второй мировой войны»[106]. Важный вывод, который следовал из анализа длинных временных рядов С. Кузнеца, состоял в том, что «хотя потребительская функция на протяжении цикла вела себя именно так, как и предполагал Кейнс (доля потребления в доходе снижалась по мере его роста), на протяжении длительных и очень длительных периодов в поведении потребительской функции, по-видимому, невозможно было обнаружить подобные тенденции»[107]. А именно: было обнаружено, что уровень сбережений (следовательно, и потребления) на протяжении длительного времени остается относительно стабильным: средняя склонность к потреблению (*APC*) за период с 1869 по 1938 годы составляла примерно 0,86 независимо от величины дохода (соответственно, потребительская функция имела вид $C = 0{,}86Y$). Кроме того, не получил эмпирического подтверждения «основной психологический

[105] Манахова И.В. Указ. соч. С. 77–78.
[106] Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб., 2008. С. 131.
[107] Бодкин Р. Кейнсианские эконометрические концепции: потребительские и инвестиционные функции; мультипликатор // Современная экономическая мысль / общ. ред. В.С. Афанасьева и Р.М. Энтова. М., 1981. С. 123.

закон» Дж.М. Кейнса: предельная склонность к потреблению по мере роста дохода не уменьшалась и оказалась равной средней склонности к потреблению. Как указывается в литературе, «такое противоречие исследований С. Кузнеца теоретическим положениям кейнсианской теории получило название «феномен», или «загадка» Кузнеца»[108].

Р. Бодкин отмечает еще одну выявленную эмпирическую закономерность в поведении потребительской функции: «… большое число исследований, относящихся к одному и тому же времени и рассматривающих семьи с различными доходами, свидетельствовало о том, что потребительская функция, рассчитанная для отдельных домашних хозяйств, вела себя так же, как агрегатная потребительская функция на протяжении хозяйственного цикла»[109]. В данном случае речь идет о так называемой «структурной» функции потребления – потребительской функции, измеренной для различных групп доходов в один момент времени путем бюджетных обследований[110]. Как следует из приведенной цитаты Р. Бодкина, эмпирические исследования структурной потребительской функции подтвердили «правильность» кейнсианского анализа потребления.

Таким образом, эмпирически выявились две функции потребления: 1) краткосрочная, которая отвечала закономерностям, сформулированным Дж.М. Кейнсом, и которая подтверждалась исследованиями краткосрочных рядов, а также данными бюджетных обследований домохозяйств, и 2) долгосрочная, основанная на данных долгосрочных временных рядов, опровергавших основной психологический закон Дж.М. Кейнса и вытекающие из него характеристики функции потребления.

Эмпирическое выявление двух различных потребительских функций означало возникновение противоречия в теории, которое требовало разрешения. Экономисты, как неоклассики, так и кейнсианцы в рамках своих программ

---

[108] Экономическая теория. Макроэкономика-1, 2. Метаэкономика. Экономика трансформаций / под общ. Г.П. Журавлевой. М., 2014. С. 437.

[109] Бодкин Р. Кейнсианские эконометрические концепции: потребительские и инвестиционные функции; мультипликатор // Современная экономическая мысль / общ. ред. В.С. Афанасьева и Р.М. Энтова. М., 1981. С. 124.

[110] Словарь современной экономической теории Макмиллана. М., 2003. С. 112.

сделали попытку объяснить наличие долгосрочной и краткосрочной функций потребления.

Первая такая попытка была представлена в статьях «Прогнозирование послевоенного спроса» А. Смизиса, С.М. Ливингстона и Дж.Л. Мосака[111]. Указанные авторы на основе расчета показателей предельной склонности к потреблению подтвердили существование краткосрочной потребительской функции. В то же время ими было установлено, что потребление зависит не только от дохода (реального дохода в расчете на душу населения), но и от положительного временн***о***го тренда. Последний рассматривался как постоянный повышательный фактор, который постепенно с течением времени сдвигает вверх линию потребительского спроса в координатах «реальный доход – потребление» и тем самым формирует долгосрочную потребительскую функцию. «Подобная интерпретация, – отмечал Р. Бодкин, – некоторое время считалась удовлетворительной»[112]. Однако последователи Дж.М. Кейнса, пытаясь сохранить гипотезу абсолютного дохода, выдвинули предположение, что функции с постоянной средней склонностью к потреблению, то есть долгосрочной функции потребления, в действительности не существует; на самом деле она представляет собой некий статистический мираж или иллюзию. Так, Артур Смит утверждал, что поведение потребителей адекватно отражает лишь краткосрочная потребительская функция, поэтому она является «истинной». Со временем кривая этой функции сдвигается вверх под воздействием таких факторов, как миграция сельскохозяйственного населения в города, старение населения, увеличение в структуре потребления предметов длительного пользования, роскоши и тому подобное. Именно эти факторы вызывают «иллюзию» существования долгосрочной функции потребления[113].

---

[111] Smithies A. Forecasting Postwar Demand: I // Econometrica. 1945. Vol. 13. No 1. P. 1–14; Livingston S.M. Forecasting Postwar Demand: II // Econometrica. 1945. Vol. 13. No 1. P. 15–24; Jacob L., Mosak J.L. Forecasting Postwar Demand: III // Econometrica. 1945. Vol. 13. No 1. P. 25–53.

[112] Бодкин Р. Указ. соч. С. 125.

[113] Селищев А.С. Макроэкономика. СПб., 2005. С. 91.

На объяснение «загадки Кузнеца» были направлены и многие другие теории. Наиболее известными из них являются (в скобках указано время появления):

– концепция перманентного дохода М. Фридмена (1957);

– концепция жизненного цикла Ф. Модильяни (1954);

– концепция относительного дохода Дж. Дьюзенберри (1949).

Две первые концепции основывались на микроэкономической (неоклассической) теории межвременн***о***го выбора И. Фишера, исходили из модели человека как рационального максимизатора, оптимизирующего свое потребление и поддерживающего предельную полезность расходов постоянной с течением времени. Вследствие этого данные теории далее не рассматриваются как не относящиеся к кейнсианской НИП. Концепция относительного дохода Дж. Дьюзенберри[114], в отличие от этого, входит в защитный пояс кейнсианской НИП, поскольку основывалась на постулатах ее твердого ядра, теоретически расширяла и углубляла одно из положений теории Дж.М. Кейнса (потребительской функции) и давала ответ на критику в адрес последней. К моменту появления концепции Дж. Дьюзенберри критика кейнсианской потребительской функции велась по двум направлениям.

Во-первых, критиковалась сама зависимость, отраженная в кейнсианской потребительской функции, а именно, зависимость потребления от текущего личного дохода. Текущий личный доход выступает в данном случае независимой переменной; соответственно, «… это подразумевает, что поведение каждого индивидуального потребителя не зависит от поведения остальных»[115]. Во-вторых, критике подвергалось положение об «иллюзорности» долгосрочной функции потребления и неспособность последователей Дж.М. Кейнса представить кратко- и долгосрочную функции потребления на единых основаниях. Следовательно, необходимо было дать теоретическое обоснование уменьшения средней

[114] Duesenberry J.S. Income, saving and the theory of consumer behavior. Cambridge, 1949. 128 с.
[115] Селищев А.С. Указ. соч. С. 93.

склонности к потреблению в краткосрочном периоде и неизменности средней склонности к потреблению в долгосрочном периоде.

Следует отметить, что Дж. Дьюзенберри, в отличие от Артура Смита, рассматривал кратко- и долгосрочную функции потребления как истинные, и при этом отбросил гипотезу о положительном временн***о***м тренде как факторе, влияющим на потребление. Дж. Дьюзенберри выдвинул два предположения:

1) потребление индивида зависит от относительного дохода (по сравнению со средним доходом группы, к которой принадлежит и на которую равняется индивид с точки зрения распределения доходов в обществе);

2) потребление индивида зависит также от отношения собственного текущего дохода к самому высокому его уровню предшествующего периода времени.

С помощью первого предположения Дж. Дьюзенберри показал, что в долгосрочном периоде с ростом дохода средняя склонность к потреблению остается постоянной. Поскольку расходы индивида на потребление определяются его относительным доходом (сравниваются со средним доходом группы), постольку они будут одинаковыми, несмотря на разницу в текущем доходе: индивид будет тратить на потребление большую часть своего дохода, если его доход ниже, чем средний доход группы, и меньшую часть, если, наоборот, его доход выше среднего. «Анализ сил, – пишет Дж. Дьюзенберри, – вызывающих импульсы к потреблению, показывает, что они проявляются, когда индивидуум проводит негативное сравнение его стандарта жизни со стандартами других людей. Если такие импульсы приходится отторгать, индивидуум становится не удовлетворен своим положением. Для отдельного потребителя число и сила импульсов потреблять больше зависит от отношения его издержек к издержкам других индивидуумов. Неудовлетворенность появляется вследствие отторжения импульсов тратить. Следовательно, неудовлетворенность стандартом потребления, которую испытывает индивидуум – это функция отношения его издержек к издержкам людей, с которыми он взаимодействует»[116].

[116] Duesenberry J.S. Income, saving and the theory of consumer behavior. Cambridge, 1949. P. 32.

Это означает, что в долгосрочном периоде средняя склонность к потреблению остается той же. С ростом совокупного дохода потребление индивида не изменится, в том смысле, что не изменится его положение относительно группы: если распределение дохода остается постоянным в долгосрочном плане, то доходы вырастут у всех и средняя склонность к потреблению также не изменится.

Для поведения потребителя в краткосрочном периоде важнейшее значение, с точки зрения Дж. Дьюзенберри, имеют институциональные факторы, такие, как сохранение престижа и привычка человека к достигнутому уровню потребления, которые не меняются на протяжении продолжительного времени. Дж. Дьюзенберри писал: «Наша социальная цель в виде высоких стандартов жизни превращает стимул самооценки в стимул приобретать высококачественные блага. Возможность социальной мобильности и восприятие движения вверх по социальной лестнице в качестве социальной цели превращает стимул самооценки в желание обладать высоким социальным статусом. Однако поскольку высокий социальный статус предполагает поддержание высокого потребительского стандарта, стимул снова превращается в желание приобретать высококачественные блага»[117]. Поэтому при снижении относительного дохода, индивид будет стараться сохранить потребление на прежнем уровне, то есть фактически потребление определяется не текущим, а прошлым уровнем дохода. Это означает, что в периоды спада в рамках краткосрочных циклических колебаний средняя склонность к потреблению возрастает. Что касается основного психологического закона Кейнса, то в краткосрочном периоде он продолжает действовать, но «… не для абсолютного уровня доходов, а для перехода потребителя в другую типологическую группу с более высокими доходами»[118].

Таким образом, концепция относительного дохода Дж. Дьюзенберри успешно объяснила аномалии или опровержения кейнсианской теории потребления, вытекавшие из ее эмпирических проверок, и при этом «…успешно

[117] Duesenberry J.S. Ibid. P. 31.
[118] Манахова И.В. Указ. соч. С. 79.

прошла несколько эконометрических проверок. Тем не менее модель Дьюзенберри не получила признания не потому, что не прошла статистической проверки, а потому, что она не основывалась на мейнстримовской идее рационального, максимизирующего полезность потребителя»[119]. Более того, как пишет И.В. Розмаинский, «та же участь ждала теорию потребления самого Дж.М. Кейнса, которая (вместе с теорией Дж. Дьюзенберри) во второй половине XX в. была вытеснена теорией потребления М. Фридмана на базе гипотезы перманентного дохода, нереалистично предполагающей, что люди в своих решениях учитывают доход, который они заработают за всю свою будущую жизнь»[120].

2. Проблема «динамизации» теории Дж.М. Кейнса.

Теория Дж.М. Кейнса была статичной, что было обусловлено особенностями экономических условий того времени. В то же время Р. Харрод подчеркивал, что «… для разработки любой … динамической теории макроэкономическая теория статики является необходимым фундаментом. Поэтому Кейнса можно с полным правом считать отцом динамической теории. Будущее покажет, что как раз в этом состоит его самый большой вклад в развитие экономической теории»[121]. Речь идет о том, что в теории Дж.М. Кейнса содержались понятия и категории (например, сбережения и инвестиции), которые, как пишет В.Е. Маневич, «…определенно относятся к экономической динамике»[122]. В терминах методологии НИП, в позитивной эвристике кейнсианской НИП содержались принципы, позволяющие «динамизировать» статичную теорию Кейнса (например, принцип рассмотрения макроэкономического равновесия через механизм трансформации сбережений в инвестиции).

---

[119] Ходжсон Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 4. С. 24.

[120] Розмаинский И.В. «Общая теория» Дж.М. Кейнса: уроки три четверти века спустя // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 1. С. 49.

[121] Цит. по: Осадчая И.М. Современное кейнсианство. Эволюция кейнсианства и неоклассический синтез. М., 1971. С. 9.

[122] Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2010. С. 109.

Начало кейнсианской теории роста положила модель английского экономиста Р. Харрода (1900–1978). Р. Харрод, как и другие экономисты, понимал, что «область макродинамики – это определенный пробел в теории Кейнса. Он (Дж.М. Кейнс – С.Н. Черновол) не выдвинул систематической теории макродинамики. Вследствие неизбежной неопределенности, связанной с предвидением будущего, сумма совокупных оценок (будущего спроса и т. д.), делаемых фирмами, может быть слишком высокой или слишком низкой… Конечно, ожидания, возможно, повышаются или понижаются под воздействием поветрия оптимизма или пессимизма. Кейнс мог сказать много интересного об изменчивости ожиданий. Но он не принимал во внимание те силы, которые определяют, каковы должны быть эти ожидания»[123]. В устранении этого пробела заключается вклад Р. Харрода в защитный пояс кейнсианской НИП.

Макродинамика, по Р. Харроду, «… рассматривает факторы, детерминирующие темпы роста основных категорий спроса – спроса на капитальные блага, спроса для экспорта и т. д.»[124].

Р. Харрод формулирует положение о трех темпах роста: реальном, обеспеченном и оптимальном, определяемых независимыми друг от друга факторами. Следует отметить, что в отечественной литературе в большинстве случаев при изложении взглядов Р. Харрода используются вместо понятий обеспеченного и оптимального темпов роста соответственно гарантированный и естественный темпы. В.Е. Маневич объясняет это тем, что основная работа Р. Харрода «*Economic Dinamics*» (1973)[125], в которой содержалось целостное изложение его взглядов и в которой он более четко определил основные понятия, «осталась практически незамеченной, во всяком случае, в российской экономической литературе»[126]. Представляется, что мнение В. Е. Маневича о более четком определении основных понятий и целостном изложения предмета исследования Р. Харродом в книге 1973 года является вполне обоснованным, и

[123] Харрод Р. Теория экономической динамики. М., 2008. С. 44.
[124] Там же. С. 44.
[125] Русский перевод: Теория экономической динамики. М., 2008.
[126] Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2010. С. 107.

поэтому именно она будет использоваться в дальнейшем изложении в качестве основного источника.

Центральное место в модели Р. Харрода занимает уравнение, представляющее «динамическую версию того факта, что инвестиции всегда с необходимостью равны сбережениям»[127]. Основная цель Р. Харрода – формулировка условий данного равновесия в развивающейся во времени («расширяющейся») экономике, то есть в динамике. «В анализе Харрода, – пишет Д. Хэмберг, – равновесие сбережений и инвестиций должно рассматриваться в общем контексте экономического роста потому, что, во-первых, сбережения являются функцией от *уровня* дохода и, во-вторых, капиталовложения (в силу принципа акселерации инвестиционного спроса) представляют собой – по крайней мере частично – функцию от *прироста* дохода. Но если условием осуществления инвестиций служит увеличение дохода, то вслед за повышением дохода будут расти и сбережения. Следовательно, поддержание равновесия между (намечаемыми) сбережениями и инвестициями требует также увеличения инвестиций. Проблема заключается в следующем: как определить темп роста, способный обеспечить указанное равенство»[128].

Любой темп экономического роста, по Р. Харроду, определяют доля дохода, которая сберегается (s), и коэффициент капитала (α), который равен отношению прироста капитала к приросту выпуска за это же время. Динамическое равновесие создается обеспеченным темпом роста, который должен быть постоянным. Этот вывод базируется на предпосылке о постоянстве двух вышеназванных коэффициентов: средней склонности к сбережению и коэффициента капитала, определяемого техническими факторами (фактически речь идет в данном случае о нейтральности технического прогресса). Обеспеченный темп роста экономики совместим с желаемыми сбережениями и имеющимися капитальными благами, на которые люди предъявляют спрос для осуществления своих целей. Это прогнозируемый темп роста, на который настраиваются предприниматели;

---

[127] Харрод Р. Теория экономической динамики. М., 2008. С. 49.

[128] Хэмберг Д. Ранняя теория роста: модели Домара и Харрода // Современная экономическая мысль. М., 1981. С. 490.

отчасти он определяется институциональными условиями (эти условия различны в разных странах и в разные времена) и предполагает полную загрузку существующих производственных мощностей. Обеспеченный темп роста определяется осуществляемыми в обществе сбережениями при условии *laisser faire*, когда процессы сбережения и инвестиций не регулируются государством и, соответственно, не предполагает полную занятость. «Таким образом, – указывает Д. Хэмберг, – условием постоянного сохранения равенства между намечаемыми сбережениями и инвестициями служит постоянный темп увеличения национального продукта, равный s/α»[129]. В таких условиях обеспеченный темп роста может совпасть с реальным и оптимальным, совместимым с полной занятостью (потенциальным темпом роста), только случайно, так как в экономике нет сил, автоматически уравнивающих темпы роста. Обеспеченный темп роста определяется и создается желаемыми сбережениями, оптимальный – задается экономической политикой. Для поддержания оптимального темпа роста, совместимого с полной занятостью и полным освоением достигнутого уровня технологий, необходим определенный уровень сбережений[130].

Р. Харрод считал, что разрыв между тремя темпами роста может быть преодолен активной государственной финансовой и денежной политикой, направленной на регулирование сбережений, инвестиций, а также регулированием международного движения капитала и внешней торговли.

«Несмотря на то, что модель была довольно несовершенна, – пишет Р.М. Нуреев, – она показывала несомненную связь между темпами роста инвестиций и темпами роста ВНП, что неоднократно подтверждалось многочисленными эконометрическими проверками»[131]. Однако Р. Харрод в качестве актива, в который могут инвестироваться сбережения, рассматривал только реальный капитал. Он не изучал рынки финансов и капитала и механизмы

---

[129] Там же. С. 491.
[130] Харрод Р. Теория экономической динамики. М., 2008. С. 49–63.
[131] Нуреев Р.М. «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса: предпосылки возникновения, методология и особенности интерпретации // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8. № 1. С. 26.

воздействия на экономическую динамику финансовой и денежно-кредитной политики. Такими исследованиями занимался Дж. Тобин (1918–2002).

Вопрос о включении идей Дж. Тобина в защитный пояс кейнсианской НИП не является однозначным. В частности, В.Е. Маневич считает Дж. Тобина лидером ортодоксального кейнсианства и отождествляет с неоклассическим синтезом, который в целом, как было показано ранее, не входит в кейнсианскую НИП. С другой стороны, В.Е. Маневич характеризует Дж. Тобина как бескомпромиссного критика консервативных течений в экономической науке (монетаризма, «экономики предложения», школы «новых классиков»)[132].

И.В. Розмаинский, рассматривая роль мотива предосторожности в теории Дж.М. Кейнса, указывает на то, что если модель Дж. Тобина рассматривать с этой точки зрения (а именно с этой точки зрения ее рассматривает «мейнстримное» кейнсианство), то «все «неожиданности» сводятся к просчитываемому риску, а предпочтение ликвидности трактуется как специфическое выражение нерасположенности к этому риску»[133]. Однако далее И.В. Розмаинский отступает в своей категоричности: «Впрочем, указанная теория касается скорее спекулятивного мотива, а не мотива предосторожности»[134].

Оценка И. Осадчей взглядов Дж. Тобина также выглядит противоречивой, если ее рассматривать с точки зрения методологии НИП. С одной стороны, она считает, что Дж. Тобин внес огромный вклад в развитие неоклассического синтеза, а с другой – указывает, что «в работах Тобина большое внимание уделяется и проблеме жесткости, то есть незначительной реакции заработной платы на изменения экономической конъюнктуры… Этот факт, по его мнению, является одной из главных причин недоверия по отношению к гипотезе рациональных ожиданий»[135]. Получается, что мировоззренческая позиция

---

[132] Маневич В.Е. Вступительная статья к русскому изданию // Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост. М., 2010. С. 7.

[133] Розмаинский И.В. Роль мотива предосторожности в теории Кейнса и концепция суррогатных средств накопления // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 1. С. 35.

[134] Там же.

[135] Осадчая И. Эволюция макроэкономической теории после Кейнса // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 16.

Дж. Тобина не согласуется с твердым ядром неоклассической НИП, где рациональность является постулатом твердого ядра.

Представляется, что, исходя из цели исследования, речь в данном случае должна идти не о формальном разграничении отдельных версий кейнсианства, а об исходных постулатах и содержательных идеях теории Дж. Тобина, которые позволят сделать вывод о включении/не включении их (идей) в защитный пояс кейнсианской НИП.

Согласно методологии И. Лакатоса, исходные предпосылки той или иной теории должны соответствовать ядру рассматриваемой НИП. В отношении кейнсианской НИП основной постулат твердого ядра, который определяет ее специфику – это неопределенность будущего. Дж. Тобин принимает этот постулат, когда утверждает, что деятельность индивидов гораздо в большей степени зависит от общей атмосферы, чем от умений и ресурсов. Он пишет об этом как об очевидном факте, «наблюдаемом в течение столетий: *Экономика, по крайней мере, децентрализованная рыночная экономика западного мира, подвержена распространяющимся приливам и отливам процветания и депрессии, инфляции и дефляции, которые господствуют над практической деятельностью участников экономики*… Было бы более правдоподобным объяснить различия в индивидуальной практической деятельности до и после войны (Второй мировой войны – С.Н. Черновол) различиями в общей атмосфере, которые индивиды контролировать не могут, чем объяснить различия в состоянии экономики в эти два периода массовым совпадением индивидуальных неудач и успехов»[136]. Понятие неопределенности, данное Дж.М. Кейнсом в главах «Общей теории…» посвященной ликвидности, Дж. Тобин понимает как «отсутствие согласия между инвесторами касательно будущего процентных ставок, а не субъективные сомнения отдельно взятого инвестора»[137].

Говоря о содержательных идеях теории Дж. Тобина, следует выделить, во-первых, альтернативную модель спроса на деньги, отражающую его

[136] Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост. М., 2010. С. 46.
[137] Tobin J. Essays in Economics. Vol. 1: Macroeconomics. Cambridge, 1987. P. 248.

чувствительность к изменениям процентной ставки, и, во-вторых, объяснение причин диверсификации частными инвесторами своего портфеля. По Дж.М. Кейнсу, спрос на деньги люди предъявляют в спекулятивных целях или на непредвиденные цели. Дж. Тобин создал теорию спроса на деньги, в соответствии с которой нельзя сказать, на какие цели и какая часть денег хранится. При этом Дж. Тобин – не единственный, кто критиковал абсолютное разделение Дж.М. Кейнсом двух стимулов хранения ликвидности. Концепции накопления денег на непредвиденные цели придерживался и Р. Кан, который писал: «Невозможно определить, сколько денег хранится на счете благодаря стимулу спекулировать, а сколько – благодаря стимулу откладывать на непредвиденные обстоятельства. Эти два стимула не дополняют друг друга: спрос на деньги представляет собой сложный результат их взаимодействия»[138]. Именно спрос на деньги для непредвиденных целей связывает его в целом с неопределенностью.

Агрегированная модель Дж. Тобина допускает «возможность как замещения между факторами производства – трудом и капиталом, так и воздействия на экономический рост монетарных факторов»[139]. Дж. Тобин пишет, что в докейнсианских классических теориях «предложение активов не имеет значения. Какими бы ни было предложение каждого из активов, портфельное равновесие требует, чтобы реальные ожидаемые нормы дохода на все активы были равными… Кейнс отошел от этой теории, поскольку выбор между денежными остатками и монетарным активами, приносящими процент, он объяснил предпочтением ликвидности. Он сумел показать, что в условиях неопределенности или при недостаточно единодушных ожиданиях собственников богатства ставку процента, обеспечивающую поддержание портфельного равновесия между деньгами и «облигациями», нельзя считать независимой от предложения этих двух активов»[140].

Действительно, Дж.М. Кейнс придавал деньгам решающую роль. Он писал: «… деньги играют свою особую самостоятельную роль, они влияют на мотивы

[138] Kahn R.F. Selected Essays on Employment and Growth. Cambridge. 1972. P. 85.
[139] Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост. М., 2010. С. 45.
[140] Там же. С. 49.

поведения, на принимаемые решения… и потому невозможно предвидеть ход событий ни на короткий, ни на продолжительный срок, если не понимать того, что будет происходить с деньгами на протяжении рассматриваемого периода»[141].

В модели Дж. Тобина включение денег в рыночные отношения обусловливает несостоятельность парадигмы общего равновесия; в частности, он писал: «По своей природе общественные блага трудно оценить единой единицей расчета или универсальным средством обмена, что, по моему мнению, является одной из причин, по которой парадигма общего равновесия сталкивается с трудностями при включении денег»[142].

В своем анализе Дж. Тобин опирался на теорию Р. Харрода и его положение о соотношении обеспеченного и оптимального темпов роста, расхождения между которыми, как указывалось выше, должно устраняться или хотя бы уменьшаться активной денежной и финансовой политикой, направленной на увеличение или снижение сбережений и инвестиций. Однако у Р. Харрода реальный капитал – это единственный актив, куда могут помещаться сбережения. В своей работе Дж. Тобин исследует влияние монетарных факторов на реальный сектор экономики. Устойчивый экономический рост Дж. Тобин связывает с инвестициями не только в реальный капитал, но и в финансовые активы, и с их взаимным замещением. Спрос на различные активы определяется в модели не только доходностью, но и стремлением инвесторов избегать риски. При этом Дж. Тобин придал важную роль тому факту, что, хотя доходность различных активов взаимосвязана, но не одинакова и зависит от предложения каждого из них.

В рамках предложенного им портфельного подхода к анализу инвестиций Дж. Тобин выдвинул новую концепцию «фактора *q*». У Дж.М. Кейнса инвестиционная активность экономических агентов зависит от предельной эффективности капитала, которая в свою очередь ограничивается ставкой

---

[141] Keynes J.M. A Monetary Theory of Production // The Collected Writing of John Maynard Keynes / Ed. by D. Moggridge. London, 1973. Vol. XIII. P. 408.

[142] Тобин Дж. Деньги и финансы в макроэкономическом процессе // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. V. Кн. 1. Всемирное признание. Лекции Нобелевских лауреатов / отв. ред. Г.Г. Фетисов. М., 2004. С. 418.

процента. У Дж. Тобина «скорость, с которой инвесторы желают увеличить запас капитала», зависит «от величины q – отношения стоимости капитала к издержкам его воспроизводства»[143].

Величина q может меняться как по причине изменения ситуации в финансовом секторе и вследствие колебаний рентабельности, так и по причине изменений в ожиданиях инвесторов, что в свою очередь влечет изменение предпочтений в пользу денег, акций или облигаций. Дж. Тобин пришел к выводу, что изменение величины q оказывает прямое влияние на совокупный спрос. Обобщенные выводы своих исследований Дж. Тобин делает в статье «Денежная теория с точки зрения общего равновесия»[144].

Денежная и финансовая политика государства способна отклонять рыночную оценку капитала от издержек ее воспроизводства, то есть воздействовать на коэффициент q, и добиваться ограничения или активизации инвестиций.

Однако Дж. Тобин приходит к выводу, что «рынки финансов и капитала являются, в лучшем случае, очень несовершенными координирующими механизмами сбережений и инвестиций – недостаток, который, я подозреваю, нельзя исправить рациональными ожиданиями. Этот крах координации является фундаментальным источником макроэкономической неустойчивости и возможности макроэкономической политики стабилизации»[145]. Таким образом, и третий постулат твердого ядра кейнсианской НИП, касающейся необходимости государственного регулирования экономики, Дж. Тобин считает основополагающим.

В категорию «деньги» Дж. Тобин включает все финансовые активы, предлагаемые государством. Увеличивая предложение денег, государство может

---

[143] Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост. М., 2010. С. 90.

[144] Tobin J. A General Equilibrium Approach To Monetary Theory // Journal of Money, Credit and Banking. 1969. Vol. 1. No 1. P. 15–29.

[145] Тобин Дж. Деньги и финансы в макроэкономическом процессе // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. V. Кн. 1. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов / отв. ред. Г.Г. Фетисов. М., 2004. С. 418–419.

снизить приемлемую для инвесторов доходность капитала и уменьшить сбережения, которые не направляются для инвестиций в реальный капитал; таким образом, за счет частных сбережений правительство может снизить дефицит государственного финансирования. Размер предложения «денег» Дж. Тобин приравнивает к размеру бюджетного дефицита и в ходе своего анализа выявляет факторы и формулу определения необходимого бюджетного дефицита, способного обеспечить равенство инвестиций уже осуществленным сбережениям.

Следовательно, целью денежной и финансовой политики государства является предложение частному сектору такого набора активов и их доходности, которое обеспечило бы, если говорить терминологией Р. Харрода, совпадение оптимального и реального темпов роста. В случае возникновения «кейнсианских» трудностей (нежелание экономических агентов инвестировать в реальный капитал с непривлекательно низкой нормой доходности) альтернативным активом может быть долг государства в денежной форме или в форме облигаций.

Таким образом, до 1960 года, когда кейнсианство переживало, по М. Блаугу, свой «выдающийся взлет»[146], фундаменталистскими кейнсианцами были выдвинуты основные идеи и теории, которые сформировали защитный пояс вокруг твердого ядра кейнсианской НИП и которые обеспечили теоретически и эмпирически прогрессивный сдвиг проблем в ее рамках. Защитный пояс в этот период состоял из:

1) концепции относительного дохода Дж. Дьюзенберри, успешно объяснившей аномалии или опровержения кейнсианской теории потребления, вытекавшие из ее эмпирических проверок, и прошедшей несколько эконометрических проверок;

2) концепции роста Р. Харрода, основанной на разграничении различных типов (траекторий) роста, обосновавшей маловероятность стабильного роста экономики и положившей начало всем современным теориям роста;

---

[146] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 314.

3) монетарной динамической модели Дж. Тобина, углубившей кейнсианскую теорию предпочтения ликвидности путем ввода в анализ всех видов финансовых и реальных активов, введения в научный оборот новой категории «фактора *q*», оказавшей большое влияние на финансовую науку (теорию финансов) и макроэкономическую политику.

ГЛАВА 2 РАЗВИТИЕ КЕЙНСИАНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ (70-е годы XX века – настоящее время)

2.1 Посткейнсианство: вклад в развитие кейнсианской научно-исследовательской программы

Традиционно считается, что в 70-е годы прошлого века экономическая теория переживала второй кризис, а именно кризис кейнсианства (первый – кризис неоклассического направления 30-х годов). Наиболее полную характеристику его дал А.Г. Худокормов, который в развернутом виде представил причины и формы проявления кризиса[147]. Если рассматривать эволюцию кейнсианства как НИП, то, по М. Блаугу, научная программа кейнсианства начала деградировать в 1950-е годы прошлого века, что было связано с расхождением между теорией и фактами в отношении потребительской функции[148]. Выше было показано, что в действительности в эти годы шло прогрессивное развитие кейнсианской НИП. Признаки деградации появились позже, в 70-е годы, и связаны они были с «петлянием» кривой Филлипса.

О.У. Филлипс (1914–1975) осуществил эмпирическое исследование связи между уровнем безработицы и темпом роста ставок заработной платы в Великобритании за 1861–1957 годы и пришел к выводу, что «статистические показатели, … в общем говорят в пользу выдвинутой … гипотезы о том, что темпы изменения ставок заработных плат в денежном выражении могут быть

[147] Худокормов А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: учеб. пособие. М., 2009. С. 66.
[148] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 314.

объяснены уровнем безработицы и темпом изменения безработицы, за исключением периодов в годы или сразу после них, когда тенденция растущей производительности снижать стоимость жизни компенсируется значительным и стремительным ростом цен на импорт»[149]. А именно: первоначально О.У. Филлипс своими статистическими выкладками подтвердил неоклассические представления о существовании обратной связи между заработной платой и занятостью: $\Delta W_t = f(U)_t$, где ΔW_t – изменение денежных ставок заработной платы, U – уровень безработицы в период t.

Позднее гидравлические (по Коддингтону) кейнсианцы (Р. Липси, П. Самуэльсон и Р. Солоу) осуществили теоретическое обоснование статистического результата, полученного О.У. Филлипсом. В частности, Р. Липси «… дал объяснение кривой как результата поведения рынка рабочей силы в условиях неравновесия»[150], когда темп изменения заработной платы связан с избыточным спросом на труд, а величина последнего связана с нормой безработицы.

Кроме того, замена темпа роста ставок зарплаты на темп инфляции дала возможность интерпретировать кривую Филлипса как обратную зависимость между инфляцией и безработицей (убывающая кривая, откладываемая на осях координат «темп инфляции – уровень безработицы»)[151]. Именно в таком виде кривая Филлипса позволила, как известно, гидравлическим кейнсианцам «включить» в модель *IS–LM* ценовый фактор. Как отмечал М. Блауг, «начало 1960-х годов ознаменовалось безнадежной влюбленностью экономического сообщества в кривую Филлипса. Но через несколько лет стали появляться сомнения в ее стабильности. Эмпирические исследования данных об инфляции и безработице все чаще обнаруживали большой разброс фактически наблюдаемых пар «безработица – инфляция» вокруг надлежащей кривой Филлипса и количество переменных, которые приходилось вводить для улучшения описания

[149] Phillips A.W. The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861–1957 // Economica. New Series. 1958. Vol. 25. No 100. P. 299.
[150] Харрис Л. Денежная теория. М., 1990. С. 698.
[151] Л. Харрис показал возможность такой интерпретации в условиях ценообразования по методу накидки (Харрис Л. Денежная теория. М., 1990. С. 699–700).

данных этой кривой, вскоре исчерпало имевшиеся степени свободы»[152]. Обнаружилось, что существует целое «семейство» (М. Блауг) краткосрочных кривых Филлипса, а в долгосрочном периоде она имеет вид вертикальной прямой.

Несмотря на то, что феномен стагфляции (начало 70-х годов прошлого века), казалось бы, должен был «закрыть» кривую Филлипса, до сих пор существует обширная литература, посвященная ее теоретическому обоснованию и статистической проверке (в том числе на примере России). И.В. Розмаинский так объясняет этот феномен: «… трактовка кривой Филлипса является центральным аспектом любой макроэкономической теории, претендующей в той или иной степени на всеобъемлющий анализ функционирования хозяйства как единого целого. В каком-то смысле подход к кривой Филлипса – это «лакмусовая бумажка» той или иной макроэкономической концепции»[153]. Представляется, что в данном случае роль кривой Филлипса в экономической теории несколько преувеличена; более аргументированной представляется точка зрения В.З. Баликоева, который пишет, что «…кривая Филлипса… до сих пор остается предметом ожесточенных дискуссий прежде всего потому, что она якобы отражает взаимосвязь между самыми болезненными явлениями в обществе – инфляцией и безработицей»[154].

С точки зрения методологии И. Лакатоса, кривая Филлипса имеет отношение к деградации неоклассической, а не кейнсианской НИП, поскольку она была выдвинута в рамках неоклассического направления и включена в общую модель сторонниками неоклассического синтеза.

Именно поэтому в эти годы в экономической теории возникла достаточно уникальная ситуация. Кейнсианство в целом (фактически неоклассический синтез) подверглось в эти годы острой критике как со стороны своих «старых»

---

[152] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют М., 2004. С. 315.

[153] Розмаинский И.В. Сравнительный анализ теорий кривых Филлипса: методологические аспекты с точки зрения посткейнсианского подхода // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 1. С. 48.

[154] Баликоев В.З. Кривая Филлипса: миф или реальность? // Сибирская финансовая школа. 2012. № 3 (92). С. 3.

теоретических «противников» (неоклассиков, представителей австрийской школы), так и со стороны самих сторонников Дж.М. Кейнса.

Представители неоклассической школы выдвинули гипотезу, согласно которой существует естественный уровень безработицы, который нельзя устранить макроэкономической политикой стимулирования спроса.

Впервые это предположение практически одновременно выдвинули в 1967–1968 годах М. Фридман[155] и Э. Фелпс[156]. При этом последний «не только участвовал в критике раннего кейнсианства, но и стоял у истоков «нового кейнсианства» – теории, которая сформировалась только в 1980-е годы на основе более ранних исследований Фелпса»[157], и которая рассматривается как альтернатива теории реальных деловых циклов неоклассической программы.

А. Лейонхуфвуд пишет: «На протяжении многих лет основной альтернативой теории реального делового цикла была более мягкая группа моделей с меткой новой кейнсианской теории... Новые кейнсианцы стали придерживаться технологии моделирования DSGE[158], тогда как новые классики объединяют различные «несовершенства» рынков, чтобы получить правдоподобие для своих моделей. Эта конвергенция была обозначена как «Новый неоклассический синтез»»[159]. А. Лейонхуфвуд называет оба синтеза «интеллектуальным мошенничеством», утверждая, что как старый, так и новый неоклассический синтез основаны на теории общего равновесия, что как тогда, так и сейчас тормозит исследования системных неустойчивостей.

---

[155] Friedman M. The Role of Monetary Policy // American Economic Review. 1968. Vol. 58. № 1. P. 1–17.

[156] Phelps E. Phillips Curve, Expectations of Inflation and Optimal Unemployment over Time // Economica. 1967. Vol. 34. № 3. P. 254–281; Phelps E. Money Wage Dynamics and Labor Market Equilibrium // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. No 2. P. 678–711.

[157] Там же. С. 55.

[158] Динамические стохастические модели общего равновесия (Dynamic Stochastic General Equilibrium, DSGE). Методология DSGE пытается объяснить совокупные экономические явления, такие как экономический рост, деловые циклы и последствия денежно-кредитной и фискальной политики на основе макроэкономических моделей, основанных на микроэкономических принципах.

[159] Leijonhufvud A. Out of corridor: Keynes and crisis [Электронный ресурс] // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. Режим доступа: https://doi.org/10.1093/cje/bep022 (дата обращения 03.01.2018).

«Кейнсианским» в концепции Э. Фелпса является постулат доминирования совокупного спроса в краткосрочной перспективе. В то же время его концепция основывалась на гипотезе рациональных ожиданий, что исключает фундаментальную неопределенность будущего в картине экономической реальности и не позволяет включить новокейнсианские теории в защитный пояс кейнсианской НИП.

Критика неоклассического синтеза сторонниками Дж.М. Кейнса также привела к попытке создать новую версию кейнсианства, альтернативную ортодоксальной. В результате возникло так называемое «посткейнсианство», по поводу которого существуют разные точки зрения, начиная с его состава и структуры (кто относится к посткейнсианцам?) и заканчивая его принадлежностью к кейнсианству вообще.

Так, Дж. Кротти указывает, что «название «посткейнсианский» применимо к огромному числу экономистов, которые зачастую мало сходны между собой, не считая общепризнанного интеллектуального долга перед Дж.М. Кейнсом (хотя для некоторых из них М. Калецкий, Д. Рикардо, К. Маркс или П. Сраффа имеют гораздо большее значение) и недовольства ортодоксальной теорией»[160]. В словаре Макмиллана термин «посткейнсианская экономическая теория» «… обозначает взгляды не очень четко очерченной группы экономистов, считающих идеи Дж.М. Кейнса (Keynes) и М. Калецкого (Kalecki) исходной точкой как для критики традиционного равновесного подхода, так и для создания базы новой макроэкономики»[161].

И.М. Осадчая связывает неоднозначность трактовки посткейнсианства в отечественной литературе с тем, что оно объединило экономистов с разными методологическими и идеологическими подходами; при этом экономист выделяет левое кейнсианство (представители английского Кембриджа) и монетарное кейнсианство, относя сюда всех тех американских экономистов, начиная с Р. Клауэра, которые выступили с «яростной критикой» ортодоксального

---

[160] Crotty J.R. Post-Keynesian Economic Theory: An Overview and Evaluation // The American Economic Review. 1980. Vol. 70. No. 2. P. 20.

[161] Словарь современной экономической теории Макмиллана. М., 2003. С. 391–392.

кейнсианства[162]. И.В. Розмаинский утверждает, что в советской литературе термин «посткейнсианство» «использовался для характеристики взглядов кембриджских последователей Дж.М. Кейнса»[163]. По его мнению, в западной литературе вообще не возникает путаницы, так как «под посткейнсианством понимают именно «монетарную ветвь» неортодоксального кейнсианства, а «кембриджцев» называют «неорикардианскими кейнсианцами»»[164].

Однако такая «разность» в классификации отдельных версий посткейнсианства в исследовании эволюции кейнсианства как НИП не имеет, на наш взгляд, существенного значения, поскольку в этом случае интерес представляет лишь эволюция идей, позволяющих оставаться кейнсианской НИП прогрессивной или, наоборот, ведущих к ее регрессу.

Продолжая использовать классификацию А. Коддингтона, выделим те проблемы, которые являлись движущей силой развития кейнсианской НИП в рамках посткейнсианства.

1. Проблема аутентичности теории Дж.М. Кейнса в интерпретации его последователей: равновесие или неравновесие?

Считается, что началу «посткейнсианству» положила статья американского экономиста Р. Клауэра (1926–2011) «Кейнсианская контрреволюция: теоретическая оценка» (1965). М. Блауг утверждает, что эта статья является «… одной из самых важных работ (если не самой важной) по макроэкономике 1960–70-х гг.»[165]. Представляется, что данная оценка основывается на том факте, что в этой статье была поставлена одна из самых дискуссионных проблем в трактовке учения Дж.М. Кейнса – проблема равновесия. Ортодоксальная трактовка теории Дж.М. Кейнса как частного случая неоклассической концепции общего равновесия посткейнсианцами была поставлена под сомнение.

---

[162] Осадчая И.М. Посткейнсианство // История экономических учений: (современный этап) / под общ. ред. А.Г. Худокормова. М., 2009. С. 234–235.

[163] Розмаинский И.В. Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 19.

[164] Там же.

[165] Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб., 2008. С. 118.

Р. Клауэр, решая сугубо частный вопрос, как достигается кейнсианское равновесие при неполной занятости, в то же время предпринял попытку «пояснить формальную основу кейнсианской революции и ее соотношение с ортодоксальным направлением экономической мысли»[166].

Основой его анализа выступала ситуация неравновесия на рынке, приводящая к возникновению ограничений для действий экономических агентов. Р. Клауэром была выдвинута «гипотеза двойственного решения», которая разделяет потребительский спрос на предполагаемый («потенциальный») и фактический («эффективный»). Предполагаемый – это спрос домохозяйств на товары в случае, если на рынке создастся ситуация полной занятости при равновесных ценах; домашние хозяйства при этом извлекают максимум полезности из имеющихся ресурсов, то есть из реальной заработной платы. Это и есть неоклассическая функция потребления, зависящая лишь от ценовых параметров. Однако если экономическая система не достигла состояния полной занятости, то домохозяйства в своих решениях о потреблении должны учитывать и неценовые параметры (или ограничения) в виде уровня безработицы. В таком случае они не смогут реализовать своих планов на спрос, так как их предполагаемые доходы будут ниже реальных, и они реализуют свой фактический спрос. Таким образом, текущий спрос зависит «от текущих сделок на рынке» (от количественных сигналов), а не только от ценовых сигналов. Если «реальные полученные текущие поступления, – пишет Р. Клауэр, – накладывают какие-либо ограничения на текущие планы потребления, то запланированное потребление, выраженное в реальных заявках на покупку товаров, обязательно будет меньше, чем желаемое потребление в том объеме, как оно задано функциями спроса в ортодоксальном анализе»[167]. Именно поэтому текущий реализованный доход Р. Клауэр называет оперативным ограничением эффективного спроса[168].

---

[166] Клауэр Р. Кейнсианская контрреволюция: теоретическая оценка // Истоки. Вып. 3. М., 1998. С. 332.
[167] Клауэр Р. Там же. С. 326.
[168] Клауэр Р. Там же. С. 328.

Резюмируя, Р. Клауэр дает заключение о результатах своих исследований: «Выражаясь кратко, кейнсианская экономическая теория привносит в теорию цены текущие сделки, в то время как традиционный анализ явно их игнорирует. Иначе говоря, кейнсианская экономическая теория является теорией цены без закона Вальраса, а теория цены с законом Вальраса – лишь частный случай кейнсианской экономической теории. Соответственно смысл моих доводов в отношении кейнсианской контрреволюции прост: современные теории общего равновесия могут устоять в неизменном виде только в том случае, если мы стремимся поменять Кейнса на ортодоксию»[169].

Дальнейшее развитие идеи Р. Клауэра получили в работе А. Лейонхуфвуда (р. 1933) «О кейнсианской экономической теории и теории Кейнса» (1968). Особое внимание А. Лейонхуфвуд уделял фактору неопределенности в поведении экономических агентов, приводящему к расхождению между «теоретической» и фактической величиной эффективного спроса, которое «распространяется на все рынки посредством мультипликационного процесса. Теперь производители будут получать неверные ценовые сигналы, которые вызовут адаптационные реакции, вовсе не обязательно ведущие к равновесию»[170]. А. Лейонхуфвуд приходит к выводу, что теория Дж.М. Кейнса по сути своей – не статичная теория равновесия с неполной занятостью, а динамическая теория «макроэкономического приспособления к нарушению экономического равновесия»[171].

Теории Р. Клауэра и А. Лейонхуфвуда основаны на предпосылке неполной информации, что ведет к медленному приспособлению цен в противовес неоклассической теории полной информации и моментальному изменению всех цен, где работа ценового механизма автоматически устраняет дефициты и избытки на рынке. Следовательно, согласно Р. Клауэру и А. Лейонхуфвуду, полная занятость не наступает автоматически. Блауг пишет, что теория Дж.М. Кейнса в трактовке данных авторов – это теория «адаптации посредством

---

[169] Клауэр Р. Там же. С. 333.
[170] Цит. по: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 620.
[171] Leijonhufvud A. On Keynesian Economics and the Economics of Keynes: A Study in Monetary Theory. New York, 1968. P. 50.

изменения объемов производства, а не цен, это гипотеза двойственного решения и процесса, ограничиваемого доходом, неправильных и неравновесных рыночных цен при отсутствии вальрасовского аукционера»[172].

А. Коддингтон, оценивая роль Р. Клауэра и А. Лейонхуфвуда, пишет, что задача, которую ставили перед собой данные авторы, состояла в «построении общей теоретической схемы, которая обеспечивала бы место или сферу действия кейнсианским идеям»[173]. И чтобы найти это место, «нам надо отказаться от равновесных теоретических построений и обратиться к объяснению процесса неравновесного обмена»[174].

Близкую оценку вклада Р. Клауэра и А. Лейнхуфвуда дает М. Блауг: «Так же, как и Клауэр, Лейонхуфвуд вышел за пределы обсуждения представлений самого Кейнса, утверждая, что наиболее плодотворный подход к ним возможен в том случае, когда они трактуются как первый нерешительный шаг к экономической теории неравновесия – анализу рынков в условиях несовпадения спроса и предложения, когда экономические агенты находятся вне, а не на своих кривых спроса и предложения»[175].

Таким образом, Р. Клауэр и А. Лейонхуфвуд показали, что теория Дж.М. Кейнса имеет право на существование только как неравновесная система. С точки зрения развития кейнсианской НИП, можно утверждать, что их исследования дополнили отрицательную эвристику положением об отказе от использования в анализе принципа равновесия.

Что касается термина, закрепившегося за описанным направлением защитного пояса кейнсианской НИП, то как в зарубежной, так и отечественной литературе применяется несколько названий. А. Коддингтон называет его «воссозданным редукционизмом», представляя исследования Р. Клауэра и

---

[172] Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 621.
[173] Коддингтон А. Кейнсианская экономическая теория: в поисках главных принципов // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М., 1998. С. 351.
[174] Там же. С. 352.
[175] Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб., 2008. С. 145.

А. Лейонхуфвуда как «семейную ссору внутри редукционистской программы»[176]. М. Блауг эту версию кейнсианства называет «неравновесным кейнсианством»[177].

В.Е. Маневич не только относит представителей неравновесного кейнсианства к новым кейнсианцам, но и объединяет эти теории, не задаваясь вопросом о кейнсианстве как НИП и не выделяя, соответственно, теории защитного пояса[178].

И.В. Розмаинский указывает на ошибочность отождествления неравновесного кейнсианства, которое он называет также теорией неравновесия, и нового кейнсианства. Основанием для такого отождествления, по мнению И.В. Розмаинского, послужил тот факт, что представители неравновесного кейнсианства (Р. Клауэр, А. Лейонхуфвуд, Э. Малинво и др.), как и новые кейнсианцы, «… также пытались «вписать» кейнсианство в магистральное направление экономического анализа и также делали это на основе принципов оптимизации и методологического индивидуализма. Однако они исходили из вальрасовской модели общего равновесия, допуская отсутствие аукционщика и, как следствие, взаимодействие рынков через количественные (а не только ценовые) сигналы; а такой тип рыночного взаимодействия может привести к безработице»[179].

С точки зрения методологии НИП и вслед за А. Коддингтоном, М. Блаугом и И.В. Розмаинским выделим идеи Р. Клауэра и А. Лейонхуфвуда в отдельное теоретическое направление защитного пояса кейнсианской НИП – «неравновесное кейнсианство», так как эти идеи существенно отличаются от остальных версий посткейнсианства и анализ неравновесия является основной задачей исследования этого направления.

2. Проблема неопределенности будущего.

---

[176] Коддингтон А. Указ. соч.. С. 349.
[177] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 305.
[178] Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2010. С. 8.
[179] Розмаинский В.И., Холодилин К.А. История экономического анализа на Западе. СПб., 2000. С. 111.

Неопределенность и ожидания – одни из основных понятий в теории Дж.М. Кейнса, в то же время они не использовались в кейнсианском анализе в период господства его гидравлической версии. Посткейнсианцы в версии монетарного кейнсианства вернули данным категориям принадлежащий им статус и выдвинули идеи, которые не дали элиминировать кейнсианскую НИП в 70-е годы прошлого века, когда кейнсианство, по общему мнению, находилось в кризисе.

Теоретики этого течения используют монетарный аналитический подход Дж.М. Кейнса и развивают его как анализ «экономической системы, в которой присутствует денежное обращение и предпринимательство»[180].

Неопределенность будущего для монетарных кейнсианцев является проблемой сложной экономической системы. Сложная система определяется двумя свойствами. Во-первых, как писал Дж.М. Кейнс, «из-за существования оборудования с длительным сроком службы в области экономики будущее связано с настоящим»[181], вследствие чего хозяйственная деятельность растянута во времени и экономическим агентам в своих расчетах необходимо учитывать будущие перспективы. Во-вторых, глубокое разделение труда заставляет людей тесно взаимодействовать друг с другом.

Признание влияния денежных факторов на реальный сектор экономики составляет элемент положительной эвристики кейнсианской НИП. Именно придание Дж.М. Кейнсом особой роли деньгам, влияющим на поведение людей и на особенности функционирования денежной экономики (высокая степень неопределенности), позволили монетарным кейнсианцам выдвинуть гипотезы, которые расширили и углубили анализ экономических систем.

Лидерами монетарных кейнсианцев принято считать американских экономистов Пола Дэвидсона (р. 1930) с его денежной теорией и Хаймана Филипа Мински (1919–1996) с теорией финансовой хрупкости.

---

[180] Дэвидсон П. Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 84.

[181] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 142.

Предпосылки исследований П. Дэвидсона связаны с особой ролью в современной развитой капиталистической экономике неопределенности и денег. Денежная теория П. Дэвидсона может быть представлена следующими основными положениями. Во-первых, «деньги играют важную роль как в долгосрочном, так и в краткосрочном периоде, то есть предпочтение денежной ликвидности не нейтрально, оно влияет на принятие реальных решений»[182]. Когда речь идет об экономике, в которой используются деньги, спрос на капитал определяется не запасами прошлых периодов и не реальным доходом, а лишь ожидаемыми будущими денежными потоками. Инвестиции будут осуществляться только тогда, когда кто-то ожидает, что покупка капитальных благ создаст поток денежной прибыли, превышающей денежные затраты.

Во-вторых, в мире, где существует банковская система, предложение денег может быть увеличено для удовлетворения спроса частного сектора на финансирование. Тем самым П. Дэвидсон выделил еще один мотив для удержания денег – так называемый «финансовый мотив». Спрос на деньги зависит не просто от текущих доходов и процентных ставок, потому что домашние хозяйства, фирмы и правительство накапливают деньги заранее. В этом случае растущий спрос на деньги задолго до расходов окажет давление на процентные ставки. Однако до тех пор, пока банки и другие финансовые учреждения удовлетворяют этот спрос за счет увеличения денежной массы, процентные ставки не должны расти чрезмерно.

Во-третьих, деньги обладают специфическими свойствами: эластичность их производства и эластичность замещения близки к нулю. Первое свойство приводит к тому, что когда спрос на деньги возрастает, невозможно создать рабочие места для их производства. Что же касается эластичности замещения, то как Кейнс, так и монетарные кейнсианцы строят свои доводы на отрицании аксиомы полного замещения, так как она противоречит возможности вынужденной безработицы. «В экономическом мире Кейнса и посткейнсианцев

[182] Дэвидсон П. Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 85.

увеличение спроса на сбережения даже при условии, что относительная цена невоспроизводимых благ возрастает, не трансформируется в повышение спроса на воспроизводимые блага»[183]. Именно эти два свойства денег и определяют в теории П. Дэвидсона существование вынужденной безработицы и спада в экономике.

В-четвертых, экономика, по П. Дэвидсону, неэргодична, в то время как неоклассики исходят из того, что экономическая среда характеризуется эргодичностью. В эргодической экономической среде люди могут предсказывать будущее и время имеет логический характер. П. Дэвидсон исходит из *исторического времени*, где прошлое необратимо, а будущее неопределенно: «В сущности, эргодическая аксиома говорит о том, что будущее всегда может быть предсказано со статистической достоверностью путем расчета вариантов развития событий, основываясь на прошлых и текущих рыночных данных и применяя такие варианты к возможным будущим результатам. Иными словами, эргодическая аксиома предполагает, что будущий результат любого решения, принятого сегодня, может быть предсказан с высокой долей статистической точности. Отрицание такой аксиомы означает, что будущее неопределенно в том смысле, что его нельзя достоверно предсказать путем анализа существующих рыночных данных»[184].

В то же время люди должны принимать решения даже в условиях, когда они не могут знать ни точный, ни вероятностный результат. Предприниматели вынуждены заниматься трудоемкими процессами на основе будущих цен и объемов продаж. Наиболее важным методом, используемым для уменьшения неопределенности в этой ситуации, является заключение денежных контрактов. В соответствии с неоклассической теорией контракты должны были бы заключаться в реальных величинах, однако в действительности этого не происходит. По П. Дэвидсону, это является проблемой для неоклассической теории, поскольку существование денежных контрактов объясняется не чисто экономическими

---

[183] Дэвидсон П. Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 89.
[184] Davidson P. John Maynard Keynes. London, 2007. P. 32–33.

причинами, а институциональными ограничениями, такими, как, например, социальные традиции. В целом, с точки зрения П. Дэвидсона, денежные контракты являются осмысленным способом снижения неопределенности относительно будущих результатов в условиях, когда предпринимательская деятельность занимает долгое время.

В данном контексте П. Дэвидсон отводит решающую роль деньгам при выполнении обязательств. Удержание денег всегда увеличивает ликвидность, а также способность выполнять обязательства. Использование денежных контрактов позволяет предпринимателям формировать осмысленные ожидания, поощряет их к длительным производственным процессам, формирует у них уверенность, что они могут определить последствия принимаемых решений в денежной форме, что играет важную роль, в том числе и в силу кредитных обязательств перед банками. «Именно форвардные денежные контракты и позволяют предпринимателям и домохозяйствам находить оптимальную и эффективную последовательность действий по использованию и оплате ресурсов в процессе долгосрочного производства и обмена»[185].

«Таким образом, – делает вывод П. Дэвидсон, – основными характеристиками реально существующей денежной экономики служат неопределенность перспектив, возможная ошибочность суждений, договорные обязательства, хозяйственные институты, торговля, финансы и доверие. Именно на эти «семь чудес света» и опирается весь современный мир. В то же время именно они и порождают серьезные перебои в функционировании современного денежного хозяйства, ориентирующегося на свободный рынок, а именно «неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов»»[186].

---

[185] Дэвидсон П. Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 98.

[186] Дэвидсон П. Посткейнсианская теория денег и проблема инфляции // Современная экономическая мысль. М., 1981. С. 405.

Большое значение для эволюции кейнсианской теории циклов имеет «гипотеза финансовой хрупкости», выдвинутая представителем монетарного кейнсианства Х. Мински в 70-е годы прошлого века[187].

Как отмечает М. Столбов, «… «сквозной» темой исследований Х. Мински была взаимосвязь финансов, инвестиций и деловых циклов. В условиях капиталистической экономики, где производятся и продаются капитальные активы длительного пользования и функционируют сложно устроенные финансовые институты, динамика инвестиций в основной капитал, определяющая смену фаз делового цикла, во многом зависит от режимов финансирования капиталовложений»[188].

Х.Ф. Мински выделяет три типа (режима) финансирования.

1. Обеспеченное финансирование (денежных поступлений достаточно для погашения долга и процентов) – преобладает в экономике в начале делового цикла.

2. Спекулятивное финансирование (денежных поступлений достаточно для оплаты только процентов) – является результатом повышения уверенности в завтрашнем дне (вследствие роста деловой активности) как у заемщика, так и у заимодавца. Спекулятивное финансирование также неизбежно, когда долгосрочные инвестиционные проекты инвестируются за счет краткосрочных кредитов.

3. Для погашения основного долга предприниматели берут новые кредиты, процентные ставки растут, что приводит к Понци-финансированию – ситуации, когда денежных поступлений недостаточно даже на оплату процентов. Такая ситуация практически неотвратимо ведет к банкротству.

Х.Ф. Мински показал, что выделенные режимы финансирования инвестиций, расположенные в вышеуказанном порядке, отражают исторические

---

[187] Minsky H.P. Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and An Alternative to «Standard» Theory // Nebraska Journal of Economics and Business. 1977. Vol. 16. P. 5–16; Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis: a Restatement // Post-Keynesian Economic Theory: a Challenge to Neo Classical Economics / Ed. by P. Arestis, T. Skouras. Brighton, 1985. P. 24–55.

[188] Столбов М. Гипотеза финансовой нестабильности Хаймана Мински и экономический кризис в России // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3. С. 57.

этапы нарастания факторов неустойчивости и нестабильности в финансовой системе. Соответственно, суть гипотезы финансовой хрупкости заключается в положении о том, что развитие капиталистической «денежной» экономики неизбежно ведет к формированию такой финансовой системы, которая подвержена финансовым кризисам.

Нестабильная капиталистическая система, по мнению Х. Ф. Мински, требует активного вмешательство государства в экономику. В периоды спада и депрессий государство должно сглаживать их глубину посредством проведения стимулирующей фискальной и денежной политики. Это поможет не обанкротиться предпринимателям, которым необходимо погашать долги, и финансовым организациям, столкнувшимся с невозвратом долгов и изъятием населением своих вкладов. С другой стороны, такая политика приведет к потере осторожности со стороны предпринимателей и банкиров, которые еще более будут склонны к долговому финансированию. Посткейнсианцы этот феномен называют парадоксом Х.Ф. Мински.

Избавить капиталистическую экономику от финансовой хрупкости, по мнению Х.Ф. Мински, может, во-первых, рост в структуре спроса доли потребления и изменение технологий в направлении увеличения трудоемкости. По этому поводу Х.Ф. Мински писал: «экономика, которая ориентирована на производство потребительских товаров менее капиталоемкими методами... будет в меньшей степени подвержена финансовой нестабильности»[189]. И второе необходимое условие – прекращение краткосрочного кредитования долгосрочных инвестиционных проектов. Решение этих вопросов требует соответствующей институциональной политики государства.

Вклад теории финансовой хрупкости в развитие защитного пояса кейнсианской НИП, по нашему мнению, отражают выводы об исследованиях Х.Ф. Мински, сделанные Ш. Доу: «Сделав акцент на структурных изменениях и

[189]Minsky H.P. Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and An Alternative to «Standard» Theory // Nebraska Journal of Economics and Business. 1977. Vol. 16. P. 53.

эволюции, Мински развил идеи Кейнса, разработав системный подход к финансовой нестабильности»[190].

3. Проблема накопления капитала.

Рассмотрим еще одну ветвь защитного пояса кейнсианской НИП, объединенную с монетарным кейнсианством в посткейнсианство, возникшую в Кембридже.

Это направление, признанным лидером которого считается Джоан Робинсон (1903–1983), называется по-разному: «неорикардианское кейнсианство», «левое кейнсианство», «посткейнсианская теория роста», «кембриджский вариант «Общей теории»». На наш взгляд, именно термин «левое кейнсианство» наиболее полно и адекватно отражает направление исследований этого течения, так как представители этой ветви «придавали большое значение росту заработной платы в качестве фактора расширения эффективного спроса, выступали за ограничение власти монополий и проведение социальных реформ»[191]. Сама Дж. Робинсон также предпочитала этот термин. В частности, она, образно характеризуя свои взгляды в эволюции кейнсианства, писала: «… я была первой каплей, которая упала в тот самый сосуд, который был назван «левым кейнсианством». Больше того, я составляю значительную часть содержимого этого сосуда и сегодня, поскольку за это время из него было выпито довольно много»[192]. Она же в одной из своих статей дает «левое» толкование «Общей теории»: «Мы можем сказать, что суть теории Кейнса состоит в следующем: неравное распределение дохода порождает хроническую тенденцию к тому, что спрос на товары падает ниже производственных возможностей промышленности. Тот, кто хочет потреблять, не имеет денег, чтобы покупать, и поэтому не образует выгодного рынка. Тот же, кто

---

[190] Доу Ш. Психология финансовых рынков: Кейнс, Мински и поведенческие финансы // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 110.

[191] Осадчая И.М. Посткейнсианство // История экономических учений: (современный этап) / под ред. А.Г. Худокормова. М., 2009. С. 237.

[192] Цит по: Gram H., Walsh V. Joan Robinson's Economics in Retrospect // Journal of Economic Literature. 1983. Vol. 21. Issue 2. P. 546.

имеет деньги, не хочет потреблять в таких размерах, в каких он мог бы; вместо этого он накопляет богатство, то есть сберегает»[193].

Противоречия левокейнсианской и ортодоксальной (неоклассический синтез) школ в явном виде проявились в так называемой «дискуссии двух Кембриджей», которая велась выдающимися учеными в течение трех десятилетий, начиная с 50-х годов прошлого века. Начало дискуссии, как указывается в литературе, положила статья Дж. Робинсон «Производственная функция и теория капитала»[194], которая фактически начинается с морального «обвинения» неоклассической школы (на примере производственной функции): «…Производственная функция была и остается мощным инструментом оболванивания. Студента, изучающего экономическую теорию, заставляют писать $Q = f(L, K)$, где L – количество труда, K – количество капитала, а Q – выпуск товаров. Студента учат считать всех рабочих одинаковыми и мерить L в человеко-часах; ему что-то говорят о проблеме индекса при выборе показателя выпуска; и тут же торопят перейти к следующему вопросу в надежде, что он забудет спросить, в чем измеряется K. Прежде чем у него возникнет такой вопрос, он сам уже станет профессором, и так привычка к интеллектуальной небрежности передается из поколения в поколение»[195]. Со стороны английского Кембриджа дискуссия была представлена работами Дж. Робинсон, П. Сраффы, Н. Калдора, Дж. Хаккорта, Дж. Итуэлла и ряда других. В числе американской группы – экономисты, прямо или косвенно связанные с Кембриджем, университетским городком под Бостоном, где расположены Массачусетский технологический институт и Гарвардский университет – П. Самуэльсон, Р. Солоу, Ф. Модильяни. В ходе дискуссии были поставлены вопросы «соотношения между накоплением и распределением чистого продукта отрасли, между заработной платой и

[193] Цит. по: Осадчая И.М. Критика современных буржуазных теорий экономического роста. М., 1963. С. 70.
[194] Коэн А., Харкурт Дж. Судьба дискуссии двух Кембриджей о теории капитала // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 4.
[195] Robinson J. The Production Function and the Theory of Capital // Review of Economic Studies. 1953–1954. Vol. 21. No 2. P. 81.

прибылью»[196]. Эти вопросы и стали направлением исследований левой ветви кейнсианской НИП.

А. Коддингтон считает, что левые кейнсианцы использовали теоретические принципы кейнсианства в качестве «расчистки почвы для … создания гибрида кейнсианства с теми аспектами работ Д. Рикардо, которые были присвоены К. Марксом: Д. Рикардо минус закон Ж.-Б.Сэя и количественная теория денег»[197]. Действительно, на формирование левого кейнсианства оказали влияние идеи П. Сраффы (1898–1983), который по сути является неорикардианцем, и М. Калецкого (1899–1970), который, по общепринятому мнению, в работе «Эссе о теории цикла деловой деятельности» (1933) на три года раньше Дж.М. Кейнса обосновал идею эффективного спроса[198]. Отечественные экономисты выделяют связь левого кейнсианства с К. Марксом. Так, Г.Д. Гловели пишет, что «это направление, противопоставляя макроэкономическую теорию самого Кейнса ее отформатированной версии – «хиксианству», или неоклассическому синтезу, критиковало неоклассический синтез с иных, чем «монетарное кейнсианство» Клауэра – Лейонхуфвуда, методологических позиций, совпадающих с ключевым положением К. Маркса: капитал – это не вещь, а общественное отношение»[199].

В 1960 году вышла книга П. Сраффы «Производство товаров посредством товаров». Исследование П. Сраффы не содержало в себе ничего специфически кейнсианского, но, как пишет И.М. Осадчая, «оказалась сильным теоретическим оружием в критике того аспекта неоклассической теории, который «Кейнсианская революция» оставила в неприкосновенности, – ее микроэкономической основы»[200]. П. Сраффа решал в этой работе проблему, над которой работали Д. Рикардо и К. Маркс, а именно – поиск меры стоимости, не зависящей от

---

[196] Robinson J. Review of L.L. Passinetti. Growth and Income Distribution: Essays in Economic Theory 1974 // Economic Journal. 1975. Vol. 85. No 338. P. 398.

[197] Коддингтон А. Кейнсианская экономическая теория: в поисках главных принципов // Истоки. Вып. 3. М., 1998. С. 337.

[198] Дзарасов С.С. Михаил Калецкий: интеллектуальное наследие // Экономическая наука современной России. 1999. №. 3. С. 152; Осадчая И.М. Посткейнсианство // История экономических учений: (современный этап) / под ред. А.Г. Худокормова. М., 2009. С. 237.

[199] Гловели Г.Д. История экономических учений. М., 2013. С. 616.

[200] Осадчая И.М. Посткейнсианство // История экономических учений: (современный этап) / под ред. А.Г. Худокормова. М., 2009. С. 237.

конъюнктурных колебаний, исследование проблемы цены, стоимости и распределения. О работе П. Сраффы Дж. Робинсон писала, что он расширил анализ Д. Рикардо, «допуская, что реальная заработная плата является долей чистого продукта. Тогда соответственно каждой доле заработной платы существует и доля прибыли в чистом выпуске, норма прибыли на капитал и цены всех входящих факторов производства и выпускаемой продукции при любом измерителе, или единице учета»[201]. Далее, «беря в качестве измерителя среднюю денежную заработную плату в единицу рабочего времени, мы видим, что более высокий уровень денежных цен показывает более высокую норму прибыли и более низкую реальную заработную плату»[202].

Кроме П. Сраффы, как уже отмечалось, на формирование левого кейнсианства оказали влияние взгляды М. Калецкого, которого некоторые отечественные экономисты считают создателем посткейнсианства, наряду с Дж.М. Кейнсом[203]. Сами представители левого кейнсианства, в частности, Дж. Робинсон, выделяли преимущества идей М. Калецкого относительно Дж.М. Кейнса. Во-первых, «Калецкий был свободен от остаточных представлений теории старого образца, которые Кейнс не смог отбросить»[204] (имеются в виду неоклассические представления). И во-вторых, Калецкий оказался способен «связать вместе анализ несовершенной конкуренции и эффективного спроса и именно это проложило путь тем взглядам, которые развиваются под именем посткейнсианской теории»[205].

Среди идей М. Калецкого, оказавших влияние на левых кейнсианцев, выделяют концепцию ценообразования, учитывающую монополизацию экономики и ее влияние на процессы распределения. М. Калецкий вывел формулу цены крупных корпораций, отражающей власть фирмы над рынком и реакцию

---

[201] Робинсон Дж. Введение в посткейнсианскую экономику // Теория капитала и экономического роста / под ред. С.С. Дзарасова. М., 2004. С. 147.
[202] Там же. С. 148.
[203] Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009. С. 19.
[204] Robinson J. Michal Kalecki on the Economic of Capitalism // Oxford Bulletin of Economics Statistics. 1977. Vol. 39 (1). P. 14.
[205] Ibid. P. 15.

фирм-олигополистов на действия конкурентов. Она выглядит следующим образом: $P = mu + np$, где Р – цена фирмы, m – коэффициент, отражающий власть фирмы над рынком; u – удельные издержки; n – коэффициент, отражающий реакцию других членов олигополии; p – среднеотраслевая цена. При этом М. Калецкий писал: «Коэффициенты m и n, характеризующие ценовую политику фирмы, отражают степень монополизма»[206]. Степень монополизма отражает власть фирмы над рынком и зависит от ряда факторов, выделенных М. Калецким.

Таким образом, концепция ценообразования М. Калецкого не соответствует неоклассическому представлению, связанному с предельной производительностью факторов производства, а это согласуется с теоретическими взглядами представителей кейнсианского направления и является предметом научных изысканий ее левокейнсианской ветви. По М. Калецкому, распределение в корпоративной экономике осуществляется по силе капитала, что сопровождается борьбой социальных классов за относительную долю дохода.

Как известно, Дж.М. Кейнс анализировал поведение макроэкономических субъектов в краткосрочном периоде, при постоянном запасе капитала и техники. В отличие от этого, Дж. Робинсон в своей работе 1956 года «Накопление капитала» решает вопросы долгосрочного экономического роста на основе кейнсианского краткосрочного анализа.

Основные факторы долговременного роста экономики, по Дж. Робинсон – это распределение между зарплатой и прибылью, характер технического прогресса, объем капитала, монополизация и ее влияние на конкурентность экономики, рост народонаселения. Дж. Робинсон приходит к выводу, что для долгосрочного экономического роста необходим оптимальный темп накопления капитала, который должен соответствовать такому распределению национального дохода, при котором рост производства будет соответствовать росту эффективного спроса.

Дж. Робинсон сформулировала условия стабильного экономического роста, и причины их нарушения. Она считала, что идеальные условия свободной

[206] Kalecki M. Selected essays on the dynamics of capitalist economy. Cambridge, 1971. P. 45.

рыночной конкуренции – это научная абстракция. Идеальных условий экономического роста нет и никогда не было. «Стоит только перечислить условия, необходимые для стабильного развития, – пишет автор, – чтобы убедиться, насколько ненадежным является сохранение стабильности при капиталистических правилах игры… Условия нарушаются вследствие: 1) неожиданного изменения темпа технического прогресса; 2) возникновения препятствий у механизма конкуренции; 3) изменения темпа накопления по отношению к росту производительности труда; 4) неспособности технического прогресса равномерно охватывать всю систему»[207].

Как и кейнсианцы в целом, левокейнсианцы считают необходимым вмешательство государства в экономические процессы с целью регулирования эффективного спроса в виде государственных расходов на социально-экономические нужды, повышение заработной платы, жилищное строительство и строительство дорог.

Позднее идеи П. Сраффы и М. Калецкого использовал американский левокейнсианец А. Эйхнер (1937–1988), разработав модель, которая восходит к теории прибавочной стоимости и касается инвестиционных решений крупных корпораций американской обрабатывающей промышленности[208].

Развивая идеи М. Калецкого, А. Эйхнер выделил отличительные черты крупной корпорации, которые ставят под вопрос неоклассическое понимание фирмы как организации (маршалловской фирмы).

Как указывалось выше, в основу модели А. Эйхнера была также положена теория П. Сраффы. Перераспределение дохода между отраслями экономики через механизм цен является центральным вопросом теории П. Сраффы. Итогом математической модели П. Сраффы является вывод о том, что формирование цен

---

[207] Robinson J. The Accumulation of Capital. London, 1956. P. 89.

[208] Eichner A.S. The megacorp and oligopoly: micro foundations of macro dynamics. Cambridge, London, New York, Melbourn, 1976 (reissued 2008). 380 p; Eichner A.S. A general model of investment and pricing // Growth, profits and property / Ed. by E. J. Nell. Cambridge, 1980. P. 118–134; Eichner A.S. Toward a new economics. Essays in Post Keynsian and Institutionalist theory. New York, 1985. 240 p.; Eichner A.S. The macrodynamics of advanced market economies. New York, 1985. 945 p.

товаров и распределение добавочного дохода происходит одновременно и посредствам единого механизма. Распределения добавочного дохода между прибылью на капитал и заработной платой, «зависят от исхода борьбы двух антагонистических групп за обладание излишком… Размер данного излишка может быть объяснен параметрами экономической модели, а его распределение между наемными работниками и капиталистами – нет. Доходы этих групп зависят от неэкономических факторов, которые в историческом прошлом определили их относительную силу»[209].

В этом противостоянии доминируют капиталисты, значит, заработная плата является зависимой переменной, и, следовательно, цена зависит только от одной переменной – нормы прибыли.

Принимая эти идеи за основу, А. Эйхнер усмотрел ограниченность подхода П. Сраффы, который не учитывал и не анализировал увеличение фонда постоянного капитала, что означает неявное принятие общепринятой неоклассической предпосылки, что «экономика не растет» (статичный подход). А. Эйхнер подчеркивает, что «только когда учитывается расширение производственных мощностей во времени, можно сделать следующий важный шаг вперед, объясняющий, что определяет вектор остаточного дохода в долгосрочной модели производства»[210].

Научные изыскания А. Эйхнера направлены на изучение цены с точки зрения необходимости накопления фондов для расширения производства, причем определяется не абсолютный уровень цены, а ее изменение. Цена изменяется одновременно с принятием инвестиционного решения.

Основное значение для финансирования инвестиций имеет влияние ценового решения на доходы мегакорпорации с течением времени. Потребители не реагируют на повышение цены мгновенно, и некоторое время объемы продаж останутся на прежнем уровне. Вхождение новых конкурентов, как правило, требует еще более длительного времени из-за необходимости создания новых

---

[209] Eichner A.S. The macrodynamics of advanced market economies. Armonk, New York, London, 1991. P. 342.
[210] Ibid. P. 342.

производственных мощностей. Таким образом, непосредственно после повышения цены инвестиционные фонды накапливаются без издержек. Со временем мегакорпорация начинает нести потери, которые А. Эйхнер сравнивает с затратами на привлечение дополнительных средств, аналогично банковскому проценту; иначе говоря, потери – цена мобилизации дополнительных инвестиционных фондов. Кроме внутренних источников, мегакорпорация имеет доступ и к внешним источникам, которые предоставляются по постоянной внешней ставке процента. Таким образом, мегакорпорация первично полагается на внутренние источники, до тех пор, пока увеличивать надбавку становится невыгодно, а далее – на внешние.

А. Эйхнер сформулировал стоимостное условие роста экономики. Оно состоит в установлении такого уровня цен, который покрывает текущие расходы, расходы на расширение и обеспечивает полную занятость. Полная занятость ресурсов, в свою очередь, обеспечивается пропорциональным их распределением между отраслями экономики. Таким образом, стоимостное условие роста экономики можно интерпретировать как уровень цен, обеспечивающих сбалансированность экономики.

Рост экономики предполагает, что вся произведенная продукция будет реализована, следовательно, должен удовлетворяться не только инвестиционный, но и потребительский спрос. Значит, росту совокупного объема инвестиций должен соответствовать рост совокупной заработной платы.

Класс капиталистов противоречиво относится к полной занятости. С одной стороны, капиталисты заинтересованы в максимизации производства, однако полная занятость ослабит их контроль над рабочими, что активизирует борьбу последних за повышение заработной платы. Следовательно, уровень прибыли капиталистов в абсолютном измерении вырастет, но доля в национальном доходе снизится. Рост неравенства в распределении национального дохода снижает возможность сбалансированного роста.

Сбалансированность роста экономики также могут нарушать ценовые стратегии крупных корпораций, поэтому структура цен отражает силу капитала. В

основе надбавок лежит степень монополизма, что ведет экономику к отклонению от стоимостного условия роста экономики и к отклонению в развитии из-за недостаточных или избыточных инвестиций.

Выше указывалось, что кризис кейнсианства в 70-е годы прошлого века был связан с «петлянием» кривой Филлипса. Обоснование существования «целого «семейства» краткосрочных кривых Филлипса» (Блауг) в рамках кейнсианской НИП было сделано именно с левокейнсианских позиций. Т. Пэлли в своей теории инфляции, обусловленной конфликтами, свел воедино левокейнсианские идеи относительно зависимости инфляционных процессов от распределения дохода между рабочими и фирмами. Левокейнсианцы исходят из классового подхода к функции сбережений. При этом склонность к сбережениям у рабочих меньше, на это указывал, например, М. Калецкий[211]. Если в борьбе за долю в доходе побеждают рабочие, то растет потребление, растет производство и занятость. Если побеждают фирмы, экономика переживает спад.

По Т. Пэлли, наклон кривой Филлипса зависит от того, кому принадлежит рыночная власть. Рабочие всегда стремятся поднять уровень своей заработной платы, фирмы стремятся повышать цены. Если в борьбе за долю в доходе побеждают рабочие, то растет потребление, растет производство и занятость и мы получаем традиционную кейнсианскую кривую Филлипса с отрицательным наклоном. Если побеждают фирмы, экономика переживает спад, так как растут цены, а доля в выросшей цене достается исключительно фирмам. Реальная заработная плата снижается, следовательно, снижается потребительский спрос и запускается цепочка спада экономики. Мы получаем кривую Филлипса с положительным наклоном. Если же заработная плата растет пропорционально ценам, а следовательно, пропорции в объемах спроса и потребления не изменяются, то мы получаем вертикальную кривую Филлипса. Отсюда вывод: структура распределения дохода – переменная, влияющая на совокупный спрос и определяющая наклон кривой Филлипса.

---

[211] Kalecki M. Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 18.

Таким образом, несмотря на то, что в 70-е годы прошлого века кейнсианство переживало кризис, кейнсианская НИП не была отвергнута, ее твердое ядро и программа построения защитного пояса (эвристика) не были элиминированы. Во-первых, неоклассический синтез не является теорией защитного пояса и «петляние» кривой Филлипса, которая была выдвинута в рамках неоклассического направления и вписана в ее модель, имеет отношение к деградации именно неоклассической, а не кейнсианской НИП. В соответствии с методологией И. Лакатоса, кейнсианская НИП столкнулась в это время с «кажущимися опровержениями». Во-вторых, программа развития кейнсианской НИП, выраженная в ее положительной эвристике, послужила основой создания новой версии кейнсианства – «посткейнсианства», которое выдвинуло новые гипотезы, не позволившие разрушить твердое ядро кейнсианской НИП.

Для защиты твердого ядра кейнсианской НИП посткейнсианцами было сформулировано несколько важных концепций защитного пояса:

1) гипотеза рыночной экономики как экономики неравновесия, заложившая основы экономической теории неравновесия;

2) концепция капиталистической рыночной экономики как денежной экономики, обосновавшая вынужденную безработицу специфическими свойствами денег и показавшая, что рынок характеризуется неопределенностью будущего, невозможностью рациональных ожиданий, институтами, снижающими неопределенность (деньги, форвардные контракты, государство);

3) гипотеза финансовой хрупкости, обосновавшая ключевую роль финансового сектора в макроэкономических колебаниях и прошедшая эмпирическую проверку на примере кризисов 1997–1998 и 2008–2010 годов;

4) концепция накопления капитала, в соответствии с которой экономический рост определяется распределением доходов между общественными классами.

2.2 Отражение посткризисной реальности в кейнсианской научно-исследовательской программе

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 годов («Великая рецессия») оказался вторым после Великой депрессии 1929-1933 годов по своим глубине и масштабам. Специалисты особо подчеркивают, что он впервые за всю послевоенную историю «… привел к прямому сокращению ВВП мира и развитых стран»[212]. Тяжелые последствия кризиса и трудности выхода из него привели в теории не только к обострению дискуссий между неоклассиками и кейнсианцами разных ветвей по всему полю исследовательских задач, но к появлению нового термина «новая нормальность» (New Normal). Широкое распространение данного термина и попытка его осмысления позволяет говорить о складывании концепции новой нормальности.

У истоков концепции новой нормальности стояли специалисты крупного калифорнийского инвестиционного фонда PIMCO (Pacific Investment Management Company). Его бывший исполнительный директор Мохаммед Эль-Эриан в 2009 году на ежегодном форуме PIMCO заявил, что «мир катится по кривой дорожке к новой точке, что PIMCO обозначает как «новые реалии», в которых «самовоспроизводящаяся смесь из дегиринга, деглобализации и ре-регулирования (Re-regulation) – неизбежно влечет за собой экономические и политические силы, которые нарушают нормальное функционирование рынков и мировой экономики»[213]. М. Эль-Эриан предположил, что следствием этого явится замедление темпов роста мировой экономики на фоне высокой безработицы, крупный дефицит и задолженность в государственном секторе. К «новой нормальности» М. Эль-Эриан отнес также ускорение перемещения динамики

---

[212] Григорьев Л., Иващенков А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 48.

[213] El-Erian M.A. A New Normal [Электронный ресурс] // Secular Outlook. PIMCO, 2009. – Режим доступа: http://global.pimco.com/EN/Insights/Pages/A-New-Normal-May2009.aspx (дата обращения 13.06.2016).

роста в страны с формирующимся рынком и возможное в связи с этим «расцепление» развитых и развивающихся стран[214].

Таким образом, речь идет об укоренении в развитии мировой экономики посткризисных негативных явлений на долгосрочную перспективу, появлении и закреплении «новых норм». Как отметил Д. Медведев, «это те ключевые характеристики, которые будут определять развитие глобальной экономики на протяжении предстоящего периода – по сути, до следующего крупного, структурного кризиса… Поначалу воспринимавшийся как термин чисто экономический и применимый к развитым странам, new normal покрывает теперь глобальное пространство (как развитые, так и ведущие развивающиеся страны), а также несет политическое, социальное и даже идеологическое содержание»[215].

В тех немногих отечественных публикациях, которые непосредственно посвящены «новой нормальности», среди характерных особенностей ее отмечаются также ситуация неопределенности и высокой волатильности в мировой экономике и недостаточность традиционных макроэкономических инструментов для восстановления стабильного, динамичного роста[216].

Несмотря на то, последствия кризиса оказались не столь тяжелыми, как прогнозировалось первоначально, в некоторой своей части они подтверждаются эмпирически. Хотя эксперты уже несколько последних лет говорят о переходе мировой экономики к полномасштабному экономическому росту, его темпы остаются ниже того значения, которые мировая экономика показывала в предыдущее десятилетие. «В текущем десятилетии мировая экономика росла темпом 3,6% в год (2011–2017 гг.). В 2018 г. мировая экономика перейдет к полномасштабному росту. По прогнозу ИМЭМО прирост мирового ВВП составит 3,8%, по прогнозу МВФ – 3,7%. В дальнейшем до конца десятилетия и по

---

[214] El-Erian M. Navigation the New Normal in Industrial Countries [Электронный ресурс] // Per Jacobsson Foundation Lecture. 2010. Режим доступа: https://www.imf.org/external/np/speeches/2010/101010.htm#P12_100 (дата обращения 12.06.2016).

[215] Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 8.

[216] Гайдаровский форум–2012. Россия и мир: 2012–2020: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2012. С. 90–91.

прогнозу ИМЭМО, и по прогнозу МВФ, мировая экономика будет расти теми же темпами 3,7–3,8%»[217].

Именно поэтому вопрос, сформулированный В. Рязановым, на наш взгляд, все еще остается открытым: «… насколько возникшая неустойчивость экономического роста выступает временной характеристикой непростого выхода из тяжелого кризиса ведущих стран мира или это уже долгосрочное их состояние, чреватое принципиальными сдвигами в мировом хозяйстве, предполагающими системные изменения в самом устройстве современной модели рыночной экономики»[218].

Как уже отмечалось, замедление темпов роста в течение пяти лет (2012–2016), за которым последовало кратковременное улучшение экономической конъюнктуры, не позволило достичь полного потенциала роста со времен Великой рецессии. На ближайшие годы тренд развития мировой экономики остается прежним (приложение Г).

«Мировой финансово-экономический кризис не закончился, – утверждает Е.Ф. Авдокушин, – он модифицировался и проходит свой очередной этап. Начавшись в 2007 г. в США, он прошел 2 этапа и находится на третьем»[219].

Зарубежные исследователи также не склонны считать, что последствия Великой рецессии полностью преодолены; преобладает точка зрения, высказанная в 2017 году Л. Эллиотом, экономическим редактором The Guardian: «Первые судороги на финансовых рынках произошли 9 августа 2007 года и десятилетие спустя становится все труднее рассматривать кризис как временное явление. Вместо этого период до крушения теперь выглядит как современный эквивалент эдвардианского лета перед началом первой мировой войны»[220].

---

[217] Россия и мир: 2018. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский ; отв. ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. М., 2017. С. 12.

[218] Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Серия 5. Экономика. Вып. 4. С. 4.

[219] Авдокушин Е.Ф. «Новая нормальность» мировой экономики и пути ее преодоления // Вопросы новой экономики. 2016. № 1 (37). С. 18.

[220] Elliott L. Slow economic growth is not the new normal, it's the old norm [Электронный ресурс] // The Guardian. 2017. July 30. Режим доступа:

Сотрудник Института нового экономического мышления ((INET – Institute for New Economic Thinking, основан после Великой рецессии в США) С. Шторм, специализирующийся на изучении макроэкономических проблем, отмечает, что «великий финансовый кризис 2008 года сильно усугубил экономику США, вызвав девять ужасных лет экономической стагнации, высокое и растущее неравенство в доходах и богатстве, высокие уровни задолженности и растущую неопределенность в отношении рабочих мест и доходов»[221].

Следует заметить, что существует точка зрения, что «строго говоря, концепция «новой нормы» в принципе лишена теоретических оснований и в лучшем случае может рассматриваться как эмпирическая гипотеза, а не инструмент объяснения происходящих в мировой экономике процессов. Более того, при всей звучности термина «новая норма» он очевидным образом характеризует состояние мировой экономики, «нормальное» лишь для периода действия кризисных шоков (и их последствий), а вовсе не для ее посткризисного развития»[222]. С одной стороны, с этим можно согласиться. С другой стороны, существуют серьезные аргументы в пользу того, что на современном этапе действительно происходят фундаментальные, качественные изменения в экономике и обществе, которые позволяют многим авторам говорить о наступлении «эпохи трансформации» и «цивилизационном сдвиге».

Представляется, что наиболее обоснованным является тезис о том, что современная экономика находится в состоянии перехода к *новой экономической реальности*, позволяющем говорить «… об изменении парадигмы экономического развития – хозяйственной революции, сопоставимой по значимости с неолитической (переход от присваивающего к воспроизводственному типу хозяйствования) и промышленной (переход от

---

https://www.theguardian.com/business/2017/jul/30/slow-economic-growth-gdp-old-norm (дата обращения 10.01.2018).

[221] Storm S. The New Normal: Demand, Secular Stagnation and the Vanishing Middle-Class (the title from the screen) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ineteconomics.org/perspectives/blog/the-new-normal (дата обращения 10.01.2018).

[222] Афонцев А. Мировая экономика в поисках новой модели роста // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 4.

преимущественно земледельческой экономики к фабричному производству) революциями»[223].

Г.П. Журавлева отмечает, что «новую экономическую реальность» характеризуют новые процессы, такие как глобализация; кардинальные изменения экономических систем на основе информации и цифровой экономики; возросшая скорость перемен, что определяет трудности предсказуемости развития мира; «небывалый перманентный, постоянно повторяющийся и длительно продолжающийся» кризис; длительная вялотекущая депрессия, обострившаяся геополитическими кризисами[224].

С этой точки зрения возникает необходимость рассмотреть развитие кейнсианской научно-исследовательской программы в условиях новой экономической реальности, сформированной в том числе и мировым финансовым кризисом.

В «Общей теории занятости…» Дж.М. Кейнс отмечал, что «наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, является его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов»[225]. В зарубежной литературе посткризисного периода резко возросло количество публикаций, в которых подчеркивается тесная взаимосвязь между финансами, распределением доходов и кризисом. Это означает, что в современном мире глобализации и финансового неолиберализма утверждение Дж.М. Кейнса остается верным и актуальным.

Выясняя причины кризиса, специалисты акцентируют свое внимание, во-первых, на таких факторах, как поведение менеджеров банков, побудившее их принимать рискованные решения, и ослабление контроля государства над

---

[223] Устюжанина Е.В., Сигарев, А.В. Шеин Р.А. Цифровая революция и фундаментальные изменения в экономических отношениях // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. Вып. 58. 2017. № 10 (406). С. 18.

[224] Журавлева Г.П. Новая реальность XXI века: в мире и России // Научно-аналитический журнал «Наука и практика» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 4 (28). С. 6–23.

[225] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 340.

финансовым рынком. Во-вторых, на механизм долгового цикла в трактовке Х.Ф. Мински. В-третьих, на дисбалансах международной торговли и потоков капитала. Однако все объяснения кризиса имеют одну общую основу – растущее неравенство.

Э. Стокхаммер выделяет четыре направления, через которые растущее неравенство привело к кризису: во-первых, так как более бедные группы населения имеют более высокую склонность потреблять, растущее неравенство привело к стагнации в совокупном спросе. Во-вторых, международное финансовое дерегулирование международных потоков капитала смягчило ограничение внешнего баланса, что позволило странам справляться с дефицитами и излишками текущих счетов. При этом возможны две модели роста: модель, основанная на долгах (для ситуации бума потребления и дефицита текущего счета), и модель, ориентированная на экспорт. Неконтролируемый поток капитала позволяет странам увеличивать дефицит текущего счета, что влечет возникновение спекулятивных пузырей на финансовых рынках и рынках недвижимости, что обычно заканчивается рецессиями[226]. В-третьих, рост неравенства привел к увеличению задолженности, поскольку семьи рабочих пытались «идти в ногу» с нормами социального потребления, несмотря на падение реальной заработной платы. В-четвертых, возросла склонность к рискованным спекулятивным сделкам, так как растущее неравенство привело к увеличению числа сверхбогатых людей, которые и осуществляют рискованные инвестиции. В своей работе Э. Стокхаммер приводит теоретическое и эмпирическое доказательство выдвинутых им утверждений[227].

На вопрос о том, есть ли причинно-следственная связь между ростом неравенства в доходах и финансовым кризисом, Пол Кругман (р. 1953),

---

[226] Это показали в своих исследованиях Карман и Винсент Райнхарт: Reinhart C., Reinhart V. Capital Flow Bonanzas: An Encompassing View of the Past and Present. NBER Working Paper. No. 1432. September 2008. Режим доступа: https://www.cepal.org/noticias/paginas/3/35143/reinhart2008capitalflows_w14321.pdf (дата обращения 30.05.18)

[227] Stockhammer E. Rising inequality as a cause of the present crisis // Cambridge Journal of Economics. 2015. Vol. 39. Issue 3. P. 935–958.

Нобелевский лауреат 2008 года, отвечает, что «возможно, но доказать ее очень сложно»[228]. Экономист доказывает наличие этой связи, однако не прямой, а опосредованной.

Ход рассуждений П. Кругмана начинается с констатации того факта, что к началу 2008 года доходы богатых выросли до размеров, невиданных с 1929 года. Он приводит данные доклада Управления конгресса США (СВО) по бюджету, в котором «подробно представлен рост неравенства с 1979 по 2007 год. Оказалось, что за этот период рост доходов у 20 % «верхних» минус 1 %, выступающих под флагом движения «Захвати Уолл-стрит» составлял 65 %. Это совсем неплохо, особенно по сравнению с располагающимися пониже: у семей со средним доходом прибавка была наполовину меньше, а у самых бедных 20 % доходы увеличились лишь на 18 %. В то же время у 1 % наиболее обеспеченных они выросли на 277,5 %, а у 0,1 и 0,01 % сверхбогатых еще больше»[229].

Следует отметить, что связь между возникшей ситуацией неустойчивости и проблемой справедливости и неравенства, фиксирует и другой лауреат Нобелевской премии – Дж. Стиглиц (р. 1943; Нобелевская премия 2001 года, совместно с Дж. Акерлофом и М. Спенсом), который приходит к заключению, «что «неравенство достигло той стадии, на которой оно перестало быть эффективным, но превратилось в серьезную помеху для развития»[230].

Дж. Стиглиц указывает на серьезные перемены, произошедшие в американском обществе: «один процент верхушки сосредотачивает в своих руках богатство, не обеспечивая остальным 99 процентам ничего, кроме тревог и нестабильности. Большинство американцев просто не имеет никаких преимуществ от совокупного развития страны»[231]. В углубляющемся неравенстве доходов Дж. Стиглиц видит отправную точку проблем США и Европы – отсутствие спроса[232]. Сосредоточение богатства в руках небольшого процента

---

[228] Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 66.
[229] Там же. С. 62.
[230] Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. С. 16.
[231] Там же. С. 43.
[232] Там же. С. 17.

людей дает определенные сбережения, однако при недостатке потребления со стороны основной массы населения, эти сбережения не превращаются в инвестиции. «Нет причин верить в то, – пишет Дж. Стиглиц, – что если мы дадим много денег американским богачам, то это приведет к притоку крупных инвестиций в США: деньги инвестируют тогда, когда ожидают от них отдачи»[233].

Однако П. Кругман считает, что «популярная версия о связи неравенства и кризиса – рост доли дохода, получаемой богатыми, подрывает совокупный спрос вследствие сокращения покупательной способности представителей среднего класса – при возможности взглянуть на цифры, оказывается неубедительной… потребительские расходы в США оставались на высоком уровне, несмотря на увеличение неравенства, и личные сбережения в эру финансового дерегулирования и роста неравенства не увеличивались, а, наоборот, постепенно сокращались»[234]. Экономист объясняет это тем, что богатые стали тратить еще больше, а люди с меньшим доходом начали «влезать в непомерные долги».

Опираясь на исследования Роберта Франка из Корнеллского университета, П. Кругман дает такую последовательность указанной связи: «рост доходов элиты ведет к так называемому каскаду потребления, который заканчивается уменьшением сбережений и ростом долга: богатые тратили больше просто потому, что у них много лишних денег. Их расходы сдвигают систему координат, формирующую потребности тех, кто находится на ступень ниже и вращается в «перекрывающихся» социальных слоях. Эта вторая группа тоже увеличивает расходы, что сдвигает точку отсчета тех, кто стоит еще на ступень ниже, и так далее, вниз по лестнице доходов»[235]. П. Кругман не дает объяснения психологии такого поведения экономических агентов, однако оно было обосновано ранее концепцией относительного дохода Дж. Дьюзенберри, которая подробно рассматривалась в первой главе данного диссертационного исследования.

---

[233] Там же. С. 17.
[234] Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 66.
[235] Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. С. 17.

Экономисты подчеркивают, что потребление, основанное на долговых обязательствах, не может длиться бесконечно. Анализируя причины кризиса, Я. Капеллер и Б. Шютц показывают, что «снижение равномерности распределения доходов ведет к соответствующему росту потребительского спроса, финансируемого за счет долгов. Здесь вступает в игру динамика по Х.Ф. Мински: растущий спрос на кредиты ведет к соответствующему росту кредитного предложения, что со временем ведет к буму потребления, финансируемого за счет долгов. Со снижением платежеспособности населения и ростом процентных ставок банки снижают объемы выдаваемых займов, провоцируя тем самым банкротства домашних хозяйств и, в конечном счете, рецессию»[236].

Так же как и другие посткейнсианцы, Л.Р. Рэй считает, что возникший кризис носит системный характер, механизм которого показал Х.Ф. Мински. «Анализ Мински, – считает Л.Р. Рэй, – помогает нам понять, как новый курс и большое правительство создали после 2-й Мировой войны патерналистский капитализм, который благоприятствовал высокому потреблению, высокой занятости, большей равноправности и финансовой стабильности… Со временем инновации и дерегулирование увеличили хрупкость, что вызвало все более частые и серьезные финансовые кризисы»[237]. Л.Р. Рэй рассмотрел факторы, способствовавшие кризису, в том числе бум и спад в сфере недвижимости, рост рискованных финансовых инструментов, растущее неравенство, которое побуждало домашние хозяйства брать взаймы для поддержки расходов и фискальное сжатие. Выводы Л.Р. Рэя вытекают из подробного анализа событий, предшествовавших кризису и разворачивающихся в его начале[238].

---

[236] Kapeller J., Schütz B. Debt, boom, bust: a theory of Minsky-Veblen cycles / Journal of Post Keynesian Economics. 2014. Vol. 36. Issue 4. P. 781.

[237] Wray L.R. The rise and fall of money manager capitalism: a Minskian approach // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. P. 807–828. Режим доступа: https://academic.oup.com/cje/article/33/4/807/1730871 (дата обращения 30.05.2018).

[238] Wray L.R. Financial Markets Meltdown: what can we learn from Minsky [Электронный ресурс] // Public Policy Brief. Annandale-on-Hudson, 2008. No 94. 53 p. Режим доступа: http://www.levyinstitute.org/publications/financial-markets-meltdown-what-can-we-learn-from-minsky; Wray L.R. The Commodities Market Bubble: Money Manager Capitalism and the

Катализатором «момента Мински» «может стать все, что угодно, – обычный экономический спад, лопнувший на рынке жилья мыльный пузырь и т. д. Конкретная причина особого значения не имеет, важен лишь тот факт, что заимодавцы вновь осознают риски кредитования, а дебиторы вынуждены начать делеверидж»[239].

Барри Синамон и Стив Фазарри в статье «Неравенство, Великая рецессия и медленное восстановление» показали, что растущее неравенство, рост долговых обязательств 95 % населения США не только стали причиной кризиса, но и обусловливают медленное восстановление экономики через низкий уровень спроса[240].

Таким образом, мировой экономический кризис 2008–2009 годов хотя и не привел к смене господствующего мейнстрима, но явился фактором возрождения интереса к альтернативным ему теориям, в частности, теории (гипотезы) финансовой нестабильности Х.Ф. Мински и появления целого ряда статей, авторы которых причиной кризиса называют беспрецедентный уровень долга[241].

Однако накануне кризиса рост уровня долга беспокоил немногих экономистов. «Шаг за шагом отменялись правила и нормативы, введенные в 30-х годах прошлого столетия для защиты от банковского кризиса»[242], – пишет П. Кругман и подробно показывает, как финансовое дерегулирование вело к

Financialization of Commodities [Электронный ресурс] // Public Policy Brief. Annandale-on-Hudson, 2008. No 96. 57 p. Режим доступа: http://www.levyinstitute.org/publications/the-commodities-market-bubble.

[239] Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. С. 45.

[240] Cynamon B.Z., Fazzari S.M. Inequality, the Great Recession and slow recovery // Cambridge Journal of Economics. 2016. Vol. 40. Issue 2. P. 373–399.

[241] Barba A., Pivetti M. Rising household debt: Its causes and macroeconomic implications – a long-period analysis / Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 1. P. 113–137; Bhaduri A. A contribution to the theory of financial fragility and crisis / Cambridge Journal of Economics. 2011. Vol. 35. Issue 6. P. 995–1014; Palma J.G. The revenge of the market on the rentiers: Why neo-liberal reports of the end of history turned out to be premature // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. P. 829–869; Nikiforos M. A nonbehavioral theory of saving // Journal of Post Keynesian Economics. 2016. Vol. 39. Issue 4. P. 562–592; Kim Y. Household debt, financialization, and macroeconomic performance in the United States, 1951–2009 // Journal of Post Keynesian Economics. 2013. Vol. 35. Issue 4. P. 675–694; Hein E., Truger A. Finance-dominated capitalism in crisis – the case for a global Keynesian New Deal // Journal of Post Keynesian Economics. 2012. Vol. 35. Issue 2. P. 87–213.

[242] Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 49.

разрастанию долга и катастрофе. На эти тревожные тенденции П. Кругман указывал ранее, в своей книге 1999 года «Возвращение великой депрессии», где кризис 1998 года, охвативший Азию, связывал с крахом хедж-фонда LTCM[243], но это не послужило уроком.

П. Кругман был далеко не единственным экономистом, предупреждавшим о том, что мировая экономика находится на пути к катастрофе. Так, профессор экономики Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини 7 сентября 2006 г. на семинаре Международного валютного фонда объявил о зарождающемся кризисе, который постигнет США в ближайшие месяцы или годы. Профессор предрекал крах рынка ипотечного кредитования и рынка недвижимости из-за обилия высокорискованных кредитов. В экономике США начнется рецессия и кризис мировой финансовой системы охватит все страны, в том числе развивающиеся, предупреждал Н. Рубини. Однако это выступление вызвало смех, а экономист Анирван Банерджи отметил, что заявления Н. Рубини несостоятельны, так как для их доказательства не использовались математические модели[244].

Многие экономисты сравнивали кризис 2008–2009 годов с Великой депрессией 1929–33 годов, находя в них немало общих причин и характеристик. Так, Ричард Дейл в своей книге 1992 года утверждал, что спекуляции банков на ценных бумагах ускорили крах 1929 года; точно так же растущее участие банков в деятельности с ценными бумагами и начавшееся в 1980-е годы дерегулирование форсировали наступление очередного финансового краха[245].

К пророкам последнего кризиса относят и Х.Ф. Мински, который, как было показано в предыдущем параграфе, во-первых, доказал, что финансовый капитализм нестабилен из-за спекуляций, основанных на росте долга, и, во-

---

[243] Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. М., 2009. 336 с.

[244] The Risk of a U.S. Hard Landing and Implications for the Global Economy and Financial Markets. Transcript of IMF Seminar [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/54/tr070913z (дата обращения 02.06.2018); Mihm S. Dr. Doom // New York Times Magazine. 2008. 15 August [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nytimes.com/2008/08/17/magazine/17pessimist-t.html (дата обращения 02.06.2018).

[245] Dale R.S. International Banking Deregulation: The Great Banking Experiment. Oxford, 1992. 211 p.

вторых, представил ряд обоснований серьезных последствий финансового дерегулирования[246].

Уже после разразившегося кризиса об этих причинах финансового кризиса писали многие экономисты. «Мы находимся в разгар худшего финансового кризиса со времен Великой депрессии. Этот кризис является последним этапом развития финансовых рынков в рамках процесса радикального финансового дерегулирования, который начался в конце 1970-х годов»[247]. Дж. Кротти, автор этого утверждения, считает, что кризис, начавшийся в 2007, явился лишь последним этапом в череде циклов, в которых дерегулирование, сопровождаемое финансовыми инновациями, стимулировало финансовые бумы, переходящие в кризисы. Правительство реагировало на кризисы средствами спасения, которые расширяли бумы. В результате финансовые рынки разрастались, а кризисы все больше угрожали обществу. В результате глобальный кризис так укоренился, что в 2007–2008 годах правительства уже не смогли его сдержать. Дж. Кротти начинает свои рассуждения с событий 1929 года и в конечном счете опровергает гипотезу сторонников новой финансовой архитектуры (NFA), которые утверждали, что «свободные финансовые рынки сводят к минимуму вероятность финансовых кризисов и необходимость мер поддержки правительства»[248]. В своей более ранней статье 2008 года Кротти показал, что это утверждение сторонников NFA основано на нереалистичных предположениях и не имеет убедительного эмпирического подтверждения[249].

Дж. Морган также акцентирует внимание на докризисной финансовой архитектуре, но его внимание сосредоточено на политике центрального банка как

---

[246] Minsky H.P. The Financial Instability Hypothesis: a Restatement // Post-Keynesian Economic Theory: a Challenge to Neo Classical Economics / Ed. by P. Arestis, T. Skouras. Brighton, 1985. P. 24–55.; Minsky H.P. Can «It» Happen Again? Essays in Instability and Finance. New York, 1982. 301 p.

[247] Crotty J. Structural causes of the global financial crisis: a critical assessment of the «new financial architecture» [Электронный ресурс] // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. P. 563–580. Режим доступа: https://academic.oup.com/cje/article/33/4/563/1730705 (дата обращения 30.05.2018).

[248] Ibid.

[249] Crotty J. Structural Causes of the Global Financial Crisis: A Critical Assessment of the New Financial Architecture // Political Economy Research Institute (PERI). Working Paper. 2008. No 180. 61 p.

до наступления кризиса, так и после. Дж. Морган показывает, что политика центрального банка имела как теоретические изъяны, так и практически неудачные решения при своей реализации. Все это привело к многочисленным сбоям, «которые не только породили трудности для адекватного выявления и решения кризиса, но и способствовали этому кризису»[250]. Отсюда следует вывод о необходимости смены теоретической основы макроэкономической политики государства. Так, Ф. Трегенна, анализируя докризисные события, показывает необходимость государственного регулирования: а) деятельности банков для решения вопросов, связанных со структурой и использованием банковских прибылей; б) ценового поведения банков[251].

Как известно, в экономике и политике современного мира господствует неолиберальное мировоззрение, и поэтому Х.Г. Палма считает, что финансовый кризис, начавшийся в 2007, – случай парадигмальный: результат попытки использовать неолиберализм как новую технологию власти. Система без «принуждения» к крупному бизнесу и финансовое дерегулирование развязало разрушительные для экономики силы[252].

«Ведущие специалисты защищали финансовое дерегулирование, даже понимая, что оно делает экономику более уязвимой перед кризисом. Затем, когда он уже разразился, большинство известных экономистов яростно и при этом безграмотно выступали против любого эффективного ответа»[253]. Чем определяется такая приверженность неолиберализму? По мнению посткейнсианцев, она связана с системой распределения доходов в обществе, и здесь важными представляются два вопроса. 1. Кто эти 0,1 % самых богатых

---

[250] Morgan J. The limits of central bank policy: economic crisis and the challenge of effective solutions [Электронный ресурс] // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. P. 581–608. Режим доступа: https://academic.oup.com/cje/article/33/4/581/1731328 (дата обращения 30.05.2018).

[251] Tregenna F. The fat years: the structure and profitability of the US banking sector in the pre-crisis period // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. 1 July. P. 609–632.

[252] Palma J.G. The revenge of the market on the rentiers: Why neo-liberal reports of the end of history turned out to be premature [Электронный ресурс] // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. P. 829–869. Режим доступа: https://academic.oup.com/cje/article/33/4/829/1736365 (дата обращения 02.06.2018).

[253] Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 71.

людей? 2. Почему доходы этих людей в начале 80-х резко взлетели вверх? Самые богатые люди – это высшие руководители нефинансовых компаний, представители финансового сектора, юристы и те, кто занимается недвижимостью. Резкий рост доходов этих людей «объясняется явным ослаблением финансового регулирования… Жесткая регламентация работы финансовых рынков, характерная для США в 30–70-х годах, была преградой на пути возможностей для самообогащения, открывшихся в 80-х. Высокие доходы в финансовой сфере, вероятно, оказались «заразными» в отношении оплаты высших руководителей компаний. По крайней мере, огромные зарплаты на Уолл-стрит явно облегчили комитетам по компенсациям обоснование большого жалованья в отраслях, не связанных с финансами»[254].

Именно рост неравенства, по мнению многих экономистов, привел к кризису. «Как всегда подчеркивала хорошая, старомодная кейнсианская экономика, нынешний кризис снова показал, что события на финансовых рынках тесно связаны с распределением доходов, поэтому последний является ключевым компонентом в понимании кризиса и в планировании того, как выйти из него»[255]. Финансовое дерегулирование способствовало обогащению 0,1 % самых богатых американцев. «Влияние денег на формирование политики следует воспринимать как многоуровневый процесс. Есть откровенная коррупция – политиков просто покупают, либо взносами на избирательную кампанию, либо личным вознаграждением. Но чаще (скорее всего, в большинстве случаев) все происходит цивильнее и незаметнее: политиков вознаграждают за то, что они заняли ту или иную позицию. Это заставляет их еще упорнее держаться данной позиции: они думают, что их не покупают, но со стороны трудно понять разницу между тем, во что они реально верят, и убеждениями, за которые им заплатили. Есть и другой, еще более завуалированный уровень: богатство дает доступ во властные структуры, а это обеспечивает личное влияние»[256].

---

[254] Там же. С. 65.
[255] Palma J.G. The revenge of the market on the rentiers.: Why neo-liberal reports of the end of history turned out to be premature // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. P. 829–869.
[256] Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 68.

П. Кругман показывает, как растущее влияние богатых не позволяло принимать решения, которые были необходимы для экономики и большинства населения, но противоречили интересам 0,1 % богатой верхушки. Об этом же пишут Х.Г. Палма,[257] С. Конзельман, Ф. Улкинсон, М. Фоваг-Девис и Д. Санки: «Начиная с 1979 года, в макроэкономической политике преобладали попытки контролировать инфляцию при помощи монетарных инструментов, а ответственность за повышение уровня занятости была переложена на рыночные силы. Профсоюзы были ослаблены, правовое регулирование условий труда смягчено, пособия по безработице уменьшены, и в контексте таких более обременительных условий и при субсидировании заработных плат была заявлена цель снизить не ускоряющий инфляцию уровень безработицы и создать более высокий уровень занятости. Параллельно с этим проводилась дерегуляция рынков и бизнеса; были сняты все ограничения в отношении кредитно-денежных масс; приватизированы значительные сегменты публичного сектора; а налоги для богатых были снижены с целью стимулирования предпринимательской деятельности. В новых реалиях кнутов и пряников все пряники достались сильной стороне, а слабая получила только кнуты»[258]. Но более опасно было то, что «источником доходов многих богачей служила нерегулируемая финансовая система, поэтому они были прямо заинтересованы в расширении мер дерегулирования»[259].

Свой негативный вклад в возросший разрыв в доходах, лежащий в основе современного кризиса, внесла глобализация, осложнившая эффекты от технологических преимуществ. «Работа, которая может быть автоматизирована, выводится за рубеж, где этот труд стоит гораздо дешевле, чем на территории

[257] Palma J.G. The revenge of the market on the rentiers: Why neo-liberal reports of the end of history turned out to be premature // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 4. P. 829–869.
[258] Konzelmann S., Wilkinson F., Fovargue-Davies M., Sankey D. Governance, regulation and financial market instability: the implications for policy [Электронный ресурс] // Cambridge Journal of Economics. 2010. Vol. 34. Issue 5. P. 929–954. Режим доступа: https://academic.oup.com/cje/article/34/5/929/1703485 (дата обращения 30.05.18).
[259] Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 70.

Соединенных Штатов»[260]. Эти процессы происходили либо вследствие прямой заинтересованности богатеющего меньшинства, либо нежелания сосредоточить внимание на вопросах, в которых это меньшинство не было заинтересованно. Именно поэтому П. Кругман приходит к выводу, что «если растущее неравенство и не являлось непосредственной причиной кризиса, оно формировало политическую среду, в которой было невозможно заметить тревожные признаки и должным образом на них реагировать»[261].

Связь между экономической и политической видами власти фиксирует и Дж. Стиглиц, однако в своих рассуждениях он идет другим путем.

Дж. Стиглиц концентрирует свое внимание на асимметрии информации, которую рынок генерирует, и в которой рынок функционирует. Цель своих научных исследований Дж. Стиглиц формулирует следующим образом: «Я надеюсь показать, что информационная экономика представляет собой фундаментальное изменение парадигмы, господствующей в экономической науке»[262].

Исследования были начаты с упрощенных моделей конкретных рынков (рынок труда, рынок страхования, рынок образования, рынок аренды, рынок капитала). Дж. Стиглиц рассмотрел рынки с совершенной информацией и с информационными асимметриями и показал, что конкурентная экономика ведет к эффективному распределению ресурсов по В.Ф. Парето, только в условиях совершенной информации. Дж. Стиглиц делает вывод, что рыночный фундаментализм «мог бы считаться обоснованным, если бы имели место совершенная информация, совершенная конкуренция, полный набор рынков и т. п. – условия, которые не выполняются даже в наиболее передовых странах»[263]; «эффекты, подобные экстерналиям, возникают всякий раз, когда информация

---

[260] Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. С. 118.
[261] Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 70.
[262] Стиглиц Дж.Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. Т. V. Кн. 2. Всемирное признание. Лекции Нобелевских лауреатов / отв. ред. Г.Г. Фетисов. М., 2005. С. 535.
[263] Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М., 2005. С. 23.

несовершенна и рыночный механизм не полон – а это бывает всегда, и как следствие рынки никогда не обеспечивают ограниченной эффективности в смысле Парето. Короче говоря, провалы рыночного механизма являются всепроникающими»[264].

Приведенные выше положения относятся к ранним исследованиям Дж. Стиглица в области информационной экономики. По словам самого Дж. Стиглица, «более поздние перешли к проблеме создания рынками информационных проблем, отчасти как попытки [участников рынка] использовать свою «рыночную силу»»[265]. Дж. Стиглиц считает, что «центральной проблемой современных экономик является задача совместимости интересов..., несовершенная информация дает некоторым людям возможность действовать способами, позволяющими наживаться за счет других, причем за счет именно тех лиц, которых они призваны обслуживать», это происходит, «когда индивидуум по поручению должен действовать в интересах других индивидуумов, но обстоятельства позволяют ему этого не делать. …Конфликт интересов никогда не будет устранен ни в государственном, ни в частном секторе»[266].

Информация, считает Дж. Стиглиц, сегодня играет гораздо большую роль, чем когда-либо, так как разница в экономической силе в современном мире преобразуется в разницу в силе политической. Как следствие, «политический рынок»[267] – реальность современности. Во всех странах покупаются голоса избирателей. В одних странах, например, США – косвенно, через «пожертвования в избирательные фонды», в других странах – «политики просто берут взятки», а далее – «отдельные спонсоры и еще в большей мере корпорации требуют компенсации за свои пожертвования. Они покупают поддержку государства…, связь между деньгами и политикой видна невооруженным глазом»[268], и связь эта

---

[264] Стиглиц Дж.Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. Т. V. Кн. 2. Всемирное признание. Лекции Нобелевских лауреатов / отв. ред. Г.Г. Фетисов. М., 2005. С. 582.

[265] Там же. С. 560.

[266] Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 220.

[267] Там же. С. 172-173.

[268] Там же. С. 352.

должна быть разорвана, считает Дж. Стиглиц, иначе «…узкогрупповые интересы и корпоративные интересы будут преобладать над интересами рядовых граждан»[269]. А.Г. Худокормов справедливо отмечает, что, анализируя книги и статьи Дж. Стиглица, можно прийти к выводу, который сам он не имел в виду: «… возможно против его воли, за темой асимметрии информации встает и более общая тема – асимметрии собственности и экономической власти»[270].

Джеффри Ходжсон (представитель старого институционализма) интерпретировал взгляды Дж.М. Кейнса в данном вопросе следующим образом: «Пренебрежение фактором корыстных интересов и влиянием институтов привело его (Дж.М. Кейнса – С.Н. Черновол) к предположению, что правительство всегда можно убедить действовать в интересах общества, даже если в последнем преобладают такие более эгоистичные мотивы, как погоня за прибылью и денежным вознаграждением… Подобно приверженцам старого классического либерализма, Кейнс исходил из допущения о непроницаемой перегородке между государством и гражданским обществом. В последнем преобладает эгоизм, но государством правят «короли-философы», которые руководствуются разумом»[271].

Дж. Ходжсон после разразившегося кризиса, предпринял попытку ответить на вопрос: почему предупреждения о финансовом кризисе игнорировались? В качестве одной из причин он также называет материальную заинтересованность тех, кто должен был принимать решения, однако эта причина не единственная. Другие причины, по Дж. Ходжсону: бюрократия финансовой и политической системы; сложность анализа противоречивой информации; неспособность экономистов предвидеть, вследствие чрезмерной зависимости от абстрактных математических моделей, отклоняющих экономистов от реальности, где присутствует неопределенность, которую невозможно вставить в модель[272].

---

[269] Там же. С. 352.

[270] Худокормов А.Г. Экономическая теория: новейшие течения запада: учеб. пособие. М., 2009. С. 335.

[271] Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. С. 326–327.

[272] Hodgson G.M. The great crash of 2008 and the reform of economics // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. Issue 6. P. 1212–1215.

В работах Дж.М. Кейнса не рассматриваются специально эти вопросы, не исследуются факторы, ограничивающие способность государства корректировать провалы рынка. Его позицию по данному вопросу в современных условиях достаточно точно выражает Дж. Стиглиц, который признает провалы государства, но который считает, что несмотря на это, оно должно играть «роль, корректирующую провалы и ограниченность рынка, и кроме того, обеспечивающим социальную справедливость»[273].

Третий из выделенных нами постулатов твердого ядра кейнсианской НИП гласит: *нестабильная рыночная экономика требует государственного вмешательства, направленного на регулирование эффективного спроса.* Следует отметить, что этот постулат не содержит в себе утверждения о том, что государство при любых условиях и без издержек может справляться с этой задачей; не утверждали этого ни Дж.М. Кейнс, ни его последователи. С другой стороны, в посткризисный период было показано, что бездействие государства в направлении регулирования эффективного спроса явилось одной из причин кризиса. «Чтобы ввергнуть нас в эту депрессию, – пишет П. Кругман, – потребовались десятилетия неверной политики и воплощения в жизнь ошибочных экономических теорий, которые… на протяжении долгого времени служили не государству в целом, а горстке очень богатых и чрезвычайно влиятельных людей… Быстрое восстановление производства возможно лишь при наличии ясности мышления политиков и их же воли к действиям»[274]. Эти быстрые действия не содержат в себе ничего принципиально нового. Действия государства должны быть направлены на восстановление спроса, который после кризисного обвала оказался на уровне, не способном обеспечить рост экономики, потому «что люди, обремененные долгами, пытаются расплатиться с ними, снижая расходы, а все остальные не желают тратить больше, чем тратили до этого, чтобы компенсировать такое снижение. Задача финансовой политики как раз и состоит в том, чтобы, увеличив государственные расходы, уберечь экономику от глубокого

[273] Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М., 2005. С. 23.
[274] Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 30.

спада, пока в имеющих долги семьях не восстановится финансовое благополучие»[275]. Экономисты называют и конкретные меры, способные вывести экономику на траекторию устойчивого роста, но рассмотрение этого вопроса не является актуальным для цели настоящего исследования.

Таким образом, кризис 2008–2009 годов дал экономической науке новый термин – «новая нормальность (реальность)», который требовал осмысления и встраивания в концептуальную схему той или иной теории. Анализ взглядов на «новую нормальность» показал, что выделяются два подхода: 1) новая нормальность как отражение мирового финансово-экономического кризиса и затяжного посткризисного периода; 2) новая реальность как процесс изменения парадигмы экономического развития. Первый подход получил широкое отражение в западной литературе и, в частности, среди посткейнсианцев. Известные экономисты показали, что ситуация, названная «новой нормальностью», была предсказуема, если только обратиться к положениям твердого ядра и теориям защитного пояса кейнсианской НИП. К тому же ряд экономистов, в частности, П. Кругман и Н. Рубини, предвидели и предсказывали наступление кризиса.

Можно выделить две основные причины кризиса, которые в цепочке взаимных причинно-следственных связей порождали и усиливали друг друга. Это рост неравенства в распределении доходов и разросшиеся финансовые рынки, работающие в условиях дерегулирования.

Росту неравенства способствовало построение экономики без государственного принуждения бизнеса; финансовое дерегулирование, обусловившее перетекание капиталов из производственной сферы в финансово-спекулятивную сферу, вывод производства из стран с развитой капиталистической экономикой в страны с низкой оплатой труда. Вследствие этого в развитых капиталистических странах обеспеченный доходами совокупный спрос стал отставать от совокупного предложения и обеспечивался за счет кредитования.

---

[275] Там же. С. 93.

Доходность от инвестиций в реальном секторе стала падать, что спровоцировало рост финансово-спекулятивного капитала, куда перераспределялись доходы из реального сектора экономики. Экономическая власть перерастала во власть политическую, принимались решения по дальнейшему дерегулированию финансового рынка и либерализации рынка, что позволило применять финансовые инновации, приведшие к росту рискованных кредитных операций. Не только внутри стран, но и в рамках мирового хозяйства потребление росло на основе задолженности. Раздутый финансовый пузырь неминуемо должен был лопнуть, что и произошло в действительности.

В ходе осмысления причин и механизма кризиса и посткризисного развития экономики эмпирическое подтверждение получили: 1) теория Дьюзенберри, а именно то, что люди не отказываются от уровня предыдущего потребления, даже когда их доходы становятся ниже этого уровня, и стремятся тратить не меньше, чем принято в той социальной группе, к которой они принадлежат; 2) теория Х.Ф. Мински, вследствие подтверждения того факта, что находясь в психологическом состоянии всеобщего оптимизма, люди склонны переоценивать свои возможности, что приводит к Понци-финансированию (Ponzi finance) – ситуации, когда поступлений не хватает даже на регулярную выплату процентов, что приводит экономику в фазу спада; 3) тезис о том, что нерегулируемый государством совокупный спрос может упасть значительно ниже уровня эффективного спроса.

Кроме того, в рамках кейнсианской НИП был поставлен вопрос о причинах, не позволивших государству адекватно оценить ситуацию и принять превентивные меры. Дж.М. Кейнс не ставил вопрос о способности или неспособности государства выполнять функцию регулятора совокупного спроса на уровне эффективного; условия «новой нормальности» актуализировали эту проблему, и она получила определенное теоретическое обоснование. Среди причин неэффективности государства названы асимметрия информации, перерастание власти политической во власть экономическую, бюрократия финансовой и политической системы; сложность анализа противоречивой

информации; чрезмерная зависимость господствующего течения от абстрактных, оторванных от реальности, где присутствует неопределенность, не поддающаяся формализации, математических моделей.

В целом, экономисты, показав механизм возникновения ситуации «новой нормальности», обеспечили прогрессивный эмпирический сдвиг проблем и тем самым развитие кейнсианской НИП.

ГЛАВА 3 РЕЦЕПЦИЯ КЕЙНСИАНСКИХ ИДЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

3.1 Практическая актуальность кейнсианства в исследованиях российских экономистов

Мировой экономический кризис 2007–2009 годов явился, кроме всего прочего, объективным фактором возобновления методологических дискуссий о состоянии экономической науки (особенно макроэкономики), ее философских основаниях, связи экономических моделей с реальной экономикой, прогностических возможностях. Как отмечается в литературе, критике подверглись такие качества экономической теории, как релятивизм, высокая фрагментарность современных экономических моделей, чрезвычайное увлечение формализмом, «эконометрическое безумие» современного мейнстрима, плюрализм экономического знания, наличие проблем с верификацией и сложностью познаваемых субъектов, неспособность экономистов предвидеть сколько-нибудь значимые колебания хозяйственной конъюнктуры[276]. Отсюда – усиление внимания к альтернативным основному направлению теориям, в частности, к кейнсианству. Как заметил в 2009 году Роберт Лукас, автор концепции «рациональных ожиданий», лауреат Нобелевской премии по

[276] Нуреев Р.М. «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса: предпосылки возникновения, методология и особенности интерпретации // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8. № 1. С. 33; Сухарев О.С. Проблемы формирования экономических школ // Инвестиции в России. 2016. № 12. С. 8 ; Татаркин А.И., Мальцев Ал.А. Трансформация научного знания под воздействием экономических кризисов // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 12.

экономике (1995), «видимо, в условиях кризиса кейнсианцем становится каждый»[277].

По мнению М.П. Афанасьева, «сегодня популярность идей Дж.М. Кейнса в научных и политических кругах нашей страны исключительно высока»[278]. Причины этого связаны, на наш взгляд, не только с усилением кризисной проблематики в современных условиях, тем более что она постепенно отходит на второй план с учетом гораздо менее болезненных последствий Великой рецессии, чем это первоначально прогнозировалось. Возможно, вследствие этого в области экономической теории накал критических выступлений против неоклассической ортодоксии заметно снизился, вновь наступил относительный консенсус, и «никаких сколько-нибудь значимых концептуальных альтернатив существующему мейнстриму не создано»[279]. Хотя существует и более радикальный взгляд на актуальность теории Дж.М. Кейнса в современных условиях. Так, В.Н. Ковнир и Е.А. Погребинская утверждают: «Можно без особого преувеличения сказать, что кейнсианство и есть *действительный мейнстрим* (*really mainstream, the actual validly mainstream*) современной экономики»[280].

В данном параграфе предпринята попытка выявления причин и возможных направлений актуализации кейнсианской теории, как они представлены в работах отечественных экономистов.

Следует заметить, что в советское время абсолютизировалось учение К. Маркса, особенно его идеология; изучение других достижений мировой экономической мысли объявлялось ненужным и оказалось практически невозможным. Доступность зарубежных научных журналов была чрезвычайно низкой, отсутствовали прямые контакты с западными учеными и лишь

---

[277] Цит. по: Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М., 2011. С. 15.

[278] Афанасьев М.П. «Общая теория» Дж.М. Кейнса: истоки и будущность (к 75-летию со дня первой публикации) // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2011. № 1. С. 152.

[279] Татаркин А.И., Мальцев Ал.А. Трансформация научного знания под воздействием экономических кризисов // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 21.

[280] Ковнир В.Н., Погребинская Е.А. Актуальность теории Кейнса в XXI веке // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. Вып. 4. С. 35.

экономисты, занимающиеся критикой капитализма, обладали знаниями в этой области; они же занимались переводами небольшого количества имеющейся в СССР западной экономической литературы.

В 90-е ситуация существенно улучшилась, однако, как писал С.С. Дзарасов, «творческая свобода наступила для нас не в полной мере»[281]. Неоклассическое (монетаристское) идеологическое и теоретическое обоснование стратегии развития российской экономики определило развитие экономической науки и состояние экономического образования. На этот факт с большей или меньшей категоричностью указывают многие экономисты.

Р.С. Дзарасов в кажущейся «пестроте» экономистов, считающих себя сторонниками одной из множества существующих ныне концепций, усматривает окраску «все того же доминирующего неолиберального учения». «Например, под институционализмом, – пишет экономист, – как правило, подразумевается не старый институционализм Т. Веблена и Дж. Коммонса, отвергавший рыночный фундаментализм, а плохо освоенная так называемая «новая институциональная школа», интегрировавшая, хотя и с некоторыми оговорками, их взгляды в рамках неолиберальной идеологии. Под кейнсианством также понимается «неоклассический синтез», переосмысливший наследие Дж.М. Кейнса под углом зрения неолиберализма… Но, главное, отказ от марксизма в его официозно-советской трактовке не означает отказа от догматического мышления как такового, а наоборот, сопровождается принятием в той или иной степени противоположного мировоззрения»[282].

Действительно, любая наука, а общественные науки в гораздо большей степени, чем естественные, испытывают влияние идеологии, политики и институциональных факторов. Чтобы подчеркнуть это влияние в естественных науках, недавно стал применяться термин «постнормальная наука», но, как указывает Н.А. Макашева, экономическую науку таким термином можно было

---

[281] Дзарасов С.С. Современные проблемы развития и преподавания экономической теории // Теория капитала и экономического роста / под ред. С.С. Дзарасова. М., 2004. С. 17.

[282] Дзарасов Р.С. Экономика «насаждения отсталости». К действительным причинам реформы РАН // Вестник российской академии наук. 2014. Т. 84. № 4. С. 301.

определить уже давно. Когда марксизм, как идеология, был отвергнут, встал вопрос о поиске новой парадигмы. Официально была принята либеральная идеология, однако, как справедливо замечает Н.А. Макашева, «ясного представления ни о связи современной экономической теории с либеральной доктриной, ни о возможностях подобного освоения, но и том, что представляет собой современная западная наука и теория, не было даже у наиболее последовательных сторонников этой стратегии. Крайним проявлением подобного подхода было некритическое восприятие учебного варианта mainstream economics как воплощение западной экономической мудрости, а также – что особенно проявилось в первые перестроечные годы – агрессивное отстаивание либеральных ценностей как неразрывно связанных с мейнстримом»[283].

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов подчеркивали, что в России была выбрана либеральная стратегия реформ «*в условиях отсутствия для этого необходимых (не говоря уже о достаточных) экономических и социальных предпосылок»*[284], и делали отсюда вывод, *что «проведение радикальной либерализации в России было и остается дорогой кризиса»*[285]. Кроме того, указанные авторы справедливо обращали внимание на такой важный момент в проведении любой реформы, как ее цель. Курс на либерализацию в нашей стране был выбран без доказательств того, что это улучшит экономические и социальные результаты, а его сторонники, по мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, фактически подменили цель средствами ее достижения, говоря о том, что «при помощи радикальных рыночных реформ можно получить… рыночные реформы экономической жизни»[286].

При этом формально в качестве конечной цели провозглашалось построение социально ориентированного свободного рынка по образцу развитых стран.

---

[283] Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е гг.): революция и рост научного знания // Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 415.

[284] Бузгалин А., Колганов А. Либерализация versus модернизация (сравнительный анализ переходных экономических систем) // Вопросы экономики. 1997. № 8. С. 50.

[285] Там же. С. 56

[286] Там же. С. 39.

Апология свободного рынка заняла одно из самых высоких мест в иерархии ценностей российского либерализма. Свобода, с этой точки зрения, предстает как необходимое условие самореализации индивида, преследующего собственные цели. В этой системе ценностей фактически не остается места социальной справедливости, даже с точки зрения предоставления государством общественных благ. «Либеральное требование свободы, – указывал Ф. Хайек, – обращено… на устранение всех искусственных препятствий индивидуальным усилиям, но не содержит претензий к государству или общине о предоставлении определенных благ. Либерализм допускает коллективные действия в случае их необходимости или когда они представляются более эффективным способом предоставления определенных услуг, но оценивает их именно по критерию целесообразности, а значит, подлежащими ограничению основными принципами равной свободы в рамках закона»[287].

Именно такая теория и практика либерализма не были приняты достаточно большим количеством отечественных экономистов, традиционно считающих социальную справедливость в качестве важнейшей ценности, и именно поэтому многие из них обратились к кейнсианству как концепции с альтернативной идеологией.

Таким образом, первой причиной актуальности кейнсианской теории в постсоветский период является неприятие либерального характера реформ 90-х годов прошлого века. С этой точки зрения теория Дж.М. Кейнса позиционируется как альтернатива неолиберализму. Хотя сам Дж.М. Кейнс, как известно, был по своим политическим взглядам либералом, однако он, по словам Р. Скидельски, «восстал» против века *laissez faire*[288], и именно это позволяет российским экономистам считать его анти-либералом в экономическом смысле.

Дж.М. Кейнс писал, что основная идея *laissez-faire* не о том, «что ничем не ограниченный естественный отбор ведет к прогрессу» и «эффективности, а в действительности о необходимости обеспечения возможности для

[287] Хайек Ф. Либерализм // Фридмен, Милтон, и Хайек, Фридрих о свободе. М., 2003. С. 148.
[288] Essays on John Maynard Keynes / Edited by Milo Keynes. Cambridge, 1975. P. 96.

неограниченного частного обогащения как о стимуле для приложения максимальных усилий»[289]. При этом «совпадение частных и общественных интересов не предусматривается»[290]. «В условиях laissez-faire растут прибыли тех, кто благодаря умению или удаче в нужное время помещает свои ресурсы в нужное место»[291]. Бизнес в условиях неопределённости Дж.М. Кейнс сравнивает с лотереей, где господствует неравенство в распределении доходов, поскольку «…отдельным индивидам, благодаря удаче или личным качествам, удается извлечь выгоду из неопределенности и незнания»[292]. Взгляды Дж.М. Кейнса были подтверждены новейшей историей России, когда в 90-х годах представители бизнес-элиты страны «в нужный момент» оказались «в нужном месте».

С.С. Дзарасов так же, как и многие другие отечественные экономисты, считал, что «нерегулируемая государством свобода оборачивается неограниченным произволом, а нацеленность на прибыль – в беззастенчивую эксплуатацию и подавление одними людьми других людей»[293]. В результате в России «крупные корпорации приобрели такую власть над рынком, что они сами диктуют ему свои условия»[294]. Выбор модели развития российской экономики, считает С.С. Дзарасов, «зависит от признания законности или незаконности неравенства в распределении общественного богатства»[295]. Принцип *laissez-faire* оправдывает неравенство, «смягчить существующие неравенства и расширить права граждан на труд и достойный заработок»[296] призвано регулируемое развитие.

Вторая причина актуализации кейнсианской теории состоит в негативных последствиях российских реформ и вытекающем отсюда поиске альтернативной стратегии развития и необходимости изменения содержания экономической политики. Либеральные реформы 90-х годов имели в качестве теоретической

---

[289] Кейнс Дж.М. Конец laissez-faire // Истоки. Вып. 3. М., 1998. С. 270.
[290] Там же. С. 270.
[291] Там же. С. 270.
[292] Там же. С. 276.
[293] Дзарасов С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012. С. 144.
[294] Там же. С. 193.
[295] Дзарасов С. Российский кризис: истоки и уроки // Вопросы экономики. 2009. № 5. С.74.
[296] Там же.

основы монетаризм. Для многих экономистов уже тогда было очевидно, что реализация либерально-монетаристской модели приведет российскую экономику к разрушительным последствиям. Начавшаяся в те годы критика принятого курса с годами звучит более настойчиво, и если в начале реформ она звучала с точки зрения теоретических основ, то со временем подкрепилась эмпирическим содержанием. В числе критиков выбранной модели выступали такие известные российские экономисты, как А.В. Бузгалин, С.Ю. Глазьев, С.С. Дзарасов, Р.С. Дзарасов, А.И. Колганов, В.Т. Рязанов, Ю.Я. Ольсевич и многие другие.

Критика либерально-монетаристской модели 90-х годов основывалась на том, что состояние хозяйства России не соответствовало экономической ситуации, в которой монетаризм возник, а следовательно, той хозяйственной системе, которую он моделировал. Наиболее обстоятельно этот тезис был обоснован в 1997 году Ю. Ольсевичем, который на основе исторических условий возникновения монетаризма и завоевания им господствующих позиций в экономической теории показал, что ни один из постулатов монетаризма не соответствовал переходной экономике России, как и хозяйственной системе капиталистических стран 30-х годов[297].

Подобное мнение достаточно широко распространено среди российских экономистов и в настоящее время. Так, О.С. Сухарев пишет, что «проводимая сегодня в России извращенная… монетаристская политика… совершенно пренебрегает всеми научными канонами, во-первых, самого классического монетаризма, во-вторых, реальными параметрами и эмпирически установленными фактами функционирования хозяйственной структуры России»[298].

Если одни российские экономисты, обращаясь к кейнсианству с вопросом о возможности и необходимости применения его к отечественной экономике, лишь

---

[297] Ольсевич Ю. Монетаризм и Россия: проблема совместимости // Вопросы экономики. 1997. № 8. С. 30–31.

[298] Сухарев О.С. «Извращенный монетаризм» будет диктовать экономическую стратегию развития России? // Инвестиции в России. № 6. 2017. С. 33. См. также: Глазьев С.Ю. Нищета и блеск российских монетаристов. Ч. 1 // Экономическая наука современной России. 2015. № 2. (69). С. 10.

анализируют его и сравнивают с монетаризмом, другие считают необходимым принять его как основу экономического развития страны, как наиболее соответствующее состоянию экономики России. Например, В.Е. Маневич справедливо отмечает: «Эти течения (прежде всего монетаризм – С.Н. Черновол) были в достаточной мере дискредитированы длительной депрессией 1990-х годов в России (и экономическими кризисами на Западе), однако в российской экономической литературе они не были однозначно отвергнуты, на смену им не пришла альтернативная теоретическая концепция... Обращение к работам кейнсианцев может во многом способствовать разработке альтернативной теоретической концепции и альтернативной парадигмы экономической политики в России»[299].

С.С. Дзарасов также отстаивал точку зрения, что именно кейнсианство, трудами современных экономистов сформировавшееся в соответствующее современным реалиям посткейнсианство, способно обеспечить устойчивый рост российской экономики[300]. С критикой принципа рыночного саморегулирования и необходимостью государственного вмешательства в традициях кейнсианства выступают и другие авторы[301].

Казалось бы, спор о правильности выбранного теоретического основания стратегии развития страны мог быть разрешен в ходе анализа статистических данных. Однако объективный анализ показателей экономической ситуации всегда осложняется идейно-теоретической позицией исследователей. В этой связи показателен пример, приведенный В.Т. Рязановым, о ситуации после кризиса 2008–2009 годов, когда экономика в реальности стагнировала, однако

---

[299] Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2010. С. 6.

[300] Дзарасов С. В тупике нерыночного капитализма (*ограниченность монетаристских методов экономической стабилизации*) // Вопросы экономики. 1997. № 8. С. 73–90; Он же. Российские реформы и экономическая теория // Вопросы экономики. 2002. № 7. С. 26–43; Он же. Посткейнсианство и инновационная модель развития // Экономист. 2008. № 4. С. 67–77; Он же. Российский кризис: истоки и уроки // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 69–84; Он же. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012. 304 с.

[301] Андрианов В. Государственное регулирование и механизмы саморегуляции в рыночной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 28–39 ; Он же. Государство или рынок? Кейнсианство или монетаризм? // Общество и экономика. 2008. № 10–11. С. 129–146; Рудакова И.Е. «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса с позиций сегодняшнего дня // Журнал экономической теории. 2016. № 2. С. 134–144.

статистически росла. «Характерно, – пишет экономист, – что созданная после кризиса Комиссия по оценке экономических результатов и социального прогресса во главе с Дж. Стиглицем в качестве одной из его причин определила то, что «существующая система измерения оказалась неадекватной и / или участники рынка и сотрудники государственных органов обращали внимание не на тот набор статистических показателей»[302].

Однако более важным представляется то обстоятельство, что экономическая стратегия и основанная на ней экономическая политика должны базироваться на прочном теоретическом фундаменте. С этой точки зрения справедливым представляется утверждение, что «все виды современной экономической политики имплицитно или эксплицитно основываются на формулировках, вытекающих из кейнсианского анализа»[303]. Этому утверждению противостоит мнение, высказанное М. Воейковым: «Я не думаю, что какое-либо правительство в своих практических действиях когда-либо руководствовалось указаниями конкретной экономической теории… И любое правительство, что на Западе, что у нас, использует разные экономические теории лишь для прикрытия, идеологического оправдания тех или иных действий»[304].

Согласимся с тем, что в рекомендациях по экономической политике «… ценностные факторы и сформулированные на их основе цели, без сомнения, играют значительную роль. Поэтому принадлежность автора к той или иной партии, социальной группе или коалиции с особыми интересами может существенно влиять не только на исходные предпосылки, но и на выводы»[305]. Несомненно, что ценностные факторы, идеологические пристрастия и тому подобное оказывают влияние на выработку рекомендаций по проведению той или

---

[302] Рязанов В.Т. Экономическая политика после кризиса: станет ли она снова кейнсианской? // Экономика Украины. 2014. № 5 (622). С. 9.

[303] Abraham-Frois G. Keynes et la macroeconomie contemporaine. 2 ed. Paris, 1989. P. 112.

[304] Воейков М. Экономическая теория для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2. С. 194.

[305] Клисторин В.И. Карл Маркс и марксистская политическая экономия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 144.

иной экономической политики. В то же время все они в своей глубинной основе также опираются явно или неявно на определенную теоретическую конструкцию.

Во многих работах отечественных авторов доказывается, что кейнсианская теория более адекватно по сравнению с современной неоклассикой (монетаризмом, теорией предложения) отражает реалии российской экономики, что обусловливает ее теоретическую и практическую актуальность. На современном этапе это получило наиболее яркое воплощение в противостоянии двух стратегий экономического роста и соответствующих им политик: председателя совета Центра стратегических разработок (ЦСР) А. Кудрина и бизнес-омбудсмена, главы Столыпинского клуба Б. Титова. 25 мая 2016 года на заседании президиума Экономического совета при Президенте РФ были представлены оба доклада о путях дальнейшего развития российской экономики. При этом программа А. Кудрина еще не опубликована, но в своем выступлении на конференции Высшей школы экономики он рассказал, что «ускорению российской экономики мешают никуда не исчезнувшая зависимость от нефти, слабость госуправления, финансовая изоляция»[306]. Запуск экономического роста в рамках этой программы связан с созданием благоприятного инвестиционного климата, проведением умеренно-жесткой монетарной политики, направленной на снижение инфляции, жесткой фискальной политикой для обеспечения низкого бюджетного дефицита и проведением структурных реформ (приватизация, снижение доли государственного сектора в экономике). Отсюда предлагаемые А. Кудриным меры получили название программы институциональных реформ. По сути она не содержит ничего, отклоняющегося от политики, проводимой с начала реформ.

Альтернативная программа «Столыпинского клуба» содержит предложение наращивать денежную массу (реформирование денежно-кредитной политики), при этом эмиссия денег должна быть в полном объеме направлена на инвестиции в реальное производство. В рамках этой программы не сжатие денежной массы, а

---

[306] Кудрин назвал основные препятствия для роста российской экономики [Электронный ресурс] // РБК. 2017. 11 апреля. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/11/04/2017/58ec91d99a794783e306d365?from=newsfeed.

экономический рост и развитие есть путь снижения инфляции. Доступные кредиты, сильный средний класс, создание новых рабочих мест, преодоление зависимости от экспорта сырья, рост качества жизни – все это укладывается в рамки практической программы кейнсианства[307].

Упор на монетарную политику и отказ от стимулирующей фискальной политики как главных элементах воздействия государства на экономическую активность является следствием достигнутого в рамках нового неоклассического синтеза теоретического консенсуса. Поэтому и критика экономической политики, проводимой российским государством, акцентировалась на денежной политике ЦБ РФ.

С кейнсианской точки зрения создание благоприятных условий для инвестиций есть основная цель денежной политики центрального банка[308]. Основная цель финансовых посредников – удовлетворить интересы заемщиков, желающих «расширить свой запас реальных активов… за те пределы, которые определяются их собственным чистым богатством»[309]. Поэтому обеспечение инвестиционных потребностей экономических агентов со стороны Банка России – одно из ключевых условий экономического роста. Российские экономисты указывают на то, что политика Банка России таких условий не создает.

Поскольку Банком России так и не был создан внутренний длинный кредит, то это «… вынудило крупнейшие банки и корпорации к заимствованиям за рубежом, преимущественно в ЕС и США»[310]. Но в 2014 году США и ЕС ввели экономические санкции, вследствие чего российские заемщики были «отключены» от мировых рынков. Одновременно Банк России начинает

---

[307] Стратегия роста. Среднесрочная программа развития России до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://stolypinsky.club/strategiya-rosta-3/ (дата обращения 10.01.2017).

[308] Дж. Тобин в статьях «Коммерческие банки как создатели денег», «Финансовые посредники и эффективность денежного контроля», «Принципы управления государственным долгом» подробно рассматривает рычаги воздействия денежной и финансовой политики на инвестиционную активность. См.: Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост. 2010. С. 121–236.

[309] Тобин Дж. Денежная политика и экономический рост. 2010. С. 123.

[310] Глазьев С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 14.

поднимать ключевую ставку кредитования, которая за 2014 год выросла в два раза и концу года достигла 17 %.

Таким образом, как пишет С. Глазьев, «вместо того, чтобы создавать механизм замещения внешних источников кредита внутренними для покрытия возникающего вследствие применения санкций дефицита кредитных ресурсов, Банк России усугубляет его»[311].

Политику и стратегию поведения Банка России критикуют также И.С. Букина и В.Е. Маневич, указывая на наличие рычагов реагирования на негативные или позитивные процессы в экономике; вместо того, чтобы воздействовать на ситуацию, ЦБ пассивно следует за ней[312]. Политика в отношении денежного предложения Банка России оборачивается нулевым «приростом денежной базы, несмотря на то, что даже слабый рост экономики и продолжающаяся инфляция требуют увеличения количества денег высокой эффективности. Кроме того, отказываясь от дополнительной эмиссии, ЦБ и правительство теряют один из важнейших ресурсов финансирования бюджетного дефицита и прямого воздействия на агрегированный спрос и экономическую активность»[313].

В целом, как пишет С. Бодрунов, «в стране долгое время проводилась экономическая политика, имевшая в принципе верные стратегические цели создания и утверждения современного социального рыночного хозяйства, обеспечивающего модернизационную стратегию развития. Однако тот комплекс установок и средств, который был выбран для реализации этого курса – прежде всего сочетание идеологии «рыночного фундаментализма» с практикой теневого рынка и «ручного» государственного управления, вызвал не просто стагнацию, но деиндустриализацию страны со всеми вытекающими отсюда негативными

---

[311] Глазьев С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 16.
[312] Букина И.С., Маневич В.Е. Макроэкономическая ситуация и денежно-финансовая политика в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 2. С. 25.
[313] Там же. С. 26.

последствиями для производства, науки и образования»[314]. С этой точки зрения сохраняет свою актуальность принципиальное положение Дж.М. Кейнса (входящее в твердое ядро кейнсианской НИП) о неспособности рыночной экономики самой по себе обеспечивать полную занятость ресурсов, автоматическое восстановление равновесия и вытекающее отсюда положение о необходимости стимулирования государством совокупного спроса и снижения степени неопределенности в экономике.

Третья причина актуализации кейнсианской теории заключается в текущей ситуации в современной России, которую чаще всего характеризуют как стагнацию и которая требует выработки эффективных путей выхода из нее. Некоторые экономисты полагают, что сегодняшняя Россия характеризуется «… возвращением многих явлений, характерных для депрессивной экономики: прекращение экономического роста, затяжное падение ВВП, отрицательная динамика инвестиций, устойчивое сокращение потребительского спроса, сжатие производственного аппарата ряда отраслей, значительное снижение экспорта продукции. Период 2014 – начала 2017 гг. в ряде случаев с «модельной» точностью воспроизводит некоторые события Великой депрессии»[315]. Отсюда выводится необходимость применения разработанной кейнсианцами антикризисной макроэкономической политики, которая прошла эмпирическую проверку в ходе восстановления экономики в период Великой депрессии 1930-х годов и последующие десятилетия успешного опыта стабилизационной политики вплоть до середины 70-х годов прошлого века.

Следует отметить, что практически все экономисты, выступающие за применение кейнсианской политики, указывают на ее ограничения. И.П. Комарова, сравнивая активную (кейнсианскую) и пассивную (монетаристскую) экономическую политику, называет ряд ограничений и рисков

---

[314] Бодрунов С. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации РФ // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 94–95.

[315] Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации / под ред. А.А. Пороховского, К.А. Хубиева, С.В. Кайманакова. М., 2017. С. 54.

активной политики, с которыми может столкнуться российская экономика, однако именно в ней нуждается российская экономика[316].

В.Т. Рязанов также признает, что идеи Дж.М. Кейнса полезны для современной России. «Для нашей страны, – пишет В.Т. Рязанов, – использование потенциала расширения спроса может опереться на сочетание импортозамещения с государственной поддержкой и стимулированием обновления капитала и повышения эффективности производства с последующим развертыванием неоиндустриализации на новой технологической основе»[317].

Фактически об этом же (о возможности стимулирования спроса) пишут В. Мау и А. Улюкаев. В качестве основного негативного фактора указанные авторы называют «*резкое усиление неопределенности»*, что окажет влияние на экономику «через потребление и через инвестиции»[318]. Рост неопределенности, по их мнению, вызвал падение инвестиций, ибо агенты теперь предпочитают ликвидность. Авторы констатируют увеличение российскими экономическими агентами сбережений, которые из-за мотива предосторожности они хранят в иностранной валюте. Именно потребительский спрос А. Улюкаев и В. Мау называют традиционным фактором, стимулирующим экономический рост. Однако тут у России «серьезные проблемы». Расширение потребительского спроса уже невозможно за счет кредитования, так как уже сейчас «из-за непродолжительности средних сроков кредитования, низкой доли «длинных» ипотечных кредитов, высоких номинальных процентных ставок население России тратит на обслуживание кредитов 13% своих располагаемых доходов»[319]. Расширение потребления за счет регулярных доходов маловероятно из-за склонности к сбережению, которая также стимулируется непоследовательной политикой в отношении пенсионной системы. Авторы прогнозируют

---

[316] Комарова И.П. Парадоксы бюджетной политики РФ в условиях макроэкономической неопределенности // Экономика образования. 2015. № 1. С. 43–50.

[317] Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации / под ред. А.А. Пороховского, К.А. Хубиева, С.В. Кайманакова. М., 2017. С. 31.

[318] Улюкаев А., Мау В. От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 8.

[319] Там же. С. 12.

существенный рост склонности к сбережению. «Таким образом, в ближайшем будущем население представляется скорее сберегателем, отдающим свои долги, чем активным потребителем»[320].

С тезисом о «недостаточности эффективного спроса со стороны потребителей и частного сектора экономики» согласна Г.А. Терская. В этих условиях, считает экономист, «обеспечивать первоначальные инвестиции должно государство, не отказываясь при этом от косвенных методов стимулирования инвестиций»[321].

Другая группа экономистов считает, что вследствие изношенности производственных фондов, существования дефицита квалифицированных рабочих и специалистов, деформации или недоразвитости многих товарных и финансовых рынков «проведение кейнсианской политики тонкого, косвенного регулирования рыночной системы бюджетно-налоговыми и денежно-кредитными инструментами практически неосуществимо»[322]. Российская экономика нуждается в активном государственном регулировании «экономики в целях ее стабилизации, а также концепция обеспечения экономического роста на базе стимулирования совокупного спроса, и, прежде всего его инвестиционной составляющей»[323]. При этом с учетом деиндустриализации российской экономики и необходимости перевода ее на инновационные рельсы, задачи экономической политики формулируются следующим образом: «…необходимо не просто оживление инвестиционной активности, а направление основного потока инвестиций в высокотехнологичные сектора, НИОКР, образование. Таким образом, встает задача соединения кейнсианских методов стимулирования экономики с активной промышленной (структурной) политикой»[324].

---

[320] Там же. С. 13.

[321] Терская Г.А. Идеи кейнсианства и создание теоретической модели развития российской экономики // Исторические судьбы учения Дж.М. Кейнса : монография / коллектив авторов ; под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. М., 2019. С. 205.

[322] Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации: сб. тез. / под ред. А.А. Пороховского, К.А. Хубиева, С.В. Кайманакова. М., 2017. С. 95.

[323] Там же. С. 95.

[324] Там же. С. 174.

Еще в 2009 году С. Глазьев выделил причины, лишающие предприятия обрабатывающей промышленности возможности модернизации и инновационного пути развития без государственной поддержки. Он указывал, во-первых, на отсутствие механизмов кредитования промышленных предприятий, что создает проблему нехватки «длинного» финансирования, следовательно, инвестиционные возможности не выходят за рамки собственных средств, а это тормозит техническое обновление. Во-вторых, процентная ставка кредитования коммерческими банками значительно превышает рентабельность промышленных предприятий[325].

Восемь лет спустя ситуация не изменилась. Предприятия, рентабельность которых ниже средневзвешенной ставки по кредитам, могут рассчитывать только на собственные средства, а в России – это предприятия практически всех отраслей народного хозяйства, кроме предприятий по добыче полезных ископаемых, химического и металлургического производства (приложение Д). При этом высокорентабельные сырьевые предприятия, работающие на экспорт, до введения санкций получали кредиты (по процентной ставке ниже предлагаемой банками России) в банках США и Европы. Прочие отрасли народного хозяйства обречены на деградацию. Государственная политика (как и предпринимательская деятельность) сосредоточена не на реальном секторе экономики и уровне народного благосостояния, а на финансовых манипуляциях. «Полученные в бюджет налоговые доходы от российского бизнеса поступают в профицит и объявляются ненужными для расходов в стране, помещаются в Стабфонд и фактически инвестируются в западную экономику (будучи размещенными на счетах западных банков и даже в ценные бумаги)»[326].

Многократно снижены объемы выпуска продукции в отраслях экономики, где, как писал С.С. Дзарасов, «производится реальный валовый продукт, за счет

---

[325] Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики 2009. № 3. С. 36.

[326] Якунин В. Актуальная теория и методология формирования российской экономической политики // Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина РФ. Материалы Российского научного экономического собрания (Москва, 19–20 октября 2007 г.). М., 2008. С. 38.

которого живет общество… Вследствие всего этого импортная зависимость страны по машинам и оборудованию, продовольствию и изделиям легкой промышленности возросла настолько, что далеко перешагнула границу, допустимую интересами обеспечения безопасности страны»[327].

В вопросе о выборе для страны концепции автаркии или фритредерства российские экономисты обращаются к взглядам Дж.М. Кейнса и находят, что Дж.М. Кейнс придерживался идей автаркии и подвергал сомнению представления о выгодах в современном мире международного разделения труда (признавал существование этих выгод в XVIII–XIX веках)[328].

Л.Г. Чередниченко считает, что «внешние факторы оказывают серьезное воздействие на российскую экономику по причине ее небывалой зависимости от импорта. Это обусловлено и тем, что существующая в настоящий момент структура российской экономики не отвечает современным требованиям динамичного развития»[329].

Как «настораживающую тенденцию» эксперты отмечают рост числа и интенсивности банкротств предприятий. «В настоящее время можно диагностировать так называемую «естественную убыль предприятий», т. е. количество открываемых предприятий оказывается значительно меньше числа ликвидируемых. Если обратиться к официальной статистике, то за январь–май 2017 года количество зарегистрированных организаций в целом по России составило 181 336, а количество ликвидированных – 244 635. Если посмотреть по отраслям, то сильный отрицательный разрыв наблюдается в сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах»[330].

---

[327] Дзарасов С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012. С. 99-103.

[328] Юданов А.Ю., Успенский В.А. Кейнс и дискуссия об автаркии // Исторические судьбы учения Дж.М. Кейнса : монография / коллектив авторов ; под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. М., 2019. С. 223–231.

[329] Чередниченко Л.Г. Бюджетная система России как фактор совершенствования макроэкономических воспроизводственных пропорций // Научные труды преподавателей МАЭП. Вып. 28. М., 2014. С. 177.

[330] Ориентиры развития российской экономики / под ред. Е.В. Устюжаниной, М.В. Дубовик. М., 2018. С. 32.

На то, что в российских условиях удовлетворение внутреннего потребительского спроса за счет импорта является негативным фактором, указывают В.А. Плотников и Ю.В. Вертакова, так как потраченные на обеспечение импорта финансовые средства могли бы стать инвестициями в отечественное производство[331]. В рамках кейнсианского анализа уменьшение импортной зависимости создает новые рабочие места и запускает мультипликативный эффект роста экономики.

«После введенных в августе 2014 г. ограничений на ввоз в Россию отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на основании указа Президента Российской Федерации[332] объем импорта по группам ТН ВЭД 1-24[333] сократился»[334] и к концу 2015 года падение доли импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами оставило 8 пунктов[335]. Однако анализ был проведен не в натуральных, а в стоимостных показателях. «Показатели стоимостного импортозамещения зависят не только от объемов импортной и отечественной продукции, но и от курса рубля, сложившегося уровня цен на продовольственную продукцию и других факторов»[336], и дальнейший анализ показал, «что снижение доходов населения повлияло на сокращение потребления импортной продукции в розничном товарообороте, увеличение доли выплат иностранным поставщикам»[337].

Таким образом, экономисты констатируют положительную динамику роста объема производства пищевых продуктов и одновременно прогнозируют рост

---

[331] Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11 (109). С. 38–47.

[332] Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 (с изм. от 29.06.2016) «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/38809 (дата обращения 10.02.2017).

[333] ТН ВЭД 1-24 продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) (ТН ВЭД 1-24).

[334] Пожидаева Е.С. Импортозамещение продовольственной продукции в России: статистическое исследование // Вопросы статистики. 2016. № 10. С. 58.

[335] Там же.

[336] Там же. С. 57.

[337] Там же. С. 59.

производства отрасли в 2016–2017 годах[338]. Однако авторы проведенного исследования (А.А. Френкель, Б.И. Тихомиров, Я.В. Сергиенко и Л.С. Рощина) указывают, что эта динамика могла быть выше, если бы не произошло снижение платежеспособного спроса населения на фоне роста внутренних цен и удорожания заемных средств. Доказательством того, что рост объема производства пищевых продуктов в 2014–2015 годах произошел за счет рычагов государственной политики, а не механизмов нерегулируемого рынка, может служить тот факт, что остальные экспортозависимые отрасли обрабатывающей промышленности имели отрицательную динамику выпуска продукции. Авторы показали также увеличение темпов снижения инвестиционной активности, этого «важнейшего драйвера экономического роста» (1,5 % в 2014 и 8,4 % в 2015 году), основными факторами чего стало «снижение потребительского спроса (как внутреннего, так и внешнего) и общая неопределенность макроэкономической ситуации. Существенное негативное влияние оказывает недостаток собственных финансовых средств предприятий и падение объемов кредитования реального сектора. Большое влияние на падение инвестиционной активности оказала также высокая процентная ставка за привлекаемые банковские кредиты»[339].

Л.С. Леонтьева и Е.Ф. Никитская обращают внимание на негативный показатель доли расходов на товары первой необходимости в общем объеме потребления, который составляет 80 %. «Это показатель, свидетельствующий об ограниченных возможностях населения выходить за рамки приобретения товаров первой необходимости и, соответственно, об ограниченных возможностях предпринимателей развивать иные сферы бизнеса»[340].

---

[338] Френкель А.А., Тихомиров Б.И., Сергиенко Я.В., Рощина Л.С. Кризис как реальность: итоги социально-экономического развития (экономика России в 2015–2017 годах) // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 23–49.

[339] Там же. С. 37.

[340] Леонтьева Л.С., Никитская Е.Ф. Склонность к сбережению и инвестирование в инновационной экономике // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2012. № 2. С. 68.

В статье 2011 года В.Н. Ковнир и Т.В. Рысина проанализировали ситуацию в сфере материального благосостояния социальных групп населения России[341]. Материальное состояния крупных социальных групп распределилось следующим образом: «бедные, составляющие около 18 % населения; малообеспеченные – 60 % населения; «средний класс» – 18 %; богатые и сверхбогатые (экономическая элита) – 3–4 %»[342]. К особенностям бедности в России авторы отнесли «такие специфические черты, как глубина, острота, ее застойный характер, наличие риска перехода из категории малообеспеченных в категорию бедных»[343]. В результате был сделан «вывод о необходимости внесения соответствующих изменений в распределительную политику с целью преодоления неблагоприятных тенденций углубления социального неравенства»[344].

Однако и эти изменения в распределительной политике внесены не были и 2015 году М. Делягин заметил: «ВВП растет главным образом на основе увеличения состояний кучки «олигархов» и их «эффективных менеджеров… «Учет интересов бедных» чреват в России, где 1 % населения владеет более чем тремя четвертями активов, не то что «майданом», но подлинной революцией, поскольку доля бедных (под которыми понимаются люди, которым не хватает текущих доходов на покупку товаров длительного пользования) достигает, по некоторым оценкам, 80 %»[345].

Во многих публикациях отмечается критическое значение для долгосрочного экономического роста институтов, которые призваны снижать неопределенность, в том числе в области экономической политики. В то же время «на практике решения в области экономической политики в Российской Федерации постоянно пересматриваются, и ни одна государственная инициатива

---

[341] Ковнир В.Н., Рысина Т.Н. Политика доходов и социальное неравенство в РФ // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2011. № 3. С. 27–43.
[342] Там же. С. 29.
[343] Там же. С. 32.
[344] Там же. С. 27.
[345] Делягин М. Российский либерализм: интеллектуальный паралич и угроза развитию // Российский экономический журнал. 2015. № 5. С. 64–66.

не реализуется до конца»[346], что вносит «неразбериху» в соответствующую область, вследствие чего снижается степень уверенности и оптимизма у экономических агентов. В частности, В. Карачаровский именно отсутствие уверенности и оптимизма называет главной причиной провала российской модернизации. В результате субъекты реального сектора экономики не осуществляют инвестиции в долгосрочные крупномасштабные проекты, что ведет к нарастанию технологического отставания России от мирового уровня. Российские наукоемкие предприятия неконкурентоспособны вследствие факторов «системного происхождения, управление которыми невозможно на уровне отдельного предприятия – это отношения с властью, кризис взаимозачетов, неэффективное распределение и незащищенность прав собственности, фрагментированность национальной инновационной системы»[347]. По мнению В. Карачаровского, финансовые средства в России сконцентрированы, в основном, у государства и сырьевых монополий. Перераспределение этих средств на техническое перевооружение отечественных промышленных предприятий – единственно возможный путь технологической модернизации. Однако и у крупного частного бизнеса, и у государства «отсутствует соответствующая мотивация и воля». Государство опасается, что инвестиции не модернизируют промышленность. Экономист связывает эти опасения, во-первых, с экономической нестабильностью, а во-вторых, с печальным опытом, когда раздаваемые государством средства на благие замыслы были «закопаны». Крупный капитал останавливает высокая рискованность, отложенный экономический эффект, низкая рентабельность наукоемких производств, а также коррумпированность российской бюрократии.

Проблемы, сформулированные В. Карачаровским, находят свое объяснение во взглядах Дж.М. Кейнса: «Люди практически всегда уделяют самое

---

[346] Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 13.

[347] Карачаровский В. О проблеме технологической модернизации в России: частные интересы бизнеса vs стратегические задачи экономики // Общество и экономика. 2009. № 10. С. 5.

пристальное внимание тому, что они называют состоянием уверенности»[348]. Отложенный эффект и ситуация «настоящего времени» не вселяет оптимизма крупному бизнесу, так как «… факты сегодняшнего дня входят, так сказать, в непропорционально большей степени в формирование наших долгосрочных предположений»[349].

Определенное сходство Великой депрессии 30-х годов и текущей ситуации в российской экономике отечественные исследователи видят в высокой степени предпочтения ликвидности, препятствующей трансформации сбережений в инвестиции. Из приведенных в приложении Е данных следует, что в постсоветской России всегда сберегалось больше, чем инвестировалось.

Сотрудники ИСЭПН РАН провели социологическое «исследование, направленное на выяснение мотивов инвестиционно-сберегательного поведения высокодоходных групп населения»[350]. Исследование показало, что «… уже 65 % россиян считают необходимым сократить расходы, максимально откладывая деньги на будущее. При этом растет число тех, кто считает необходимым забрать деньги из банка – 43 % против 34 %, полагающих целесообразным хранить свободные средства на банковском депозите»[351].

Практически все попавшие в выборку опроса пессимистично оценили экономическое положение в стране «(«плохая», «напряженная», «тревожная», «нестабильная», «тяжелая» и т. п.)»[352] и предсказывали серьезные трудности в экономике в 2015 году. Условия для формирования сбережений более половины россиян считают неблагоприятными. Среди целей сбережения около половины – это «на старость», «на черный день», «оставить наследство». Финансовая стратегия сбережений россиян не приращение, а сохранение[353]; пессимизм ожиданий результируется в предпочтении высоколиквидных активов, размер

---

[348] Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2011. С. 142–143.
[349] Там же. С. 143.
[350] Александрова О.А., Ярашева А.В. Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 70–79.
[351] Там же. С. 72.
[352] Там же. С. 72.
[353] Там же. С. 70–79.

которых российские домохозяйства считают необходимым увеличивать. Более трети респондентов не доверяют банкам, не склонны инвестировать свои сбережения, а половина опрошенных не предполагают их потратить и на потребление.

Таким образом, в постсоветский период в отечественном научном сообществе усилилось внимание к кейнсианству. Как показал анализ взглядов российских экономистов, актуализация кейнсианской теории объясняется тремя причинами. Первая причина носит идеологический характер и связана с неприятием либерализма в его современной версии. Критика Дж.М. Кейнсом идеи *laissez faire* воспринимается российскими экономистами как концепция, заложившая основу для критики неолиберализма, дающего возможность для неограниченного частного обогащения, игнорирующего общественные интересы и социальную справедливость.

Вторая причина актуализации кейнсианской теории заключается в негативных последствиях российских реформ, выразившихся в деиндустриализации экономики, формировании экспортно-сырьевой модели, невосприимчивой к инновациям, деградации социальной сферы. С этой точки зрения «естественной» альтернативой монетаризму как теоретической основе стратегии и политики проводимых в России реформ выступает кейнсианство, поскольку оно, во-первых, изначально содержит в себе критику неоклассической ортодоксии и в дальнейшем развивалось в постоянной полемике с современными версиями неоклассического направления; во-вторых, содержит в своем твердом ядре положение о необходимости активного вмешательства государства в экономику; в-третьих, кейнсианская теория, по мнению многих отечественных экономистов, более адекватно по сравнению с современной неоклассикой (монетаризмом, теорией предложения) отражает реалии российской экономики.

Третья причина актуализации кейнсианской теории заключается в текущей ситуации в современной России, которую чаще всего характеризуют как стагнацию и которая требует выработки эффективных путей выхода из нее. С этой точки зрения в кейнсианской концепции российские экономисты выделяют

как актуальные на сегодняшний день такие задачи, как: 1) активизация совокупного спроса со стороны государства; 2) уменьшение неопределенности, формирование уверенности и оптимизма у экономических агентов путем проведения предсказуемой макроэкономической политики; 3) разработка и проведение промышленной политики.

Актуальность кейнсианской теории свидетельствует о необходимости и возможности использования инструментария кейнсианской НИП для исследования российской экономики. Этому посвящен второй параграф данной главы.

3.2 Потенциал исследований российских экономистов с точки зрения развития кейнсианской научно-исследовательской программы

Как было показано в предыдущем параграфе, теория Дж.М. Кейнса и его последователей оценивается в отечественных исследованиях как теория, имеющая практическое значение в разных своих аспектах.

В 90-е годы прошлого века процесс освоения отечественными экономистами западной экономической мысли, в том числе и кейнсианства, имел большей частью пассивный характер, заключавшийся в изучении недоступных ранее источников, переводе и простой трансляции иностранной литературы, чаще всего, с минимальным анализом. О теории Дж.М. Кейнса, в формате статей или глав учебной литературы, писали В.Д. Андрианов, С.С. Дзарасов, Н.А. Макашева, И.М. Осадчая, А.Г. Худокормов, Я.С. Ядгаров и другие авторы.

Примером и доказательством интереса к кейнсианству могут служить диссертационные исследования тех лет. Так, основная цель работы 2000 года С.В. Афанасьева[354] – комплексный анализ учения Дж.М. Кейнса. Позднее (в 2009

[354] Афанасьев С.В. Экономическое учение Дж.М. Кейнса : дис. … канд. экон. наук : 08.00.02. М., 2000. 135 с.

году) диссертация А.В. Бархоты[355] имела целью осмыслить теоретическое наследие Р.Ф. Харрода. Представляет интерес проведенный в данной работе анализ личной переписки Р.Ф. Харрода с выдающимися экономистами: Дж.М. Кейнсом, Р. Канном, Нобелевским лауреатом 1977 года Д. Мидом, Д.Х. Робертсоном, Дж. Робинсон и другими. В частности, анализ этой переписки пролил свет на теоретические и методологические вопросы работ Р.Ф. Харрода и Дж.М. Кейнса, ответа на которые ранее в отечественной литературе не было. А именно: анализ личной переписки предоставляет возможность понять позицию Дж.М. Кейнса и Р.Ф. Харрода относительно консервативности языка экономической науки, степени и необходимости крайне критического отношения Кейнса к неоклассическим доктринам и позиции в этом отношении Р.Ф. Харрода.

Репрезентация теории Р. Харрода представлена и в работах В.Е. Маневича. В.Е. Маневич перевел на русский язык монографию Р.Ф. Харрода «Economic Dynamics», впервые опубликованную в 1973 году, которая, как указывалось в первой главе, в сравнении с переведенной в 1959 году работой «К теории экономической динамики» (Toward Economic Dynamics, London, 1948) содержит ряд уточнений ключевых понятий и имеет законченный характер. Однако в российской литературе ранее ссылались на работу 1948 года, а выход монографии 1973 года прошел незамеченным. Во вводной статье к первому изданию В.Е. Маневич кратко излагает суть теории в терминологии книги 1973 года, обращая внимание на уточнения, сделанные Р.Ф. Харродом.

В.Е. Маневич не только представляет теорию Р.Ф. Харрода, но и проводит ее эмпирическую проверку на примере российской экономики, анализируя период с 2002 по 2007 годы. Ее результаты были опубликованы в 2008 году в предисловии к переводу монографии Р.Ф. Харрода (1973 года), а также как глава монографии «Кейнсианская теория и российская экономика» (2010).

В 2013 году в кандидатской диссертации Н.Ю. Аганаевой был проведен аналогичный анализ, но за период с 1995 по 2016 годы (включая прогнозные

[355] Бархота А.В. Зарождение основ макродинамической теории (на примере экономического учения Р.Ф. Харрода) : дис. … канд. экон. наук : 08.00.01. М., 2009. 171 с.

величины). В вычислениях совпадающих исследуемых лет экономисты получили близкие результаты относительно разрыва между обеспеченным (гарантированным) и реальным (фактическим) темпами роста и сделали практически одинаковые выводы. По совпадающим годам исследования, как и по годам, исследуемым только Н.Ю. Аганаевой, обеспеченный (гарантированный) темп роста в два раза превышает реальный (фактический). По поводу прогнозируемых лет Н.Ю. Аганаева приходит к выводу, что разрыв увеличится.

В.Е. Маневич в заключительном абзаце указанной монографии пишет: «Приближение реального темпа роста к обеспеченному темпу, согласно Харроду, может быть достигнуто с помощью денежной и финансовой экспансии. Соответственно, увеличение разрыва между реальным и обеспеченным темпом роста вызывается денежной и финансовой рестрикцией. В определенных условиях денежная и финансовая экспансия может сопровождаться или не сопровождаться инфляцией. Как было выяснено выше, в конкретных условиях российской экономики денежно-финансовая экспансия, в принципе, согласно схеме Харрода, не должна вызвать инфляции»[356]. Аналогичный вывод содержится в диссертации Н.Ю. Аганаевой[357].

Анализируя влияние на темпы роста российской экономики внешней торговли и международного движения капитала, В.Е. Маневич и Н.Ю. Аганаева сходятся во мнении, что Россия упустила выгоды от благоприятной динамики цен мирового рынка, а «рост экспорта за счет сырьевых материалов не только сдерживает технический прогресс, но и повышает среднюю для экономики капиталоемкость выпуска, следовательно, не ускоряет, а замедляет темпы роста»[358].

Что касается международного движения капитала, несмотря на то, что вывоз капитала существенно превышал его ввоз, прибыли зарубежных инвесторов были значительно выше из-за разницы уровней инвестиционных

---

[356] Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2010. С. 125.
[357] Аганаева Н.Ю. Кейнсианские теории экономической динамики: историко-экономический анализ: дис. …канд. экон.наук. Улан-Удэ, 2013. С. 123.
[358] Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2010. С. 119–120.

доходов. Следовательно, как ввоз, так и вывоз капитала сдерживали темпы роста российской экономики[359].

В предыдущем разделе было показано, что проблемы российской экономики – это, прежде всего, вопросы сбережений и инвестиций. В отечественной литературе эта тема не остается без внимания. Так, старший научный сотрудник Центра финансовых рынков НИФИ АБиК Минфина России Л.Ю. Рыжановская в ряде своих статей[360] анализирует кейнсианский подход к регулированию процесса трансформации сбережений населения в инвестиции как альтернативу монетаристскому подходу. Выделяя принципиальные различия в регулировании инвестиционной функции, автор приходит к выводу, что «условиям России больше соответствуют закономерности проявления потребительской функции, открытой Кейнсом. Трудовые доходы для большинства населения в переходной экономике – главный источник средств существования, а заемные операции не настолько распространены, чтобы распределять «перманентный» (постоянный) доход равномерно на все периоды жизни. Кроме того, Кейнс выводил свою теорию абсолютного дохода, ориентируясь на условия депрессивной экономики. Это также ближе для современной России, так как детерминация настоящим в такой период сильнее, чем детерминация прошлым и тем более будущим»[361].

Эту же проблему с кейнсианских позиций, но в более узком смысле, рассматривает М.Ю. Сазыкина, анализируя сбережения домашних хозяйств, а также возможность их использования в качестве источника расширенного воспроизводства. Экономист делает вывод, что в отличие от развитых стран «значительная часть сбережений российских граждан не вовлекается в

---

[359] Там же. С. 120.

[360] Рыжановская Л.Ю. Экономическая теория Дж.М. Кейнса: системный взгляд на сберегательный процесс // Финансы и кредит. 2007. № 27 (267). С. 12–21; Рыжановская Л.Ю. Сбережения и инвестиции: денежный аспект // Финансы и кредит. 2007. № 28 (268). С. 39–48; Рыжановская Л.Ю. Кейнсианский и монетаристский подходы к регулированию сберегательного процесса с помощью денег и займов // Финансы и кредит. 2007. № 33 (273). С. 55–63.

[361] Рыжановская Л.Ю. Кейнсианский и монетаристский подходы к регулированию сберегательного процесса с помощью денег и займов // Финансы и кредит. 2007. № 33 (273). С. 59.

инвестиционный процесс, оставаясь в форме наличных денег на руках у домашних хозяйств»[362].

В.Е. Маневич обращается к теме сбережений и инвестиций в контексте математического моделирования в экономической науке. Анализ, который был проведен совместно с И.С. Букиной, показал, что «наиболее значимыми факторами инвестиционной функции в российской экономике являются реальная ставка процента, вычисленная по «формуле Тобина», и экзогенно задаваемая величина государственных инвестиций, которая вводится в уравнение не только как одна из составляющих агрегированных инвестиций, но и как объясняющая переменная в инвестиционной функции»[363]. Это послужило, очевидно, причиной обращения В.Е. Маневича к проблеме возможности использования модели Дж. Тобина для анализа российской экономики в указанной выше монографии 2010 года. В ней известные варианты моделей Дж. Тобина были модифицированы в «обобщенную модель,… в наибольшей степени приближенную к описанию динамических процессов в российской экономике»[364].

На основе данных официальной статистики В.Е. Маневичем была построена динамическая модель, включающая в себя шесть уравнений, отражающих спрос и предложение реального капитала, денег высокой эффективности, облигаций государственного долга, депозитов, кредитов, иностранных активов. Решение системы уравнений позволяет понять, как изменения экзогенных переменных (переменные, управляемые экономической политикой государства), в конечном счете, повлияют на накопление реального капитала.

Модифицированная модель В.Е. Маневича – не единственная и не первая модель, построенная на основе признанных структурных моделей кейнсианской НИП. В 1998 году А.Е. Мешимбаевой на основе анализа функционирования экономики России была разработана краткосрочная эконометрическая модель

---

[362] Сазыкина М.Ю. Теоретические аспекты формирования сбережений домашних хозяйств // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 6 (25). Режим доступа: http://naukovedenie.ru/PDF/94EVN614.pdf/

[363] Букина И.С., Маневич В.Е. Теоретические основы эконометрического моделирования российской экономики. Инвестиционная функция: Доклад. М., 2014. С. 2.

[364] Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М., 2010. С. 164.

России на основе «чисто» кейнсианского подхода, базирующегося на критическом отношении к возможности применения классических функций. В частности, автор констатирует: «Применение классических производственных функций для описания воспроизводственного процесса экономики России в 1994–1998 гг. не является корректным, поскольку в данном периоде не выполняются предпосылки, положенные в основу известных производственных функций»[365]. Среди них А.Е. Мешимбаева выделяет предпосылки постоянной эластичности замещения между трудом и капиталом, положеные в основу функции Кобба – Дугласа, и постоянного эффекта от масштаба, на котором основаны неоклассические теории роста.

Российская экономика в период построения модели А.Е. Мешимбаевой, как указывает сам автор, являлась трудномоделируемой, так как в период реформ были нарушены основные макроэкономические взаимосвязи, и качество информационной базы было низким. Меняющиеся тенденции развития того времени требовали тщательного отбора как показателей, так и временных отрезков.

Несмотря на это, построенная А.Е. Мешимбаевой краткосрочная модель позволила получить некоторые эмпирические закономерности. В частности, «… инвестиции в основные фонды в промышленности не зависят от объемов получаемой прибыли в промышленности, расходы государственного бюджета не зависят от доходов и т. д.»[366]. Все это привело к тому, что стал невозможен не только рост, но и простое воспроизводство.

Если указанные выше авторы изучали влияние на инвестиции и сбережения монетарных и финансовых факторов, то И.В. Розмаинский изучает влияние на инвестиционную активность феномена фундаментальной неопределенности будущего.

Обращаясь к работам И.В. Розмаинского, следует отметить, что он использует термин «посткейнсианство», имея в виду направление, которое в

---

[365] Мешимбаева А.Е. Статистическое моделирование основных макроэкономических показателей развития России в период реформ : дис. …канд. экон. наук. М., 1998. С. 33.
[366] Там же. С. 109.

настоящем диссертационном исследовании именуется «монетарным кейнсианством».

В отечественной литературе И.В. Розмаинского можно назвать первопроходцем в представлении монетарной ветви кейнсианской НИП, и на сегодняшний день он остается едва ли не единственным экономистом, работающим в этом направлении. Благодаря его работам в отечественной литературе появились обобщенные знания о монетарном кейнсианстве вообще. В трудах И.В. Розмаинского анализируются взгляды как самого Кейнса (на основе непереведенных и переведенных на русский язык работ), так и его последователей, среди них Х. Мински, Т. Пэлли, М. Калецкий и другие.

То, что указанная тематика была «белым пятном» в отечественной научной литературе, наглядно показывает список литературы кандидатской диссертации И.В. Розмаинского[367], который почти полностью состоит из иностранных источников и на 80 % – из непереведенных на русский язык. На момент написания диссертации в отечественной литературе не было ни одной монографии по монетарному кейнсианству ни российских авторов, ни зарубежных, переведенных на русский язык. Не было их тем более по теме, заявленной И.В. Розмаинским: посткейнсианский подход к изучению циклов. Автор не только изучил различные идеи, гипотезы и модели монетарного кейнсианства, касающиеся деловых циклов, но и попытался обобщить и сформулировать общий подход в концепции деловых циклов этой ветви кейнсианства.

Однако И.В. Розмаинский не просто анализирует западные теории, но вместе с тем преломляет эти знания к российской действительности. Во второй главе указывалось, что монетарное кейнсианство основной задачей государства в обеспечение эффективности функционирования рынков видит в формировании системы институтов, уменьшающих неопределенность. Именно эта проблема является одной из главных объектов исследования не только И.В. Розмаинского,

---

[367] Розмаинский И.В. Концепция делового цикла в посткейнсианстве : дис. канд. экон. наук. СПб., 1998. 184 с.

но и А.С. Скоробогатова[368]. В своей совместной статье они так объяснили особую актуальность для российской экономики изучаемых ими вопросов: «Дело в том, что переходный период экономики нередко характеризуется как ситуация идеологического вакуума, который имеет место в результате крушения коммунистической идеологии, с одной стороны, и отсутствия ее общепринятого заменителя, с другой. Подобный идеологический вакуум представляет собой одно из свойств *институциональной конкуренции,* т. е. *конкуренции правил игры,* являющейся неотъемлемой характеристикой переходной экономики»[369]. Однако особому вниманию к институтам можно дать общее для любой экономики объяснение: «Экономика как социальная наука отличается от естественных наук, прежде всего, тем, что изучает социальное взаимодействие, которое нельзя объяснить вне конкретно исторических (институциональных) рамок его осуществления»[370].

И.В. Розмаинский в одной из своих статей предлагает синтезировать подходы посткейнсианства и традиционного институционализма, доказывая, что эти целостные сами по себе теории, дополнив друг друга, могли бы стать «мощной альтернативой неоклассической парадигме». Доводы, приведенные И.В. Розмаинским, не относятся к неоинституциональной теории, хотя автор об этом не упоминает[371].

С другой стороны, А.С. Скоробогатов показывает, что посткейнсианство наполнено институциональным содержанием и может быть вписано в

---

[368] А.С. Скоробогатов вписал «теорию финансовой хрупкости» Х. Мински в неоинституциональную теорию (см.: Скоробогатов А.С. Экономические институты и деловой цикл: посткейнсианский подход : дис. …канд. экон. наук. СПб., 2002. 163 с.)

[369] Розмаинский И.В., Скоробогатов А.С. Инвестиционная близорукость как институциональный ограничитель экономического роста в постсоветской России // Экономическая наука современной России. № 4 (35). 2006. С. 11.

[370] Устюжанина Е.В. Новая экономическая теория: опасность подмены синтеза компиляцией // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: материалы междунар. науч. конф. / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. М., 2014. С. 416.

[371] Розмаинский И. Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 1 (№ 3). 2003. С. 28–35.

неоинституциональную экономику, ставшую частью основного течения экономической науки[372].

Однако практически общепризнанно, что неоинституциональная теория является продолжением неоклассической теории, тогда как традиционный институционализм относится к гетеродоксальному течению. Заметим, что при определенных допущениях и в зависимости от поставленных задач становится возможным найти общие моменты и синтезировать неоинституционализм и традиционный институционализм[373], но в контексте темы диссертационного исследования проблема соотношения посткейнсианства и институционализма может быть решена только на основе подхода И. Лакатоса, а именно: включение в защитный пояс кейнсианской (или любой другой) НИП идей и гипотез других НИП вполне допустимо, если это не противоречит ее твердому ядру. Этот критерий не рассматривается ни И.В. Розмаинским, ни А.С. Скоробогатовым, и именно этим, на наш взгляд, обусловлена полярность их взглядов по поводу места посткейнсианства в структуре экономической науки и возможности его включения в мейнстрим.

Очевидно, что неоинституционализм как одно из течений внутри неоклассической НИП не может быть включен как целое в кейнсианскую НИП (ввиду различий их твердых ядер). Речь может идти только об отдельных гипотезах и фактах, которые получают разное теоретическое обоснование в рамках разных НИП. Это наблюдается, в частности, в вопросе об определении роли институтов в работах Скоробогатова и Розмаинского.

А.С. Скоробогатов выявляет абсолютную взаимосвязь между неопределенностью, институтами и циклической динамикой. Правила разрешают

---

[372] Скоробогатов А. Институты как фактор порядка и как источник хаоса: неоинституциональный и посткейнсианский анализ // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 102–118.

[373] Земляков Д.Н. Традиционный институционализм и новая институциональная теория под одной обложкой (об учебнике «Институциональная экономика» под редакцией Е.В. Устюжаниной) // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 98–103; Дементьев В.В. Методологический индивидуализм vs. методологический холизм институциональной политэкономии? // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2015. № 1. С. 4–19.

онтологическую неопределенность и при этом «… неформальные правила преобразуют структурную неопределенность в деловой цикл, тогда как формальные правила определяют амплитуду различных циклов»[374]. В традиции неоинституционализма рациональный человек способен устранить неопределенность, взяв под абсолютный контроль экономические циклы путем создания определенных институтов.

Кейнсианское видение проблемы отражено в работах И.В. Розмаинского. Кроме институциональной динамики на степень неопределенности будущего влияют различные экономические, социальные и технологические изменения.

Как было показано в первой главе, фундаментальная неопределенность будущего не позволяет принимать решения, полностью основанные на рациональном расчете. И.В. Розмаинский рассматривает «прочие типы поведения», которые «в хозяйственной жизни не предполагают опоры на знания и информацию»[375]. Это, в частности, привычки и рутины в эволюционной теории Р. Нельсона и С. Уинтера. Еще более значимы эмоциональные факторы, «общее психологическое настроение», «жизнерадостность», о которых писали Дж.М. Кейнс, Дж. Ходжсон и, более того, «еще до Дж.М. Кейнса некоторым экономистам неоклассического направления, например, А.С. Пигу, Ф. Лэвингтону, было ясно, что «волны» оптимизма и пессимизма могут играть ведущую роль как причины экономических колебаний»[376]. Ориентация на среднее мнение, предложенное Дж.М. Кейнсом в макроэкономике, и «микроэкономические» эффекты присоединения к большинству, сноба и Веблена, выявленные Х. Лейбенстайном, «тоже могут играть значительную роль в технологической и особенно инвестиционной сфере»[377].

---

[374] Скоробогатов А.А. Институты как фактор порядка и как источник хаоса: неоинституциональный и посткейнсианский анализ // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 116.

[375] Розмаинский И.В. Посткейнсианский анализ характеристик человеческого поведения в условиях макроэкономических, технологических и институциональных изменений // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. Т. 1. № 1. С. 45.

[376] Там же.

[377] Там же. С. 53.

Анализ поведения человека в условиях неопределенности будущего позволил И.В. Розмаинскому сделать вывод, что «даже когда есть основания для формирования рациональных расчетов на будущее, эти расчеты никогда не являются «далекими»»[378]. В связи с этим он вводит понятия «*шот-термизм*» или «*краткосрочная временная ориентация»*, соответствующее такой оценке будущего, которое является следствием неуверенности агента в своих ожиданиях относительно этого будущего, а также «инвестиционная близорукость», характерная для поведения агентов в «семейно-клановом капитализме»[379] как крайний тип шот-термизма. «Инвестиционная близорукость представляет собой не субъективно-психологическую «болезнь» отдельных личностей, а естественную, «органичную» реакцию большинства хозяйствующих субъектов на повышенную степень фундаментальной неопределенности… На практике инвестиционная близорукость проявляется в предпочтении краткосрочных активов долгосрочным, или, точнее говоря, в большом и/или растущем спросе на активы с коротким периодом окупаемости, сопровождающися падением интереса (или его низким уровнем) к активам с длительным периодом окупаемости»[380].

Вкладом в защитный пояс кейнсианской НИП можно считать предложенную И.В. Розмаинским модель эндогенного роста с учетом инвестиционной близорукости, что актуально для реалий российской экономики. За основу экономист взял посткейнсианскую модель эндогенного роста Т. Пэлли, и дополнил ее «анализом причин и последствий закрепления инвестиционной близорукости»[381].

И.В. Розмаинский предложил уравнение, показывающее, что «инвестиции находятся в обратной зависимости от доли денег, хранящихся у «близоруких

---

[378] Розмаинский И.В. Посткейнсианский анализ характеристик человеческого поведения в условиях макроэкономических, технологических и институциональных изменений // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. Т. 1. № 1. С. 48.

[379] Обобщенная характеристика российской экономики (Розмаинский И.В. Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1. С. 59–71).

[380] Розмаинский, И. «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике // Вопросы экономики. 2006. № 9. С. 72.

[381] Там же. С. 79.

инвесторов»»[382]. На величину и динамику доли денег у близоруких инвесторов оказывают влияние несколько факторов.

1. Степень институциональной неадекватности государства – «неспособность или нежелание государства выполнять его институциональные функции. Важнейшими из них являются *спецификация прав собственности* и особенно *защита контрактов*»[383]. При этом неблагоприятная инвестиционная среда с некоторым временным лагом повышает степень неадекватности государства.

2. Склонность к стадному поведению (низкая степень личной ответственности за принимаемые решения) в сочетании с высоким значением доли денег, находящихся у близоруких инвесторов в прошлом.

3. Привлекательность суррогатных средств накопления, зависящая от разности ожидаемой и фактической цены: если ожидается рост цены на суррогатные средства накопления, то их привлекательность повышается.

4. Неблагоприятная экономическая динамика.

Модель И.В. Розмаинского описывает образование «порочного круга долгосрочного спада» вследствие распространения инвестиционной близорукости, что выражается в снижении стимулов к инвестициям в реальные активы длительного пользования. И.В. Розмаинский предполагает, что после «громадных экономических (и социальных) потерь» порочный круг неминуемо разрывается, однако без гарантий «быстрых темпов экономического роста, основанных на инвестициях в основной капитал». Происходит это, когда длительный спад трансформирует «характер ожиданий динамики цен на непроизводственные активы, которые станут непривлекательными»[384]. В России этот круг, по мнению И.В. Розмаинского, разорвался еще в 1998 году, когда рухнули спекулятивные рынки. Дальнейший экономический рост был связан только с благоприятной конъюнктурой мировых цен на нефть.

---

[382] Там же. С. 80.
[383] Там же. С. 75.
[384] Там же. С. 81.

Заметным явлением в современной отечественной экономической мысли стало появление исследований, выполненных в русле левокейнсианства.

Следует отметить, что кроме работ И.М. Осадчей[385] до последнего времени в отечественной литературе не было исследований, посвященных левокейнсианцам. В вышедшем в 2004 году учебном пособии для аспирантов этот пробел попытался восполнить С.С. Дзарасов. Пособие, наряду с работами известных профессоров РАН и МГУ им. Ломоносова, включает в себя впервые переведенные на русский язык работы западных экономистов Дж. Итуэлла, Дж. Робинсон, Дж. Стиглица, Дж. Харкорта, А. Эйхнера, содержащие трактовки левокейнсианцами стоимости, цены, капитала, прибыли, распределения и экономического роста, как через краткое изложение содержания основных трудов, так и через полемику между двумя Кембриджами.

Профессор С.С. Дзарасов (1928–2015) являлся горячим сторонником левокейнсианского направления. Несмотря на то, что в своих работах он использует термин «посткейнсианство», его труды фактически наполнены левокейнсианскими идеями. Так, само существование и выбор странами различных моделей экономического роста С.С. Дзарасов объясняет признанием «законности или незаконности неравенства в распределении общественного богатства. Если такое неравенство естественно и необходимо для прогресса, как утверждает неоклассическая ортодоксия, то логично придерживаться принципа laisser faire. Если, наоборот, надо смягчать существующие неравенства и расширять права граждан на труд и достойный заработок, то этого можно добиться только в рамках регулируемого развития, сознательной увязки высшей цели общества с его спецификой»[386].

Однако если говорить о вкладе в развитие кейнсианской НИП, следует выделить работы других авторов – Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова[387].

---

[385] Осадчая И.М. Критика ссовременных буржуазных теорий экономического роста. М., 1963. 199 с. ; Осадчая И.М. Консерватизм против реформизма: (Две тенденции в буржуазной политэкономии). М., 1984. 223 с.

[386] Дзарасов С. Российский кризис: истоки и уроки // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 74.

[387] Основная работа: Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009. 512 с.

Объектом исследований данных авторов выступает инвестиционное поведение крупного бизнеса, теоретической основой, как указывают сами ученые – подходы и идеи, альтернативные неоклассике: посткейнсианство, современный марксизм, неорикардианство и современный институционализм.

Такая теоретико-методологическая основа, считают авторы, обладает рядом преимуществ, так как позволяет проанализировать социально-экономические отношения, чему препятствует технократизм неоклассики. С точки зрения социального подхода к экономике основным движущим процессом считается борьба классов за распределение национального дохода. Этот факт служит первым признаком отнесения исследований Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова к левокейнсианскому направлению кейнсианской НИП.

Конкретным методом анализа указанных авторов послужила концепция Альфреда Эйхнера. Выбор был обусловлен тем, что последняя описывает поведение типичной крупной компании, преобладающей в структуре российской экономики. А. Эйхнер указывал на то, что его модель адекватна только для стран с развитой рыночной экономикой. Исследования Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова подтвердили это ограничение; ими были выявлены элементы несоответствия модели А. Эйхнера поведению российских предприятий и факторы, их вызывающие.

Во-первых, поведение инсайдеров крупных российских компаний отличается от практики зарубежных корпораций. Во-вторых, управленческая команда корпораций в условиях развитого капитализма ориентирована на долгосрочный рост, а у российских крупных компаний преобладает краткосрочный временной горизонт их деловой стратегии.

Рассмотрим эти несоответствия подробнее.

В крупных корпорациях развитого рыночного капитализма произошло отделение собственности от управления. В теории эта особенность получила отражение в концепции А. Берла и Г. Минза (1932), которые в крупных компаниях выделяли две заинтересованные группы – менеджеров и акционеров.

Сложные взаимодействия между индивидами по поводу использования ресурсов в настоящее время регулируются нормами общего права. Отношения собственников, менеджеров и акционеров в общем праве – есть трастовое (доверительное) отношение, при котором «каждый участник отношений траста в определенном объеме имеет полномочия собственника. Ни один из участников отношений не обладает всей совокупностью правомочий собственности, но каждый из них сохраняет у себя какую-то часть»[388].

Такое распределение полномочий применительно к крупному бизнесу исключает неоклассический постулат о том, что индивид использует свою собственность в стремлении к максимизации только своей выгоды, используя ее наиболее эффективно, так как в крупном бизнесе собственники уступают управление своим капиталом менеджерам. Несмотря на то, что отделение собственности от управления не является абсолютным, реальную ситуацию контролируют менеджеры, поэтому в современных крупных компаниях имеет место инсайдерский контроль.

Понятие инсайдерского контроля – основополагающее в исследованиях Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова, так как, по мнению авторов, в России сложилась именно инсайдерская модель корпоративного управления. При этом авторы отмечают, что «российское» понятие «инсайдер» отличается от зарубежного вследствие радикального отличия российского бизнеса от бизнеса развитых стран, обусловленного особенностями его социокультурных и исторических предпосылок. Дело в том, что в России крупный бизнес формировался не в условиях рационального капитализма и постепенного приращения богатства, а в результате захвата социалистической собственности лицами авантюрного типа[389].

В развитых странах инсайдерами называют работников компании, которые вследствие владения информацией способны принимать взвешенные решения относительно финансовых операций. Имеющиеся случаи многомилионных

---

[388] Олейник А.Н. Институциональная экономика. М., 2000. С. 112.

[389] Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009. С. 173–188.

махинаций инсайдеров с целью получения личной выгоды, по мнению Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова – это эпизодические криминальные ситуации, которые блокируются существующей системой сдержек и противовесов, смягчающей противоречия. В российских же компаниях эта система отсутствует, и конфликты вырываются наружу. Отсутствие классического для развитых стран разделения прав собственности и функций управления является важнейшей характерной особенностью российского бизнеса, определяющей закономерности деятельности типичных российских крупных фирм, вследствие чего термин «инсайдер» приобрел отличное от понимания в развитых странах значение. Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженов инсайдерами обозначают «*собственников крупных пакетов акций, менеджеров разных уровней управления и других лиц, которые контролируют управленческие решения и полностью или частично распоряжаются финансовыми потоками фирм*»[390].

Инсайдеры (в таком понимании) имеют возможность отвлекать средства фирмы для личных целей. Выгода, получаемая вследствие контроля над фирмой, называется инсайдерской рентой, которая не имеет ничего общего с предпринимательским доходом, источником которого является эффективное использование капитала. «Инсайдерская рента извлекается благодаря увеличению эксплуатации рядовых наемных работников, сокращению объемов инвестиций, притеснению миноритарных акционеров, нарушению контрактных обязательств и уклонению от уплаты налогов. Основой таких действий инсайдеров является сочетание экономического и внеэкономического принуждения»[391].

Следует отметить, что проблему инсайдерского контроля с кейнсианских позиций рассматривают не только Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженов. Последние рассматривают проблему инсайдерского контроля и ренты с левокейнсианских позиций: 1) изъятие средств извлечением инсайдерской ренты из возможных инвестиций в пользу личной выгоды (сокращение инвестиционного спроса); 2) за счет снижения доли дохода рабочих (сокращение потребительского спроса). Эту

[390] Там же. С. 189–190.
[391] Там же. С. 191.

же проблему рассматривает И.В. Розмаинский с позиций монетарного кейнсианства. И.В. Розмаинский указывает, что «снижению неопределенности мог бы способствовать такой институт, как адекватная рыночной экономике зрелая корпоративная культура»[392]. В России же этот институт не соответствует рыночной экономике, считает И.В. Розмаинский, и объяснение такой ситуации перекликается с объяснениями Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова: «короткой историей попыток построения рыночной системы в нашей стране, а также самой инвестиционной близорукостью и *инсайдерским контролем*»[393]. А далее И.В. Розмаинский описывает механизм влияния неадекватной корпоративной культуры на воспроизводство неэффективного института инвестиционной близорукости[394]. Таким образом, российские сторонники кейнсианской НИП с разных позиций объясняют, как проблема инсайдерского контроля блокирует возможность долгосрочного экономического роста.

Отделение собственности от управления породило противоречие модели А. Эйхнера с неоклассическим пониманием фирмы как организации. Ортодоксальная теория полагает, что компания максимизирует краткосрочную прибыль, тогда как мегакорпорация А. Эйхнера ориентирована на долгосрочный рост.

Действительно, акционеры, как и собственники маршаллианской организации, ориентированы на краткосрочный рост, так как заинтересованы только в получении дохода от акций. Однако «для управленцев, которые реально контролируют мегакорпорацию, – пишет А. Эйхнер, – рост фирмы во времени является наиболее желательным, поскольку усиливает их власть, престиж и доход»[395]. Управленческая команда не может игнорировать интересы акционеров,

---

[392] Розмаинский И.В., Скоробогатов А.С. Инвестиционная близорукость как институциональный ограничитель экономического роста в постсоветской России // Экономическая наука современной России. 2006. № 4 (35). С. 14.
[393] Там же.
[394] Розмаинский И.В., Скоробогатов А.С. Инвестиционная близорукость как институциональный ограничитель экономического роста в постсоветской России // Экономическая наука современной России. 2006. № 4 (35). С. 15.
[395] Eichner A.S. The macrodynamics of advanced market economies. Armonk, New York, London, 1991. P. 360.

однако на дивиденды направляется не более той части, которая достаточна только для того, чтобы инвесторы не продавали свои ценные бумаги.

Типичный российский инсайдер существует в условиях жесткой борьбы за захват и защиту доминирующего положения на рынке.

Инфраструктура контроля включает в себя запутанную схему владения активами; связь с коррумпированными чиновниками (лоббирование деловых интересов); возмездное покровительство со стороны правоохранительных органов и криминальных структур. Для обеспечения надежного контроля финансовых потоков содержатся раздутые контрольно-ревизионные органы и внутренние службы безопасности[396].

Резюмируя вышеизложенную ситуацию, Р.С. Дзарасов пишет: «Наиболее важным следствием фундаментальной нестабильности, угрожающей положению крупных инсайдеров, является преобладание краткосрочного временного горизонта их деловой стратегии»[397].

Выявленные Р.С. Дзарасовым и Д.В. Новоженовым различия российских крупных фирм и мегакорпораций стран с развитой капиталистической экономикой послужили основой изучения инвестиционного поведения крупного российского бизнеса с внесением изменений в модель А. Эйхнера.

В первой главе указывалось, что А. Эйхнер рассмотрел стоимостное условие роста экономики. Однако так как на накопление капитала оказывает влияние качественная структура ресурсов Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженов считают, что стоимостное условие роста экономики необходимо дополнить технологической стороной[398].

Предпосылку неоклассической интенсивной производственной функции о свободном замещении труда и капитала, критиковала Дж. Робинсон, отмечая, что

---

[396] Дзарасов Р.С. Механизм накопления капитала и инвестиционные стратегии российских корпораций : дис. … д-ра экон. наук [Электронный ресурс]. М., 2010. Режим доступа: http://dzarasov.ru/3-insayderskiy-kontrol-i-celi-rossiyskih-korporaciy-kak-vyrazhenie-rossiyskoy-modeli-korporativnogo (дата обращения 11.05.2017).

[397] Там же.

[398] Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009. С. 92.

для свободы замещения необходима абсолютная однородность факторов производства, и если труд, с натяжкой, можно наделить подобными свойствами, то другие факторы производства совершенно неоднородны[399].

Проблему качественной неоднородности ресурсов в отечественной экономической науке фундаментально разрабатывал академик Ю.В. Яременко (1935–1996). Используя его идею о том, что процесс экономического роста детерминируется уникальным для каждой страны сочетанием эффектов компенсации и замещения[400], Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженов дополнительно к стоимостному условию роста А. Эйхнера сформулировали технологическое условие. «Оно состоит в таком сочетании эффектов компенсации и замещения в экономике, которое при данных относительных ценах обеспечивает полную занятость и максимальные темпы роста»[401].

Анализ механизма функционирования российских корпораций привел Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова к выводу о нарушении стоимостного и технологического условий экономического роста. Это проявляется в механизме диспаритета цен, специфике инсайдерского контроля и связанной с ним диспропорции в распределении доходов, конфликтах сторон, заинтересованных в деятельности фирм[402].

Авторы провели анализ воздействия этих факторов на инвестиционную активность российских корпораций через функции предложения инвестиционных фондов и спроса на инвестиции[403]. Выявленные ограничения потребовали внесения ряда поправок в модель А. Эйхнера.

---

[399] Robinson J. The Accumulation of Capital. London, 1956. 386 p. ; Robinson J. Essays in the theory of economic growth. London, 1962. XI. 138 p.

[400] Эффект компенсации – применение низкопроизводительных ресурсов при недостатке высокопроизводительных. Эффект замещения – применение высокопроизводительных ресурсов взамен низкопроизводительных при наличии доступа и финансовых возможностей.

[401] Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Теория качественной неоднородности ресурсов и условия экономического роста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dzarasov.ru/dzarasov-rs-novozhenov-dv-teoriya-kachestvennoy-neodnorodnosti-resursov-i-usloviya-ekonomicheskogo (дата обращения 11.05.2017).

[402] Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009. С. 342.

[403] Там же. С. 342–367.

Резкое снижение с начала 90-х годов реальной заработной платы рядовых работников происходило одновременно с колоссальным ростом доходов инсайдеров. Продукцию внутреннего производства потребляют преимущественно рядовые работники, составляющие подавляющее большинство. Инсайдеры ориентированы на товары импортного производства, и их доходы позволяют иметь сбережения, которые размещаются за рубежом. В результате сужается емкость рынка товаров отечественного производства, а полученная прибыль не создает инвестиционного фонда. Для мобилизации необходимых инвестиционных средств требуется повышение цены, что повлечет рост издержек внутреннего накопления.

Функция привлечение внешнего финансирования также потребовала внесения поправок в модель Эйхнера, где внешние источники финансирования бесконечно доступны по постоянной внешней ставке процента. Однако согласно принципу «возрастания риска» М. Калецкого, риск разорения фирмы возрастает с ростом величины инвестиций относительно собственного капитала. Банки и заемщики учитывают этот факт, и увеличение объема внешних займов ведет к увеличению взимаемой ставке процента.

Таким образом, не выполняется условие равномерного распределения доходов в модели А. Эйхнера, и «внешний эффект инсайдерской ренты связан с тем, что те же самые фонды теперь доступны по более высокой внутренней и внешней ставке процента»[404].

Существенных поправок в модель А. Эйхнера требует функция спроса на инвестиции[405]. Проведенный анализ показал, что в России сложилась двойственная структура основных секторов экономики, свойственная странам периферийного капитализма. Первый сектор – предприятия отраслей, работающих на экспорт (топливная промышленность, черная и цветная металлургия). «Именно непомерный рост цен на товары и услуги этого сектора

[404] Там же. С. 343.
[405] Там же. С. 348–367.

стал основной причиной искажения стоимостных пропорций в России»[406]. Цены на товары внутреннего проса определяют рентабельность отраслей второй группы, что в несколько раз ниже рентабельности отраслей первой группы.

Инвестиционные возможности «привилегированных» отраслей достаточно большие, однако они могли быть значительно выше, если бы не инсайдерский контроль и конфликты. В результате инвестиционные возможности отраслей второй группы ниже, чем у зарубежных конкурентов, и дают возможность лишь поддерживать и незначительно улучшать активы. Диспаритет цен снижает инвестиционные возможности отраслей второй группы до уровня, когда предприятия не способны даже поддерживать активы. Таким образом, диспаритет цен и инсайдерский контроль привели к разнице потенциальной и реальной инвестиционной функции всего корпоративного сектора экономики, которая «… отражает сужение технологических возможностей по достижению устойчивого роста народного хозяйства; неиспользуемые качественные и массовые ресурсы; снижение восприимчивости к достижениям научно-технического прогресса»[407].

В целом, отечественные научные изыскания могут способствовать устранению пробелов в защитном поясе кейнсианства. Речь идет о так называемых «кейнсианских»[408] теориях и моделях становления рыночной экономики, активная работа над которыми велась с 50-х годов прошлого столетия[409]. В 70-е годы эти исследования получили конкретизацию с целью увязать развитие внутреннего накопления стран третьего мира и внешних источников. «Было составлено около 30 практических моделей модернизации для ЮНКТАД и 10 – для ЭСКАТО»[410]. На практике рекомендации привели к противоположным результатам, предсказываемым в моделях. Следует отметить, что модели были разработаны на основе работ экономистов стран развитых

[406] Там же. С. 141–142.
[407] Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009. С. 366.
[408] Термин взят в кавычки, поскольку вопрос о том, насколько эти модели были кейнсианскими, является до сих пор спорным.
[409] Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008. С. 31–69.
[410] Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008. С. 68.

экономик. Возможно, поэтому не были учтены социальные, экономические и институциональные особенности развивающихся стран. Выявляя особенности функционирования российской экономики, исследования отечественных экономистов, придерживающихся кейнсианской традиции, содержат потенциал развития кейнсианской НИП в смысле дополнения ее теориями развития.

Обращаясь к отечественной экономической мысли последнего десятилетия нельзя не заметить тенденции реактуализации теории К. Маркса. В рамках этой тенденции выделяются, в частности, попытки соединения кейнсианской и марксисткой методологий исследования с целью создания адекватной современным реалиям теории. В.Т. Рязанов объясняет это тем, что «позиции данных научных школ в определении объективных причин наступления кризисных обвалов при капитализме во многом совпадают, что дает возможность для соединения их потенциала в целях разработки версии постмарксистского (марксистско-кейнсианского) синтеза»[411]. Как проверку или подтверждение теории Маркса рассматривает теорию Дж.М. Кейнса А.В. Сорокин[412]. Р.М. Хайкин, А.С. Дерунец и А.В. Евдокимова делают попытку показать, что теория Дж.М. Кейнса есть развитие и продолжение теории К. Маркса[413].

Известно, что Дж.М. Кейнс не обращался к работам К. Маркса; несмотря на это, их теории содержат некоторые общие моменты. Согласимся с В.Т. Рязановым в том, что в объяснении причин кризиса оба экономиста опираются на особенности функционирования капитала. «Если исходить из того, – пишет В.Т. Рязанов, – что накопление капитала происходит на основе обеспечения прибыльности, то тогда для двух научных школ тождественен подход, определяющий в общем плане причины кризиса в хроническом противоречии

---

[411] Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016. С. 116.

[412] Сорокин А.В. Кейнсианская проверка теории Маркса // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 93–105.

[413] Хайкин Р.М., Дерунец А.С., Евдокомова А.В. Маркс и Кейнс. Сопоставление, взаимосвязь и предпосылка к анализу // Успехи в химии и химической технологии. Т. XXVII. 2013. № 8. С. 46–52.

между производственным потенциалом и возможностями потребления»[414]. Следовательно, один из постулатов твердого ядра кейнсианской НИП (уровень занятости и выпуска продукции определяется эффективным спросом) по крайней мере неявно присутствует и в теории К. Маркса.

Однако подходы К. Маркса и Дж.М. Кейнса имеют отличия, которые, с точки зрения методологии И. Лакатоса, имеют решающее значение в вопросе о возможности включения постмарксистского синтеза в защитный пояс кейнсианской НИП.

1. Снижение нормы прибыли у К. Маркса, падение предельной эффективности капитала у Дж.М. Кейнса образуют «две стороны общего процесса – появление избыточного капитала, тем самым обусловливая наступление кризиса перепроизводства»[415]. В то же время, если действующий ограничитель в предпринимательской экономике «для Маркса – противоречивый характер самовозрастания капитала (иначе говоря, противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения), то у Дж.М. Кейнса – неопределенность будущего, влияющая на колебания совокупного спроса и изменения предельной эффективности капитала»[416].

2. Второе отличие заключается, как пишут О.Ю. Мамедов и Е.В. Ткачева, в разной оценке будущего капитализма: по К. Марксу, он умирает; «по Кейнсу – жить будет, но на «лекарстве» (благодаря общественному регулированию)»[417].

Названные отличия исключают возможность разработки постмарксистского синтеза как *одной из теорий защитного пояса кейнсианской НИП*. Более логичным представляется вопрос о включении его в марксистскую

---

[414] Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016. С. 156.
[415] Там же. С. 157.
[416] Там же. С.158.
[417] Мамедов О.Ю., Ткачева Е.В. Кейнсианство: политико-экономические грани // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 161–169.; Алиев В.Г. Марксизм, кейнсианство, монетаризм: борьба идей в поисках истины // Вестник Дагестанского государственного университета. 2004. Вып. 2. С. 8.

НИП, рассмотрение возможности которого выходит за рамки предмета настоящего исследования.

Таким образом, анализ работ отечественных экономистов кейнсианской ориентации показал, что основной тенденцией до настоящего времени остается процесс освоения теоретического наследия Дж.М. Кейнса и его последователей. Однако этот процесс уже со второй половины 90-х приобрел не только «ученический», но и исследовательский характер: одновременно с изучением и освоением кейнсианских идей российские экономисты проводят на их основе анализ отечественной экономики, учитывающий ее особенности и позволяющий сформулировать некоторые эмпирические закономерности (А.Е. Мешимбаева, В.Е. Маневич). Кроме того, российские экономисты вносят существенные дополнения в исходные модели и теории (И.В. Розмаинский, Р.С. Дзарасов, Д.В. Новоженов).

В результате на примере российской экономики эмпирическое подтверждение получили модели Р. Харрода и Дж. Тобина, А. Эйхнера, кейнсианские функции потребления, сбережений и инвестиций. Создана модель эндогенного роста с учетом инвестиционной близорукости, описывающей образование «порочного круга долгосрочного спада». Внесение изменений в модель А. Эйхнера позволило создать модель инвестиционного поведения крупного российского бизнеса с учетом особенностей инсайдерского контроля и образования ренты. Все это позволяет сделать вывод о возможном вкладе отечественных экономистов в развитие кейнсианской НИП путем создания теоретических и эмпирических основ теории развития как отдельного направления в ней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги диссертационного исследования, сформулируем основные выводы. Кейнсианская революция 30-х годов XX века означала появление в экономической теории новой научно-исследовательской программы. Анализ ее формирования и развития требует выявления прежде всего ее твердого ядра как совокупности неопровержимых постулатов, которые отражают существенные связи, свойства и закономерности предмета исследования и в совокупности картину экономической реальности как целостное видение экономики (экономическая онтология).

Анализ содержания теоретической системы Дж.М. Кейнса как исходной базы НИП позволил выделить ее твердое ядро: 1) уровень занятости и выпуска продукции определяется эффективным (совокупным) спросом; 2) экономические агенты делают выбор в условиях неопределенности будущего; 3) нестабильная рыночная экономика требует государственного вмешательства, направленного на регулирование эффективного спроса.

Стратегия развития НИП задается ее положительной и отрицательной эвристиками. Отрицательная эвристика кейнсианской НИП, которая во многом определила ее твердое ядро, содержит следующие принципы: отказ от принципов методологического индивидуализма и рационального поведения человека в узком значении; отрицание «классической дихотомии» и жесткого разделения экономики на реальную и денежную сфер; отрицание закона Сэя; отрицание существования только добровольной безработицы; отрицание способности рыночной экономики к саморегулированию; отказ от рассмотрения экономики как совокупности отдельных экономических агентов; отрицание достижимости равновесия одновременно на всех рынках.

Программа дальнейших исследований в рамках той или иной НИП, в той или иной степени предполагается положительной эвристикой. Основные принципы ее, выделенные в работе, включают в себя: макроэкономический подход; широко понимаемый принцип рациональности поведения человека; признания влияния денежных факторов на реальный сектор экономики; требование анализа уровня занятости в зависимости от склонности к потреблению, предельной эффективности капитала и предпочтения ликвидности; признание вынужденной безработицы, принцип рассмотрения макроэкономического равновесия через механизм трансформации сбережений в инвестиции; рассмотрение спроса на деньги как функции предпочтения ликвидности, крайне неустойчивой в условиях неполной занятости; признание значимости психологических характеристик рыночных агентов и их коллективных «инстинктов» (ожиданий и предположений), учет институциональных особенностей функционирования рынков.

С учетом выделенных основных положений твердого ядра и эвристики репрезентация кейнсианской картины исследуемой реальности (онтологии) будет выглядеть следующим образом: экономика представляет собой систему, фундаментальной характеристикой которой является неопределенность, институциональные особенности которых вкупе с поведенческими характеристиками действующими на них агентов исключают автоматическое регулирование рынков путем ценовой настройки, порождают колебания деловой активности, недостаток эффективного спроса и необходимость активного вмешательства государства в их функционирование.

До 1960 года кейнсианцами были выдвинуты основные идеи и теории, которые сформировали защитный пояс вокруг твердого ядра кейнсианской НИП и которые обеспечили теоретически и эмпирически прогрессивный сдвиг проблем в ее рамках. Защитный пояс в этот период состоял из:

1) концепции относительного дохода Дж. Дьюзенберри, успешно объяснившей аномалии или опровержения кейнсианской теории потребления,

вытекавшие из ее эмпирических проверок, и прошедшей несколько эконометрических проверок;

2) концепции роста Р.Ф. Харрода, основанной на разграничении различных типов (траекторий) роста, обосновавшей маловероятность стабильного роста экономики, и положившей начало всем современным теориям роста;

3) монетарной динамической модели Дж. Тобина, углубившей кейнсианскую теорию предпочтения ликвидности путем ввода в анализ всех видов финансовых и реальных активов, введения в научный оборот новой категории «фактора q», оказавшей большое влияние на финансовую науку (теорию финансов) и макроэкономическую политику.

Кризис кейнсианства в 70-е годы гносеологически был связан с «петлянием» кривой Филлипса, которая была выдвинута в рамках неоклассического направления и вписана в ее модель. Анализ показал, что неоклассический синтез не является теорией защитного пояса кейнсианской НИП, поскольку его основные положения противоречат твердому ядру последней. В соответствии с методологией И. Лакатоса, кейнсианская НИП столкнулась в это время с «кажущимися опровержениями». Программа развития кейнсианской НИП, выраженная в ее положительной эвристике, послужила основой создания новой версии кейнсианства – посткейнсианства, которое выдвинуло новые гипотезы, не позволившие разрушить твердое ядро.

Для защиты твердого ядра кейнсианской НИП посткейнсианцами было сформулировано несколько важных концепций защитного пояса:

1) гипотеза рыночной экономики как экономики неравновесия, заложившая основы экономической теории неравновесия;

2) концепция капиталистической рыночной экономики как денежной экономики, обосновавшая вынужденную безработицу специфическими свойствами денег и показавшая, что рынок характеризуется неопределенностью будущего, невозможностью рациональных ожиданий, институтами, снижающими неопределенность (деньги, форвардные контракты, государство);

3) гипотеза финансовой хрупкости, обосновавшая ключевую роль финансового сектора в макроэкономических колебаниях и прошедшая эмпирическую проверку на примере кризисов 1997–1998 и 2008–2010 годов;

4) концепция накопления капитала, в соответствии с которой экономический рост определяется распределением доходов между общественными классами.

Кризис 2008–2009 годов дал экономической науке новый термин – «новая нормальность (реальность)», который требовал осмысления и встраивания в концептуальную схему той или иной теории. Анализ взглядов на «новую нормальность (реальность)» показал, что выделяются два подхода: 1) новая нормальность как отражение мирового финансово-экономического кризиса и затяжного посткризисного периода; 2) новая реальность как процесс изменения парадигмы экономического развития. Первый подход получил широкое отражение в западной литературе и, в частности, среди посткейнсианцев. Известные экономисты показали, что ситуация, названная «новой нормальностью», была предсказуема, если только обратиться к положениям твердого ядра и теориям защитного пояса кейнсианской НИП.

Можно выделить две основные причины кризиса, которые в цепочке взаимных причинно-следственных связей порождали и усиливали друг друга. Это рост неравенства в распределении доходов и разросшиеся финансовые рынки, работающие в условиях дерегулирования.

Росту неравенства способствовало построение экономики без государственного принуждения бизнеса; финансовое дерегулирование, обусловившее перетекание капиталов из производственной сферы в финансово-спекулятивную сферу; вывод производства из стран с развитой капиталистической экономикой в страны с низкой оплатой труда. Вследствие этого в развитых капиталистических странах обеспеченный доходами совокупный спрос стал отставать от совокупного предложения и обеспечивался за счет кредитования.

Доходность от инвестиций в реальном секторе стала падать, что спровоцировало рост финансово-спекулятивного капитала, в который перераспределялись доходы из реального сектора экономики. Экономическая власть перерастала во власть политическую, принимались решения по дальнейшему дерегулированию финансового рынка и либерализации рынка, что позволило применять финансовые инновации, приведшие к росту рискованных кредитных операций. Не только внутри стран, но и в рамках мирового хозяйства потребление росло на основе задолженности. Раздутый финансовый пузырь неминуемо должен был лопнуть, что и произошло в действительности.

Проведенный в работе анализ показал, что в ходе осмысления причин и механизма кризиса и посткризисного развития экономики эмпирическое подтверждение получили: 1) теория Дж. Дьюзенберри; 2) теория Х.Ф. Мински; 3) тезис о том, что нерегулируемый государством совокупный спрос может упасть значительно ниже уровня эффективного спроса. В целом, экономисты, показав механизм возникновения ситуации «новой нормальности», обеспечили прогрессивный эмпирический сдвиг проблем и тем самым – развитие кейнсианской НИП.

В экономической мысли постсоветского периода существует тенденция рецепции кейнсианских идей. Анализ взглядов российских экономистов показал, что актуализация кейнсианской теории в постсоветский период объясняется тремя причинами: 1) идеологическая, связанная с неприятием либерализма в его современной версии; 2) восприятие кейнсианства как альтернативы либерально-монетаристской модели реформирования российской экономики, реализация которой дала негативные результаты; 3) восприятие кейнсианства как основы для выработки эффективных путей выхода российской экономики из состояния стагнации.

Анализ работ отечественных экономистов кейнсианской ориентации показал, что основной тенденцией до настоящего времени остается процесс освоения теоретического наследия Дж.М. Кейнса и его последователей. Однако этот процесс уже со второй половины 90-х приобрел не только «ученический», но

и исследовательский характер: одновременно с изучением и освоением кейнсианских идей российские экономисты проводят на их основе анализ отечественной экономики, учитывающий ее особенности и позволяющий сформулировать некоторые эмпирические закономерности (А.Е. Мешимбаева, В.Е. Маневич). Кроме того, российские экономисты вносят существенные дополнения в исходные модели и теории (И.В. Розмаинский, Р.С. Дзарасов, Д.В. Новоженов).

В результате на примере российской экономики эмпирическое подтверждение получили модели Р. Харрода, Дж. Тобина, А. Эйхнера, кейнсианские функции потребления, сбережений и инвестиций. Создана модель эндогенного роста с учетом инвестиционной близорукости, описывающей образование «порочного круга долгосрочного спада». Внесение изменений в модель Эйхнера позволило создать модель инвестиционного поведения крупного российского бизнеса с учетом особенностей инсайдерского контроля и образования ренты. Все это позволяет сделать вывод о возможном вкладе отечественных экономистов в развитие кейнсианской НИП путем создания теоретических и эмпирических основ теории развития как отдельного направления в ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдокушин, Е. Ф. «Новая нормальность» мировой экономики и пути ее преодоления / Е. Ф. Авдокушин // Вопросы новой экономики. – 2016. – № 1 (37). – С. 17–23.

2. Автономов, В. Модель человека в экономической науке / В. Автономов. – СПб. : Экономическая школа, 1998. – 230 с.

3. Аганаева, Н. Ю. Кейнсианские теории экономической динамики: историко-экономический анализ : дис. … канд. экон. наук : 08.00.01 / Аганаева Надежда Юрьевна. – Улан-Удэ, 2013. – 171 с.

4. Александрова, О. А. Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения / О. А. Александрова, А. В. Ярашева // Вопросы статистики. – 2016. – № 5. – С. 70–79.

5. Алиев, В. Г. Марксизм, кейнсианство, монетаризм: борьба идей в поисках истины / В. Г. Алиев // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2004. – Вып. 2. – С. 5–12.

6. Ананьин, О. И. Структура экономико-теоретического знания : Методологический анализ / О. И. Ананьин. – М. : Наука, 2005. – 244 с.

7. Ананьин, О. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества / О. Ананьин // Вопросы экономики. – 1992. – № 10. – С. 81–99.

8. Ананьин, О. Экономические онтологии и экономические институты / О. Ананьин // Федерализм. – 2013. – № 1 (69). – С. 75–100.

9. Андрианов, В. Государственное регулирование и механизмы саморегуляции в рыночной экономике (мировой опыт и Россия) / В. Андрианов // Вопросы экономики. – 1996. – № 6. – С. 28–39.

10. Андрианов, В. Государство или рынок? Кейнсианство или монетаризм? / В. Андрианов // Общество и экономика. – 2008. – № 10–11. – С. 129–146.

11. Афанасьев, М. П. «Общая теория» Дж. М. Кейнса: истоки и будущность (к 75-летию со дня первой публикации) / М. П. Афанасьев // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2011. – № 1. – С. 151–156.

12. Афанасьев, С. В. Экономическое учение Дж. М. Кейнса : дис. … канд. экон. наук : 08.00.02 / Афанасьев Сергей Викторович. – М., 2000. – 135 с.

13. Афонцев, А. Мировая экономика в поисках новой модели роста / А. Афонцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 3–12.

14. Бажанов, А. В. Переосмысливая И. Лакатоса заново / А. В. Бажанов // Вопросы философии. – 2009. – № 8. – С. 92–97.

15. Баликоев, В. З. Кривая Филлипса: миф или реальность? / В. З. Баликоев // Сибирская финансовая школа. – 2012. – № 3 (92). – С. 3–9.

16. Бархота, А. В. Зарождение основ макродинамической теории (на примере экономического учения Р. Ф. Харрода) : дис. … канд. экон. наук : 08.00.01 / Бархота Андрей Валерьевич. – М., 2009. – 171 с.

17. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг ; пер. с англ. 4-е изд. ; науч. ред. В. С. Автономова. – М. : Дело Лтд, 1994. – 720 с.

18. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг ; пер. с англ. ; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. – М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.

19. Блауг, М. 100 великих экономистов после Кейнса / М. Блауг ; пер. с англ. под ред. М. А. Сторчевого. – СПб : Экономическая школа, 2008. – 384 с.

20. Бодкин, Р. Кейнсианские эконометрические концепции: потребительские и инвестиционные функции; мультипликатор / Р. Бодкин // Современная экономическая мысль : пер. с англ. / общ. ред. В. С. Афанасьева и Р. М. Энтова ; вступ. ст. В. С. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1981. – С. 122–159.

21. Бодрунов, С. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации РФ / С. Бодрунов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 10. – С. 94–104.

22. Бузгалин, А. Либерализация versus модернизация / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 1997. – № 8. – С. 38–56.

23. Букина, И. С. Теоретические основы эконометрического моделирования российской экономики. Инвестиционная функция: Доклад / И. С. Букина, В. Е. Маневич – М. : Институт экономики РАН, 2014. – 106 с.

24. Букина, И. С. Макроэкономическая ситуация и денежно-финансовая политика в России / И. С. Букина, В. Е. Маневич // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2014. – № 2. – С. 17–31.

25. Вайнтрауб, С. Хиксианское кейнсианство: величие и упадок / С. Вайнтрауб // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.) и др.; вступ. статья Я. И. Кузьминова. – М. : ГУ-ВШЭ, 1998. – С. 91–121.

26. Воейков, М. Экономическая теория для России / М. Воейков // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 2. – С. 192–197.

27. Гайдаровский форум–2012. Россия и мир : 2012–2020 : мат. междунар. науч.-практ. конф. – М. : Ин-т Гайдара, 2012. – 212 с.

28. Глазьев, С. Ю. Нищета и блеск российских монетаристов. Ч. 1 / С. Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. – 2015. – № 2 (69). – С. 7–21.

29. Глазьев, С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике / С. Глазьев // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 13–29.

30. Глазьев, С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов / С. Глазьев // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 26–38.

31. Гловели, Г. Д. История экономических учений / Г. Д. Гловели. – М. : Юрайт, 2013. – 777 с.

32. Григорьев, Л. М. Размытая граница оживления и подъема мировой экономики / Л. М. Григорьев // Экономика. Налоги. Право. – 2014. – № 2. – С. 4–10.

33. Григорьев, Л. Теория цикла под ударом кризиса / Л. Григорьев, А. Иващенков // Вопросы экономики. – 2010. – № 10. – С. 31–55.

34. Гурова, И. П. Конкурирующие экономические теории / И. П. Гурова. – Ульяновск : УлГУ, 1998. – 180 с.

35. Делягин, М. Российский либерализм: интеллектуальный паралич и угроза развитию / М. Делягин // Российский экономический журнал. – 2015. – № 5. – С. 63–78.

36. Дементьев, В. В. Методологический индивидуализм vs. методологический холизм институциональной политэкономии? / В. В. Дементьев // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. – 2015. – № 1. – С. 4–19.

37. Дзарасов, Р. С. Теория качественной неоднородности ресурсов и условия экономического роста [Электронный ресурс] / Р. С. Дзарасов, Д. В. Новоженов. – Режим доступа : http://dzarasov.ru/dzarasov-rs-novozhenov-dv-teoriya-kachestvennoy-neodnorodnosti-resursov-i-usloviya-ekonomicheskogo (дата обращения 11.05.2017).

38. Дзарасов, Р. С. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России / Р. С. Дзарасов, Д. В. Новоженов. – Изд. 2-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 512 с.

39. Дзарасов, Р. С. Механизм накопления капитала и инвестиционные стратегии российских корпораций: дис. … д-ра экон. наук : 08.00.01 [Электронный ресурс] / Дзарасов Руслан Солтанович. – М., 2010. – Режим доступа: http://dzarasov.ru/3-insayderskiy-kontrol-i-celi-rossiyskih-korporaciy-kak-vyrazhenie-rossiyskoy-modeli-korporativnogo (дата обращения 11.05.2017).

40. Дзарасов, Р. С. Экономика «насаждения отсталости». К действительным причинам реформы РАН / Р. С. Дзарасов // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84. – № 4. – С. 291–303.

41. Дзарасов, С. С. Современные проблемы развития и преподавания экономической теории / С. С. Дзарасов // Теория капитала и экономического роста : учеб. пособие / под. ред. С. С. Дзарасова. – М. : МГУ, 2004. – С. 11–68.

42. Дзарасов, С. С. Михаил Калецкий: интеллектуальное наследие / С. С. Дзарасов // Экономическая наука современной России. – 1999. – № 3. – С. 151–168.

43. Дзарасов, С. В тупике нерыночного капитализма (ограниченность монетаристских методов экономической стабилизации) / С. Дзарасов // Вопросы экономики. – 1997. – № 8. – С. 73–90.

44. Дзарасов, С. Российские реформы и экономическая теория / С. Дзарасов // Вопросы экономики. – 2002. – № 7. – С. 26–43.

45. Дзарасов, С. С. Посткейнсианская альтернатива / С. С. Дзарасов // Теория капитала и экономического роста : учеб. пособие / под ред. С. С. Дзарасова. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – С. 35–49.

46. Дзарасов, С. Посткейнсианство и инновационная модель развития / С. Дзарасов // Экономист. – 2008. – № 4. – С.67–77.

47. Дзарасов, С. Российский кризис: истоки и уроки / С. Дзарасов // Вопросы экономики. – 2009. – № 8. – С. 69–84.

48. Дзарасов, С. Куда Кейнс зовет Россию? / С. Дзарасов. – М. : Алгоритм, 2012. – 304 с.

49. Дин, Ф. Роль истории экономической мысли / Ф. Дин // Панорама экономической мысли конца XX столетия : в 2 т. / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта ; пер. с англ. под ред. В. С. Автономова, С. А. Афонцева. – СПб : Экономическая школа, 2002. – Т. 1. – С. 28–58.

50. Доклад об экономике России № 35. Апрель 2016: долгий путь к восстановлению [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2016/04/06/russia-economic-report-35 (дата обращения 09.09.2016).

51. Доу, Ш. Психология финансовых рынков: Кейнс, Мински и поведенческие финансы / Ш. Доу // Вопросы экономики. – 2010. – № 1. – С. 99–113.

52. Дэвидсон, П. Посткейнсианская школа в макроэкономической теории / П. Дэвидсон // Вопросы экономики. – 2006. – № 8. – С. 82–101.

53. Дэвидсон, П. Посткейнсианская теория денег и проблема инфляции // Современная экономическая мысль : пер. с англ. / общ. ред. В. С. Афанасьева и Р. М. Энтова ; вступ. ст. В. С. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1981. – С. 398–429.

54. Журавлева, Г. П. Новая реальность XXI века: в мире и России / Г. П. Журавлева // Научно-аналитический журнал «Наука и практика» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2017. – № 4 (28). – С. 6–23.

55. Земляков, Д. Н. Традиционный институционализм и новая институциональная теория под одной обложкой (об учебнике «Институциональная экономика» под редакцией Е. В. Устюжаниной) / Д. Н. Земляков // Российский экономический журнал. – 2016. – № 3. – С. 98–103.

56. Идрисов, Г. Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? / Г. Идрисов, С. Синельников-Мурылев // Вопросы экономики. – 2014. – № 3. – С. 4–20.

57. История экономических учений: (современный этап) : учебник / под общ. ред. А. Г. Худокормова. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 733 с.

58. История экономических учений : учебное пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 784 с.

59. Исторические судьбы учения Дж.М. Кейнса : монография / коллектив авторов ; под ред. Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова. – М. : КНОРУС, 2019. – 266 с.

60. Карачаровский, В. О проблеме технологической модернизации в России: частные интересы бизнеса vs стратегические задачи экономики / В. Карачаровский // Общество и экономика. – 2009. – № 10. – С. 3–21.

61. Кейнс, Дж.М. Метод профессора Тинбергена / Дж.М. Кейнс // Вопросы экономики. – 2007. – № 4. – С. 37–45.

62. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс ; пер. с англ. Н. Н. Любимова ; вступ. ст. И. Н. Панина. – М. : Гелиос АРВ, 2011. – 352 с.

63. Кейнс, Дж. М. Конец laissez-faire / Дж. М. Кейнс // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.) и др.; вступ. ст. Я. И. Кузьминова. – М. : ГУ-ВШЭ, 1998. – С. 260 – 279.

64. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости / Дж. М. Кейнс // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.) и др.; вступ. статья Я. И. Кузьминова. – М. : ГУ-ВШЭ, 1998. – С. 280–292.

65. Клауэр, Р. Кейнсианская контрреволюция: теоретическая оценка / Р. Клауэр // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.) и др.; вступ. статья Я. И. Кузьминова. – М. : ГУ-ВШЭ, 1998. – С. 308–333.

66. Клисторин, В. И. Карл Маркс и марксистская политическая экономия / В. И. Клисторин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2014. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 138–149.

67. Ковнир, В. Н. Актуальность теории Кейнса в XXI веке / В. Н. Ковнир, Е. А. Погребинская // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – Т. 11. – Вып. 4. – С. 34–44.

68. Ковнир, В. Н. Политика доходов и социальное неравенство в РФ / В. Н. Ковнир, Т. Н. Рысина // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2011. – № 3. – С. 27–43.

69. Коддингтон, А. Кейнсианская экономическая теория: в поисках главных принципов / А. Коддингтон // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.) и др.; вступ. статья Я. И. Кузьминова. – М. : ГУ-ВШЭ, 1998. – С. 334–356.

70. Комарова, И. П. Парадоксы бюджетной политики РФ в условиях макроэкономической неопределенности / И. П. Комарова // Экономика образования. – 2015. – № 1. – С. 43–50.

71. Коэн, А. Судьба дискуссии двух Кембриджей о теории капитала / А. Коэн, Дж. Харкурт // Вопросы экономики. – 2009. – № 8. – С. 4–27.

72. Красильников, А. С. Анализ развития теории экономического роста / А. С. Красильников // Экономические науки. – 2007. – № 1 (26). – С. 60–66.

73. Красильников, А. С. Развитие теории экономического роста в XX веке : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Красильников Александр Сергеевич. – М., 2007. − 29 с.

74. Кругман, П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата / П. Кругман ; пер. с англ. В. Н. Егорова под общ. ред. М. Г. Делягина, Л. А. Амелехина. – М. : Эксмо, 2009. – 336 с.

75. Кругман, П. Выход из кризиса есть! / П. Кругман. – М. : Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013. – 170 с.

76. Кудрин назвал основные препятствия для роста российской экономики [Электронный ресурс] // РБК. – 2017. – 11 апреля. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/11/04/2017/58ec91d99a794783e306d365?from=newsfeed (дата обращения 25.01.2018).

77. Кусургашева, Л. В. Логико-методологический и историко-научный анализ экономической теории / Л. В. Кусургашева; ГУ КузГТУ. – Кемерово, 2004. – 162 с.

78. Кусургашева, Л. В. Картина исследуемой реальности: место и роль в развитии экономической теории / Л. В. Кусургашева // Россия в контексте реалий глобальной экономики : сб. науч. тр. / редкол.: Н. В. Осокина, В. А. Логачев; Кузбасс. гос. техн. ун-т. – Кемерово, 2005. – С. 26–32.

79. Кусургашева, Л. В. Теория Дж.М. Кейнса и структура экономической науки: необходимость трансформации / Л. В. Кусургашева // Россия в контексте реалий глобальной экономики : сб. науч. тр. Вып. 4 / редкол.: Н. В. Осокина, В. А. Логачев. – Кемерово: Кузбас. гос. техн. ун-т, 2008. – С. 20–29.

80. Кусургашева, Л. В. Кейнсианская научно-исследовательская программа в контексте «новой нормальности» / Л. В. Кусургашева, С. Н. Черновол // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 4 (60). – С. 50–57.

81. Лакатос, И. Методология исследовательских программ / И. Лакатос ; пер. с англ. – М. : АСТ ; Ермак, 2003. – 380 с.

82. Леонтьева, Л. С. Склонность к сбережению и инвестирование в инновационной экономике / Л. С. Леонтьева, Е. Ф. Никитская // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2012. – № 2. – С. 65–69.

83. Маевский, В. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства / В. Маевский, С. Малков // Вопросы экономики. – 2014. – № 4. – С. 137–155.

84. Макашева, Н. А. Еще раз о революции Дж.М. Кейнса (опыт построения макроэкономической теории для экономики с неопределенностью) / Н. Макашева // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 143–154.

85. Макашева, Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е гг.): революция и рост научного знания / Н. Макашева // Истоки : Из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Автономов (зам. гл. ред.), О. И. Ананьин и др. – 2-е изд. – М. : ГУ ВШЭ. – 2007. – 533 с.

86. Макашева, Н. Неопределенность, вероятность, этика: Дж.М. Кейнс, Л. Мизес, Ф. Найт / Н. Макашева // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 47–65.

87. Мальцев, А. А. Методологический ландшафт истории экономических учений: новые историографические альтернативы и возможности / А. А. Мальцев // Вестник Московского университета. – Серия 6. Экономика. – 2016. – № 1. – С. 44–63.

88. Мамедов, О. Ю. Кейнсианство: политико-экономические грани / О. Ю. Мамедов, Е. В. Ткачева // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 4. – С. 161–169.

89. Манахова, И. В. Трансформация потребления в информационной экономике : дис. … д-ра. экон. наук : 08.00.01 / Манахова Ирина Викторовна. – М., 2014. – 401 с.

90. Маневич, В. Е. Вводная статья к русскому изданию / В. Е. Маневич, Л. К. Николаев, В. В. Овсиенко // Теория экономической динамики / Р. Харрод ; пер. с англ. В. Е. Маневича ; под ред. В. Г. Гребенникова. – М. : ЦЭМИ РАН, 2008. С. 4–33.

91. Маневич, В. Е. Вступительная статья к русскому изданию / В. Е. Маневич // Денежная политика и экономический рост / Дж. Тобин ; пер. с англ. В. Е. Маневича. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – С. 7–36.

92. Маневич, В. Е. Кейнсианская теория и российская экономика / В. Е. Маневич. – М. : КомКнига, 2010. – 224 с.

93. Мареева, Е. В. Философия науки : учеб. пособие для аспирантов и соискателей / Е. В. Мареева, С. Н. Мареев, А. Д. Майданский. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 333 с.

94. Медведев, Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы / Д. Медведев // Вопросы экономики. – 2015. – № 10. – С. 5–29.

95. Мешимбаева, А. Е. Статистическое моделирование основных макроэкономических показателей развития России в период реформ: дис. … канд. экон. наук : 08.00.11 / Мешимбаева Анар Ертулевна. – М., 1998. – 124 с.

96. Мински, Х. Экономическая теория Кейнса: общий взгляд на деньги / Х. Мински // Современная экономическая мысль : пер. с англ. / общ. ред. В. С. Афанасьева и Р. М. Энтова ; вступ. ст. В. С. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1981. – С. 430–450.

97. Мокий, М. С. О необходимости смены теоретической концепции в экономической науке и образовании / М. С. Мокий // Львовские чтения – 2017 : сб. ст. V Всерос. науч. конф. (26 апреля 2017 г.) / под науч. ред. Г. Б. Клейнера. – М. : Государственный университет управления, 2017. – С. 117–121.

98. Нуреев, Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики : учебник / Р. М. Нуреев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – 640 с.

99. Нуреев, Р. М. «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса: предпосылки возникновения, методология и особенности интерпретации / Р. М. Нуреев // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – 2016. – Т. 8. – № 1. – С. 6–35.

100. Олейник, А. Н. Институциональная экономика / А. Н. Олейник. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 416 с.

101. Ольсевич, Ю. Монетаризм и Россия: проблема совместимости / Ю. Ольсевич // Вопросы экономики. – 1997. – № 8. – С. 24–37.

102. Ориентиры развития российской экономики / под ред. Е. В. Устюжаниной, М. В. Дубовик. – М. : Кнорус, 2018. – 256 с.

103. Осадчая, И. М. Критика современных буржуазных теорий экономического роста / И. М. Осадчая. – М. : Университет международных отношений, 1963. – 197 с.

104. Осадчая, И. М. Современное кейнсианство. Эволюция кейнсианства и неоклассический синтез / И. М. Осадчая. – М. : Мысль, 1971. – 176 с.

105. Осадчая, И. М. Консерватизм против реформизма : (Две тенденции в буржуазной политэкономии) / И. М. Осадчая. – М. : Мысль, 1984. – 223 с.

106. Осадчая, И. Эволюция макроэкономической теории после Кейнса / И. Осадчая // Вопросы экономики. – 2006. – № 5. – С 5–18.

107. Плотников, В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России / В. А. Плотников, Ю. В. Юртакова // Экономика и управление. – 2014. – № 11 (109). – С. 38–47.

108. Пожидаева, Е. С. Импортозамещение продовольственной продукции в России: статистическое исследование / Е. С. Пожидаева // Вопросы статистики. – 2016. – № 10. – С. 57–63.

109. Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина РФ. Материалы Российского научного

экономического собрания (М., 19–20 октября 2007 г.). – М. : Научный эксперт, 2008. – 1080 с.

110. Робинсон, Дж. Введение в посткейнсианскую экономику / Дж. Робинсон // Теория капитала и экономического роста: учеб. пособие / под ред. С. С. Дзарасова. – М. : МГУ, 2004. – С. 146–152.

111. Розмаинский, И. В. Введение в посткейнсианство / И. В. Розмаинский // Идеи и идеалы. – 2010. – Т. 1. – № 1 (3). – С. 88–106.

112. Розмаинский, И. «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике / И. Розмаинский // Вопросы экономики. – 2006. – № 9. – С. 71–82.

113. Розмаинский, И. В. Инвестиционная близорукость как институциональный ограничитель экономического роста в постсоветской России / И. В. Розмаинский, А. С. Скоробогатов // Экономическая наука современной России. – 2006. – № 4 (35). – С. 7–21.

114. Розмаинский, И. В. История экономического анализа на Западе : текст лекций / В. И. Розмаинский, К. А. Холодилин / под общ. ред. И. В. Розмаинского. – СПб : СпбГУ. – 2000. – 138 с.

115. Розмаинский, И. В. Концепция делового цикла в посткейнсианстве : дис. … канд. экон. наук : 08.00.02 / Розмаинский Иван Вадимович. – СПб, 1998. – 184 с.

116. Розмаинский, И. В. «Общая теория» Дж. М. Кейнса: уроки три четверти века спустя / И. В. Розмаинский // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 46–52.

117. Розмаинский, И. В. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца 19 – начала 21 века / И. В. Розмаинский // Вопросы экономики. – 2008. – № 7. – С. 89–99.

118. Розмаинский, И. В. Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход / И. В. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – № 1. – Т. 2. – С. 59–71.

119. Розмаинский, И. Методологические основы теории Кейнса и его «спор о методе» с Тинбергеном / И. Розмаинский // Вопросы экономики. – 2007. – № 4. – С. 25–36.

120. Розмаинский, И. В. Посткейнсианский анализ характеристик человеческого поведения в условиях макроэкономических, технологических и институциональных изменений / И. Розмаинский // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2009. – Т. 1. – № 1. – С. 43–55.

121. Розмаинский, И. Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты / И. Розмаинский // Вопросы экономики. – 2006. – № 5. – С. 19–31.

122. Розмаинский И. В. Посткейнсианская теория денежной экономики и миражи постиндустриализма: анализ и выводы для постсоветской России / И. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6. – № 1. – С. 53–70.

123. Розмаинский, И. Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века / И. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1. – № 3. – С. 28–35.

124. Розмаинский, И. В. Роль мотива предосторожности в теории Кейнса и концепция суррогатных средств накопления / И. В. Розмаинский // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 1. – С. 29–37.

125. Розмаинский, И. В. Сравнительный анализ теорий кривых Филлипса: методологические аспекты с точки зрения посткейнсианского подхода / И. В. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 48–60.

126. Розмаинский, И. В. Премия за риск отменяет амортизацию и умножает цены / И. В. Розмаинский, А. В. Ложникова, Д. М. Хлопцев // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 2 (26). – С. 63–80.

127. Россия и мир: 2018. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А. А. Дынкин, В. Г. Барановский ; отв. ред. Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. – М. : ИМЭМО РАН, 2017. – 176 с.

128. Российский статистический ежегодник : 2003 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm. – Загл. с экрана (дата обращения 15.01.2017).

129. Российский статистический ежегодник : 2015 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm. (дата обращения: 15.01.2017).

130. Россия в цифрах : 2016 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rusfig/rus16.pdf. (дата обращения: 2.02.2017).

131. Рудакова, И. Е. «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса с позиций сегодняшнего дня / И. Е. Рудакова // Журнал экономической теории. – 2016. – № 2. – С. 134–144.

132. Рыжановская, Л. Ю. Экономическая теория Дж.М. Кейнса: системный взгляд на сберегательный процесс / Л. Ю. Рыжановская // Финансы и кредит. – 2007. – № 27 (267). – С. 12–21.

133. Рыжановская, Л. Ю. Сбережения и инвестиции: денежный аспект / Л. Ю. Рыжановская // Финансы и кредит. – 2007. – № 28 (268). – С. 39–48.

134. Рыжановская, Л. Ю. Кейнсианский и монетаристский подходы к регулированию сберегательного процесса с помощью денег и займов / Л. Ю. Рыжановская // Финансы и кредит. – 2007. – № 33 (273). – С. 55–63.

135. Рязанов, В. Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции / В. Рязанов // Российский экономический журнал. – 2011. – № 5. – С. 22–45.

136. Рязанов, В. Т. Экономическая политика после кризиса: станет ли она снова кейнсианской? / В. Т. Рязанов // Экономика Украины. – 2014. – № 5(622). – С. 4–27.

137. Рязанов, В. Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? / В. Т. Рязанов // Вестник СПбского университета. Серия 5. Экономика. – 2013. – Вып. 4. – С. 3–34.

138. Рязанов, В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В. Т. Рязанов. – М. : Экономика, 2016. – 695 с.

139. Сазыкина, М. Ю. Теоретические аспекты формирования сбережений домашних хозяйств [Электронный ресурс] / М. Сазыкина // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 6 (25). – Режим доступа : http://naukovedenie.ru/PDF/94EVN614.pdf.

140. Селигмен, Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмен ; пер. с англ. ; общ. ред. и вступ. ст. А. М. Румянцева. – М. : Прогресс, 1968. – 600 с.

141. Селищев, А. С. Макроэкономика / А. С. Селищев. – 3-е изд. – СПб : Питер, 2005. – 464 с.

142. Скидельски, Р. Кейнс. Возвращение мастера / Р. Скидельски; пер. с англ. О. Левченко ; науч. ред. О. Замулин. – М. : Юнайтед Пресс, 2011. – 253 с.

143. Скоробогатов, А. Институты как фактор порядка и как источник хаоса: неоинституциональный и посткейнсианский анализ / А. Скоробогатов // Вопросы экономики. – 2006. – № 8. – С. 102–118.

144. Скоробогатов, А. С. Экономические институты и деловой цикл: посткейнсианский подход : дис. …канд. экон. наук : 08.00.01 / Скоробогатов Александр Сергеевич. – СПб., 2002. – 163 с.

145. Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 608 с.

146. Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации : сб. тез. / под ред. А. А. Пороховского, К. А. Хубиева, С. В. Кайманакова. – М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. – 347 с.

147. Сорокин, А. В. Кейнсианская проверка теории Маркса / А. В. Сорокин // Журнал экономической теории. – 2016. – № 3. – С. 93–105.

148. Стиглиц, Дж. Ю. Ревущие девяностые. Семена развала : пер. с англ. и прим. Г. Г. Пирогова ; вступ. статьи Г. Ю. Семигина и Д. С. Львова. / Дж. Ю. Стиглиц. – М. : Современная экономика и право, 2005. – 424 с.

149. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему : пер. с англ. / Д. Е. Стиглиц. – М. : Эксмо, 2015. – 512 с.

150. Стиглиц, Дж. Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке / Дж. Е. Стиглиц // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: 5 т. / сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. V. Кн. 2. Всемирное признание. Лекции Нобелевских лауреатов / отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2005. – С. 535–629.

151. Столбов, М. Гипотеза финансовой нестабильности Хаймана Мински и экономический кризис в России / М. Столбов // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 3. – С. 56–64.

152. Стратегия роста. Среднесрочная программа развития России до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://stolypinsky.club/strategiya-rosta-3/. – Загл. с экрана (дата обращения 10.01.2017).

153. Строительство в России : 2016 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/stroit_2016.pdf (дата обращения: 20.05.2017).

154. Сулакшин, С. С. О новой модели экономического роста России (в связи с поручением В. В. Путина) / С. С. Сулакшин // Стратегия России 2020. Особое мнение. Материалы круглого стола. – М. : Научный эксперт, 2011. – 120 с.

155. Сухарев, О.С. «Извращенный монетаризм» будет диктовать экономическую стратегию развития России? / О. С. Сухарев // Инвестиции в России. – 2017. – № 6. – С. 27–35.

156. Сухарев, О. С. Проблемы формирования экономических школ / О. С. Сухарев // Инвестиции в России. – 2016. – № 12. – С. 8–14.

157. Татаркин, А. И. Трансформация научного знания под воздействием экономических кризисов / А. И. Татаркин, Ал. А. Мальцев // Журнал экономической теории. – 2016. – № 3. – С. 12–27.

158. Теория капитала и экономического роста: учеб. пособие / под ред. С. С. Дзарасова. – М. : МГУ, 2004. – 400 с.

159. Тобин, Дж. Денежная политика и экономический рост / Дж. Тобин ; пер. с англ. В. Е. Маневича. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 272 с.

160. Тобин, Дж. Деньги и финансы в макроэкономическом процессе / Дж. Тобин // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. / сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. V. Кн. 1. Всемирное признание. Лекции Нобелевских лауреатов / отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2004. – С. 414–456 с.

161. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (с изм. от 29.06.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://kremlin.ru/acts/bank/38809 (дата обращения 10.02.2017).

162. Улюкаев, А. От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию / А. Улюкаев, В. Мау // Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С. 5–19.

163. Устюжанина, Е. В. Новая экономическая теория: опасность подмены синтеза компиляцией / Е. В. Устюжанина // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке : материалы междунар. науч. конф. / под ред. Р. М. Нуреева, М. Л. Альпидовской. – М. : Финансовый университет, 2014. – 456 с.

164. Устюжанина, Е. В. Цифровая революция и фундаментальные изменения в экономических отношениях / Е. В. Устюжанина, А. В. Сигарев, Р. А. Шеин // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. Вып. 58. – 2017. – № 10 (406). – С. 415–417.

165. Френкель, А. А. Кризис как реальность: итоги социально-экономического развития (экономика России в 2015–2017 годах) / А. А. Френкель,

Б. И. Тихомиров, Я. В. Сергиенко, Л. С. Рощина // Вопросы статистики. – 2016. – № 5. – С. 23–49.

166. Хайек, Ф. Либерализм / Ф. Хайек // М. Фридмен и Ф. Хайек. О свободе. – М. : Социум, Три квадрата, 2003. – 182 с.

167. Харрис, Л. Денежная теория / Л. Харрис ; пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. В. М. Усоскина. – М. : Прогресс, 1990. – 750 с.

168. Харрод, Р. Теория экономической динамики / Р. Харрод ; пер. с англ. В. Е. Маневича ; под ред. В. Г. Гребенникова. – М. : ЦЭМИ РАН, 2008. – 210 с.

169. Хайкин, Р. М. Маркс и Кейнс. Сопоставление, взаимосвязь и предпосылка к анализу / Р. М. Хайкин, А. С. Дерунец, А. В. Евдокимова // Успехи в химии и химической технологии. – 2013. – Т. XXVII. – № 8. – С. 46–52.

170. Хэмберг, Д. Ранняя теория роста: модели Домара и Харрода / Д. Хэмберг // Современная экономическая мысль : пер. с англ. / общ. ред. В. С. Афанасьева и Р. М. Энтова ; вступ. ст. В.С. Афанасьева. – М. : Прогресс, 1981. – С. 484–502.

171. Хикс, Дж. Р. Господин Кейнс и «классики»: попытка интерпретации / Дж. Р. Хикс // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3 / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.) и др.; вступ. статья Я. И. Кузьминова. – М. : ГУ-ВШЭ, 1998. – С. 293–307.

172. Ходжсон, Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории / Дж. Ходжсон // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1. – № 4. – С. 11–30.

173. Ходжсон, Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Дж. Ходжсон ; пер. с англ. М. Я. Каждана ; науч. ред. перевода В. И. Маевский. – М. : Дело, 2003. – 464 с.

174. Худокормов, А. Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада : учеб. пособие. / А. Г. Худокормов. – М. : ИНФРА, 2009. – 416 с.

175. Чередниченко, Л. Г. Бюджетная система России как фактор совершенствования макроэкономических воспроизводственных пропорций /

Л. Г. Чередниченко // Научные труды преподавателей МАЭП. Вып. 28. – М. : Московская академия экономики и права. – 2014. – С. 176–185.

176. Черновол, С. Н. Анализ взглядов российских экономистов на проблемы российской экономики с точки зрения кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 1 (53). – С. 80–86.

177. Черновол, С. Н. Есть ли кейнсианцы в России? / С. Н. Черновол // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 3 (ч. 1) (80-1). – С. 33–39.

178. Черновол, С. Н. Институциональные факторы в кейнсианской научно-исследовательской программе / С. Н. Черновол // Институциональная трансформация экономики: пространство и время. Сборник докладов V Международной научной конференции Том 1. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. – С. 167–169.

179. Черновол, С. Н. Кейнсианская научно-исследовательская программа и возможность ее использования для анализа российской экономики / С. Н. Черновол // Становление экономики знаний: от теории к практике региона / под общ. ред. Н. В. Осокиной, Е. Е. Жернова; Мин-во образ. и науки РФ; Кузбас. гос. техн. ун-т; каф. общей экономики. – Кемерово, 2012. – Гл. 5. – С. 137–167.

180. Черновол, С. Н. Необходимость, условия и ограничения практического применения кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Россия в глобальном мире: сборник научных трудов 10-й Всероссийской научно-теоретической конференции. – СПб. : Политехн. ун-т – 2012. – С. 47–56.

181. Черновол, С. Н. Структура кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Инновационно-технологическое развитие науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (5 апреля 2017 г., г. Волгоград). – Уфа: АЭТЕРНА, 2014. – В 3 ч. Ч. 1 – С. 256–262.

182. Черновол, С. Н. Теоретические основы макроэкономической политики в условиях становления экономики знаний / С. Н. Черновол // Российская экономика знаний: вклад региональных исследователей : сборник статей

Всероссийской научной конференции с международным участием (Кемерово, 5–6 октября 2017 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Е. Е. Жернова. – Кемерово : КузГТУ, 2017. – С. 197–201.

183. Черновол, С. Н. Торможение экономического роста и проблемы модернизации российской экономики с точки зрения кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXIII Международной научной конференции. – М. : Институт стратегических исследований, 2016. – С. 34–37.

184. Черновол, С. Н. Формирование и развитие защитного пояса кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Современная экономика: проблемы и решения. – 2017. – № 6 (90) . – С. 3–22.

185. Шапкин, И. Н. Информация в условиях подвижности и неопределенности рынка: современные экономические воззрения / И. Н. Шапкин // Мир новой экономики. – 2016. – № 1. – С. 69–76.

186. Шумпетер, Й. А. История экономического анализа : в 3 т. / Й. А. Шумпетер ; пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. – СПб : Экономическая школа, 2004. – Т. 3. – 688 с.

187. Экономическая теория. Макроэкономика-1, 2. Метаэкономика. Экономика трансформаций : учебник / под общ. Г. П. Журавлевой. – 3-е изд. – М. : Дашков и К, 2014. – 920 с.

188. Юдаева, К. New Normal для России / К. Юдаева // Экономическая политика. – 2010. – № 6. – С. 196–200.

189. Юдаева, К. В. New Normal для России: Научный доклад / К. В. Юдаева. – М.: Дело, 2013. – 20 с.

190. Abraham-Frois, G. Keynes et la macroeconomie contemporaine / G. Abraham-Frois. – 2 ed. – Paris : Economica, 1989. – 152 p.

191. Barba, A. Rising household debt: Its causes and macroeconomic implications – a long-period analysis / A. Barba, M. Pivetti // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – Issue 1. – P. 113–137.

192. Bhaduri, A. A contribution to the theory of financial fragility and crisis / A. Bhaduri // Cambridge Journal of Economics. – 2011. – Vol. 35. – Issue 6. – P. 995–1014.

193. Blaug, M. Kuhn versus Lakatos, or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics / M. Blaug // Economic History and the History of Economics. – Brighton : Wheatsheaf, 1986. – Ch. 13. – P. 233–264.

194. Cochrane J. How did Paul Krugman get it so wrong? / J. Cochrane // Economic Affairs. – 2011. – Vol. 31. – Issue 2. – P. 36–40.

195. Chernovol, S. N. Image Of The Present And The Future Of Russia Within Economic Discourse / S. N. Chernovol, L. V. Kusurgasheva, I. N. Tretyakova , S. I. Grigashkina // WELLSO 2017 – IV International Scientific Symposium Lifelong wellbeing in the World. (Tomsk, 11-15 September 2017). – P. 112–118. – Режим доступа : https://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/WELLSO2017/ (дата обращения 11.09.2018).

196. Chick, V. Cassandra as Optimist / V. Chick // Financial Keynesianism and Market Instability / R. Bellofiore, P. Ferri (eds.). – Cheltenham : Edward Elgar, 2001. – P. 35–46.

197. Coddington, A. Keynesian Economics: The Search for First Principles / A. Coddington // Journal of Economic Literature. – 1976. – Vol. 14. – No. 4. – P. 1258–1273.

198. Crotty, J. R. Post-Keynesian Economic Theory: An Overview and Evaluation / J. R. Crotty // The American Economic Review. – 1980. – Vol. 70. – No. 2. – P. 20–25.

199. Crotty, J. Structural Causes of the Global Financial Crisis: A Critical Assessment of the New Financial Architecture / J. Crotty // Political Economy Research Institute (PERI). Working Paper. – 2008. – No. 180. – 61 p.

200. Crotty, J. Structural causes of the global financial crisis: a critical assessment of the «new financial architecture» / J. Crotty // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 563–580.

201. Cynamon, B. Z. Inequality, the Great Recession and slow recovery / B. Z. Cynamon, S. M. Fazzari // Cambridge Journal of Economics. – 2016. – Vol. 40. – Issue 2. – P. 373–399.

202. Dale, R. S. International Banking Deregulation: The Great Banking Experiment / R. S. Dale. – Oxford : Blackwells, 1992. – 211 p.

203. Davidson, P. John Maynard Keynes / P. Davidson. – London : Palgrave, 2007. – 237 p.

204. Davidson, P. A Keynesian View of the Relationship Between Accumulation, Money and the Money Wage-Rate / P. Davidson // Economic Journal. – 1969. – Vol. 79 (314). – P. 300–323.

205. Davidson, P. Money and the Real World / P. Davidson. – London : Macmillan, 1972. – 369 p.

206. Davidson, P. Reality and Economic Theory / P. Davidson // Journal of Post Keynesian Economics. – 1996. – Vol. 18. – No. 4. – P. 479–508.

207. Dequech, D. Expectations and Confidence under Uncertainty / D. Dequech // Journal of Post Keynesian Economics. –1999. – Vol. 21. – No. 3. – P. 415–430.

208. Dow, S. C. Money Matters: A Keynesian Approach to Monetmy Economics / S. C. Dow, P. E. Earl. – Oxford : Martin Robertson, 1982. – 270 p.

209. Duesenberry, J. S. Income, saving, and the theory of consumer behavior / J. S. Duesenberry. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1949. – 128 p.

210. Eichner, A. S. The megacorp and oligopoly: Micro Foundations of Macro Dynamics / A. S. Eichner. – Cambridge, London, New York, Melbourn : Cambridge University Press, 1976 (reissued 2008). – 380 p.

211. Eichner, A. S. A general model of investment and pricing / A. S. Eichner // Growth, profits and property / Ed. by E. J. Nell. – Cambridge : Cambridge University Press, 1980. – P. 118–134.

212. Eichner, A. S. Toward a new economics. Essays in Post Keynsian and Institutionalist theory / A. S. Eichner. – New York : M. E. Sharpe, Inc., 1985. – 240 p.

213. Eichner, A. S. The macrodynamics of advanced market economies / A. S. Eichner. – New York : M. E. Sharpe, Inc., 1985. – 945 p.

214. Eichner, A. S. The macrodynamics of advanced market economies / A. S. Eichner. – Armonk, New York, London : M. E. Sharpe Inc., 1991. – 389 p.

215. El-Erian, M. A. A New Normal [Electronic resource] / M. A. El-Erian // Secular Outlook. PIMCO, 2009. – Access mode: http://global.pimco.com/EN/Insights/Pages/A-New-Normal-May2009.aspx (date of the application 13.06.2016).

216. El-Erian, M. Navigation the New Normal in Industrial Countries [Electronic resource] / M. El-Erian // Per Jacobsson Foundation Lecture, 2010. – Access mode: https://www.imf.org/external/np/speeches/2010/101010.htm#P12_100 (date of the application 12.06.2016).

217. Elliott, L. Slow economic growth is not the new normal, it's the old norm [Electronic resource] / L. Elliott // The Guardian. – 2017. – July 30. – Access mode : https://www.theguardian.com/business/2017/jul/30/slow-economic-growth-gdp-old-norm (date of the application 10.01.2018).

218. Essays on John Maynard Keynes / Edited by M. Keynes. – Cambridge : Cambridge University Press, 1975. – 306 p.

219. Feiwel, G. R. Samuelson and Neoclassical Economics / G. R. Feiwel. – Boston : Kluwer Nijhoff, 1982. – 358 p.

220. Friedman, M. The Role of Monetary Policy/ M. Fridman // American Economic Review. – 1968. – Vol. 58. – No. 1. – P. 1–17.

221. Gram, H. Joan Robinson's Economics in Retrospect / H. Gram, V. Walsh // Journal of Economic Literature. – 1983. – Vol. 21. – Issue 2. – P. 518–550.

222. Hein, E. Finance-dominated capitalism in crisis – the case for a global Keynesian New Deal / E. Hein and A. Truger // Journal of Post Keynesian Economics. – 2012. – Vol. 35. – Issue 2. – P. 187–213.

223. Hicks, J. R. Mr. Keynes and the «Classics»: A Suggested Interpretation / J. R. Hicks // Econometrica. – 1937. – Vol. 5. – No. 2. – P. 147–159.

224. Hodgson, G. M. The great crash of 2008 and the reform of economics / G. M. Hodgson // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – Issue 6. – P. 1205–1221.

225. Hodgson, G. M. The Eclipse of the Uncertainty Concept in Mainstream Economics / G. M. Hodgson // Journal of Economic Issues. – 2011. – Vol. 45. – No. 1. – P. 159–175.

226. Kahn, R. F. 1972. Selected Essays on Employment and Growth / R. F. Kahn. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1972. – 239 p.

227. Kalecki, M. Selected essays on the dynamics of capitalist economy / M. Kalecki. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – 206 p.

228. Kapeller, J. Debt, boom, bust: a theory of Minsky-Veblen cycles / J. Kapeller, B. Schütz // Journal of Post Keynesian Economics. – 2014. – Vol. 36. – No. 4. – P. 781–814.

229. Keynes, J. M. A Treatise on Money / J. M. Keynes. – London : Macmillan, 1930. – 363 p.

230. Keynes, J. M. Alternative Theories of the Rate of Interest / J. M. Keynes // Economic Journal. – 1937. – Vol. 47. – No. 186. – P. 241–252.

231. Keynes, J. M. «Ex-Ante» Theory of the Rate of Interest / J. M. Keynes // Economic Journal. – 1937. – Vol. 47. – No. 188. – P. 663–669.

232. Keynes, J. M. The Process of Capital Formation / J. M. Keynes // Economic Journal. – 1939. – Vol. 49. – No. 195 – P. 569–574.

233. Keynes, J. M. A Monetary Theory of Production / J. M. Keynes // The Collected Writing of John Maynard Keynes / Edited by D. Moggridge. – London : Macmillan Press, 1973. – Vol. XIII. – P. 408–411.

234. Keynes, J. M. The General Theory of Employment / J. M. Keynes // The Quarterly Journal of Economics. – 1937. – Vol. 51. – Issue 2. – P. 209–223.

235. Kim, Y. Household debt, financialization, and macroeconomic performance in the United States, 1951-2009 / Y. Kim // Journal of Post Keynesian Economics. – 2013. – Vol. 35. – Issue 4. – P. 675–694.

236. Konzelmann, S. Governance, regulation and financial market instability: the implications for policy [Electronic resource] / S. Konzelmann, F. Wilkinson, M. Fovargue-Davie, D. Sankey // Cambridge Journal of Economics. – 2010. – Vol. 34. – Issue 5. – P. 929–954. Access mode :

https://academic.oup.com/cje/article/34/5/929/1703485 (date of the application 30.05.2018).

237. Krugman, P. How Did Economists Get It So Wrong? [Electronic resource] / P. Krugman // The New York Times Magazine. 2009. September 9. – Access mode : http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html (date of the application 18.06.2016).

238. Leijonhufvud, A. On Keynesian Economics and the Economics of Keynes: A Study in Monetary Theory / A. Leijonhufvud. – New York : Oxford University Press, 1968. – 446 p.

239. Leijonhufvud, A. Out of corridor: Keynes and crisis [Electronic resource] / A. Leijonhufvud // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – Issue 4. – Access mode : https://doi.org/10.1093/cje/bep022 (date of the application 03.01.2018).

240. Livingston, S. M. Forecasting Postwar Demand: II / S. M. Livingston // Econometrica. – 1945. – Vol. 13. – No. 1. – P. 15–24.

241. Mihm, S. Dr. Doom [Electronic resource] / S. Mihm // New York Times Magazine. – 2008. – August 15. – Access mode : https://www.nytimes.com/2008/08/17/magazine/17pessimist-t.html (date of the application 02.06.18).

242. Milonakis, D. From Political Economy to Economics From Political Economy to Economics: Method, the social and the historical in the evolution of economic theory / D. Milonakis, B. Fine. – Oxford, New York : Routledge, 2009. – 374 p.

243. Minsky, H. P. Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and An Alternative to «Standard» Theory / H. P. Minsky // Nebraska Journal of Economics and Business. – 1977. – Vol. 16. – No. 1. – P. 5–16.

244. Minsky, H. P. Can «It» Happen Again? Essays in Instability and Finance / H. P. Minsky. – New York : M. E. Sharpe, 1982. – 301 p.

245. Minsky, H. P. John Maynard Keynes / H. P. Minsky. New York : Columbia University Press, 1975. – 181 p.

246. Minsky, H. P. Stabilizing An Unstable Economy / H. P. Minsky. – London : Yale Univeristy Press, 1986. – 372 p.

247. Minsky, H. P. The Financial Instability Hypothesis: a Restatement / H. P. Minsky // Post-Keynesian Economic Theory: a Challenge to Neo Classical Economics / Ed. by P. Arestis, T. Skouras. – Brighton : Wheatsheaf, 1985. – P. 24–55.

248. Mosak, J. L. Forecasting Postwar Demand: III / J. L. Mosak // Econometrica. 1945. – Vol. 13. – No. 1. – P. 25–53.

249. Morgan, J. The limits of central bank policy: economic crisis and the challenge of effective solutions / J. Morgan // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 581–608.

250. Nikiforos, M. A nonbehavioral theory of saving / M. Nikiforos // Journal of Post Keynesian Economics. – 2016. – Vol. 39. – Issue 4. – P. 562–592.

251. Palley, T. I. Growth Theory in a Keynesian Mode: Some Keynesian Foundations for New Endogenous Growth Theory / T. I. Palley // Journal of Post Keynesian Economics. – 1996. – Vol. 19. – No. 1. – P. 113–135.

252. Palley, T. I. Post Keynesian Economics: Debt, Distribution and the Macroeconomy / T. I. Palley. – London : Macmillan Press, 1996. – 293 p.

253. Palma, J. G. The revenge of the market on the rentiers: Why neo-liberal reports of the end of history turned out to be premature / J. G. Palma // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 829–869.

254. Phelps, E. Phillips Curve, Expectations of Inflation and Optimal Unemployment over Time / E. Phelps // Economica. – 1967. – Vol. 34. – No. 3. – P. 254–281.

255. Phelps, E. Money Wage Dynamics and Labor Market Equilibrium / E. Phelps // Journal of Political Economy. – 1968. – Vol. 76. – No. 2. – P. 678–711.

256. Phillips, A. W. The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861-1957 / A. W. Phillips // Economica. New Series. – 1958. – Vol. 25. – No. 100. – P. 283–299.

257. Reinhart, C. Capital Flow Bonanzas: An Encompassing View of the Past and Present [Electronic resource] / C. Reinhart, V. Reinhart // NBER Working Paper. – No. 1432. – September 2008. – 68 p.

https://www.cepal.org/noticias/paginas/3/35143/reinhart2008capitalflows_w14321.pdf (date of the application 30.05.2018).

258. Robinson, J. The Production Function and the Theory of Capital / J. Robinson // Review of Economic Studies. – 1953–1954. – Vol. 21. – No. 2. – P. 81–106.

259. Robinson, J. The Accumulation of Capital / J. Robinson. – London : Macmillan & Co., 1956. – 386 p.

260. Robinson, J. Essays in the theory of economic growth / J. Robinson. – London : Macmillan, 1962. – XI. – 138 p.

261. Robinson, J. Michal Kalecki on the Economic of Capitalism / J. Robinson // Oxford Bulletin of Economics Statistics. – 1977. – Vol. 39 (1). – P. 7–17.

262. Robinson, J. Review of L. L. Pasinetti. Growth and Income Distribution: Essays in Economic Theory 1974 / J. Robinson // Economic Journal. – 1975. – Vol. 85. – No. 338. – P. 397–399.

263. Smithies, A. Forecasting Postwar Demand: I / A. Smithies // Econometrica. – 1945. – Vol. 13. – No. 1. – P. 1–14.

264. Stockhammer, E. Rising inequality as a cause of the present crisis / E. Stockhammer // Cambridge Journal of Economics. – 2015. – Vol. 39. – Issue 3. – P. 935–958.

265. Storm, S. The New Normal: Demand, Secular Stagnation and the Vanishing Middle-Class (the title from the screen) [Electronic resource] / S. Storm. – Access mode : https://www.ineteconomics.org/perspectives/blog/the-new-normal (date of the application 10.01.2018).

266. The Collected Interwar Papers and Correspondence of Roy Harrod. Vol. III / Ed. by D. Besomi. – Cheltenham, U.K. : Edward Elgar, 2003. – 1688 p.

267. The Risk of a U.S. Hard Landing and Implications for the Global Economy and Financial Markets. Transcript of IMF Seminar [Electronic resource]. – Access

mode : http://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/54/tr070913z (date of the application 02.06.2018).

268. The World Bank. – Access mode : http://www.worldbank.org.

269. Tobin, J. A General Equilibrium Approach To Monetary Theory / J. Tobin // Journal of Money, Credit and Banking. – 1969. – Vol. 1. – No. 1. – P. 15–29.

270. Tobin, J. Essays in Economics. Vol. 1: Macroeconomics / J. Tobin. – Cambridge, MA : MIT Press. – 1987. – 526 p.

271. Tregenna, F. The fat years: the structure and profitability of the US banking sector in the pre-crisis period / F. Tregenna // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 609–632.

272. Vroey, M. De. The History of Macroeconomics from Keynes's General Theory to the Present [Electronic resource] / M. De Vroey, P. Malgrange // Discussion Papers (IRES – Institut de Recherches Economiques et Sociales) 2011-028. Universit´e catholique de Louvain, Institut de Recherches Economiques et Sociales (IRES). – 2011. – 25 p. – Access mode : http://ideas.repec.org/p/ctl/louvir/2011028.html (date of the application 01.05.2017).

273. Wray, L. R. Financial Markets Meltdown: what can we learn from Minsky [Electronic resource] / L. R. Wray // Public Policy Brief. – Annandale-on-Hudson : Levy Economics Institute of Bard College. – 2008. – No. 94. – 53 p. – Access mode : http://www.levyinstitute.org/publications/financial-markets-meltdown-what-can-we-learn-from-minsky (date of the application 02.06.2018).

274. Wray, L. R. The Commodities Market Bubble: Money Manager Capitalism and the Financialization of Commodities [Electronic resource] / L. R. Wray // Public Policy Brief. – Annandale-on-Hudson : Levy Economics Institute of Bard College. – 2008. – No. 96. – 57 p. – Access mode : http://www.levyinstitute.org/publications/the-commodities-market-bubble (date of the application 02.06.2018).

275. Wray, L. R. The rise and fall of money manager capitalism: a Minskian approach / L. R. Wray // Cambridge Journal of Economics. – 2009. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 807–828.

276. Wray, L. R. Review of Post Keynesian Monetary Theory by Paul Davidson (Edward Elgar, 1994) / L. R. Wray // Review of Political Economy. – 1995. – Vol. 7. – No. 4. – P. 470–477.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

(справочное)

Таблица А.1 - Эвристика кейнсианской научно-исследовательской программы

Твердое ядро	
Уровень занятости и выпуска продукции определяется эффективным (совокупным) спросом	
Экономические агенты действуют в условиях неопределенности будущего	
Рыночная экономика нуждается в активном вмешательстве государства	
Отрицательная эвристика	**Положительная эвристика**
Отказ от принципов методологического индивидуализма и рационального поведения человека в узком значении	Макроэкономический подход, выраженный принципом агрегирования, разделение экономической системы на три взаимосвязанных рынка: благ, капитала и труда, рациональность поведения человека в широком значении
Отрицание «классической дихотомии» и жесткого разделения экономики на две сферы: реальную, в которой происходит производство товаров, и денежную, в которой устанавливаются цена произведенных товаров	Признание влияния денежных факторов на реальный сектор экономики
Отрицание закона Сэя	Анализ уровня занятости в зависимости от склонности к потреблению, предельной эффективности капитала и предпочтения ликвидности
Отрицание существования только добровольной безработицы	Признание вынужденной безработицы как характерной черты зрелой рыночной экономики
Отрицание способности рыночной экономики к саморегулированию	Рассмотрение макроэкономического равновесия через механизм трансформации сбережений в инвестиции
Отказ от рассмотрения экономики как совокупности отдельных экономических агентов	Рассмотрение спроса на деньги как функции предпочтения ликвидности, крайне неустойчивой в условиях неполной занятости
Отрицание достижимости равновесия одновременно на всех рынках	Признание значимости психологических характеристик рыночных агентов и их коллективных «инстинктов» (ожиданий и предположений) и учет институциональных особенностей функционирования рынков
Теории защитного пояса*	
Примечание. *Теории защитного пояса формируются в процессе развития НИП и рассматриваются, соответственно, в последующем тексте.	

Источник: составлено автором.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

(справочное)

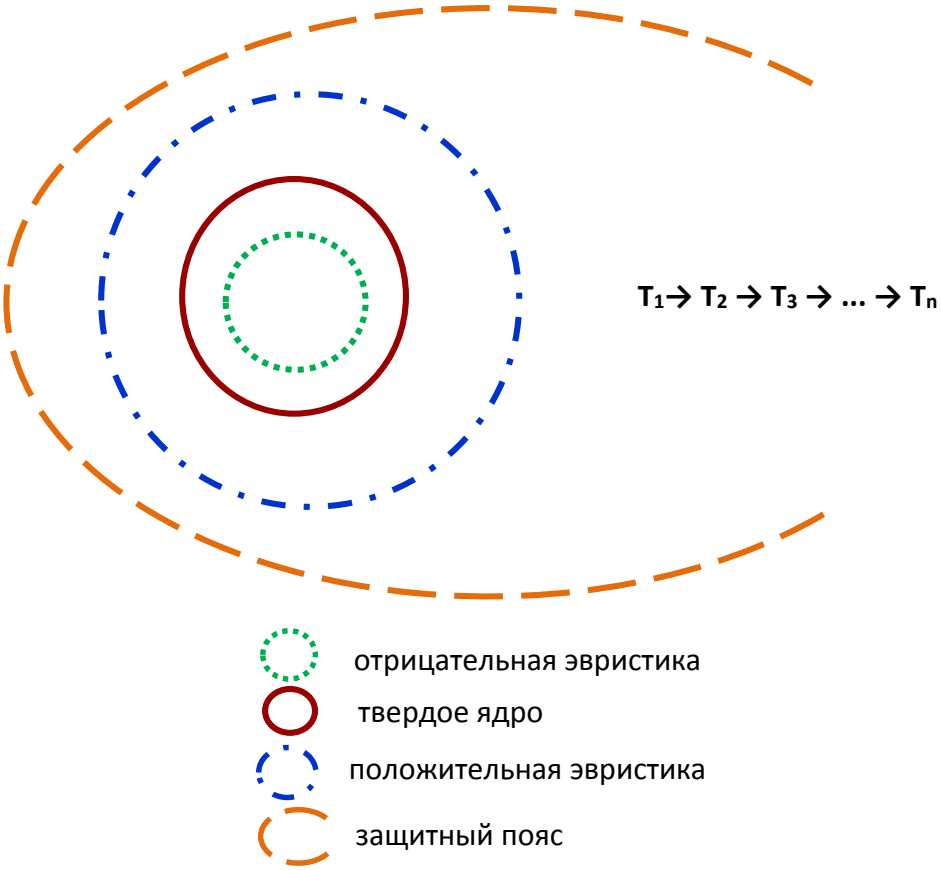

Рисунок Б.1 - Структура научно-исследовательской программы

Источник: составлено автором

ПРИЛОЖЕНИЕ В

(справочное)

Таблица В.1 - Эволюция кейнсианства и развитие кейнсианской научно-исследовательской программы

Классификация А. Колдингтона	Включена в кейнсианскую НИП	Не включена в защитный пояс кейнсианской НИП / основание	Вклад в кейнсианскую НИП	Основная идея теории
1	2	3	4	5
Гидравлическое кейнсианство		Неоклассический синтез / использование модели «человека экономического»		Двухрежимная модель экономики: в нормальных условиях экономика функционирует по неоклассической модели, когда рынки очищаются и достигается равновесие; в условиях негибкости заработной платы, «ловушки ликвидности» и неэластичности инвестиционного спроса по проценту экономика функционирует по кейнсианской схеме и не может прийти в равновесие.
		Новое кейнсианство / использование модели «человека экономического»		Современные рынки характеризуются асимметричностью информации; негибкость цен – следствие асимметричности информации; психологические факторы приводят к завышению уровня заработной платы; вынужденная безработица является следствием негибкости цен и заработной платы; сущность безработицы объясняется микроэкономическими факторами
		Концепция жизненного цикла Ф. Модильяни / использование модели «человека экономического»		На протяжении жизни индивиды стремятся поддерживать стабильный уровень потребления

Продолжение таблицы В.1

1	2	3	4	5
Гидравлическое кейнсианство		концепция перманентного дохода М. Фридмена / использование модели «человека экономического»		Потребление индивида зависит от планируемого в течение всей жизни дохода (перманентного дохода) и стремится обеспечить равный уровень потребления на протяжении всей жизни
Воссозданный редукционизм	Теория неравновесия Р. Клауэра и А. Лейонхуфвуда		Отрицание способности рыночной экономики достигать состояния равновесия (отрицательная эвристика)	Текущий спрос зависит не только от ценовых, но и от количественных сигналов («от текущих сделок на рынке»), что приводит рынок в состояние неравновесия
Фундаменталистское кейнсианство	Концепция относительного дохода Дж. Дьюзенберри		Теория потребления (защитный пояс**)**	Потребление индивида зависит от: 1) относительного дохода; 2) отношения собственного текущего дохода к самому высокому его уровню предшествующего периода времени
	Теория экономической динамики Р. Харрода		Модель экономического роста (защитный пояс)	Динамика экономического роста связана с несовпадением реального, обеспеченного и оптимального темпов роста; стабильный рост экономики маловероятен
	Монетарная динамическая модель Дж. Тобина		Положение о зависимости темпа роста экономики от спроса на различные активы; механизм формирования спроса на финансовые активы и реальный капитал	Экономический рост зависит от инвестиций не только в реальный капитал, но и в финансовые активы с их взаимным замещением; ситуация в финансовом секторе и ожидания инвесторов могут отклонять совокупный спрос от оптимального уровня, что обуславливает необходимость государственного вмешательства

Продолжение таблицы В.1

1	2	3	4	5
Фундаменталистское кейнсианство	Денежная теория П. Дэвидсона		Теория денежной экономики (защитный пояс)	Современная капиталистическая система характеризуется наличием капитальных активов длительного пользования; спрос на капитал определяется ожидаемыми будущими денежными потоками; экономика неэргодична, вследствие чего невозможно предсказать будущий результат; использование денежных контрактов позволяет предпринимателям формировать осмысленные ожидания
	Гипотеза финансовой хрупкости Х. Мински		Теория деловых циклов (защитный пояс)	Современная капиталистическая система характеризуется наличием капитальных активов длительного пользования и банковской системы; предложение денег может быть увеличено для удовлетворения спроса частного сектора на финансирование; в современной капиталистической экономике смена фаз делового зависит от режимов финансирования капиталовложений
	Долгосрочная концепция накопления капитала Дж. Робинсон		Теория накопления капитала (защитный пояс)	Совокупный спрос зависит от распределения прибыли между трудом и капиталом; темп накопления капитала, способный обеспечить долгосрочный экономический рост, соответствует такому распределению национального дохода, при котором рост производства соответствует росту эффективного спроса
	Концепция мегакорпорации А. Эйхнера		Идея об ограничении инвестиций в процессе ценообразования на рынках отраслевых олигополий (защитный пояс)	Цены устанавливаются одновременно с принятием инвестиционных решений; рост экономики обеспечивается уровнем цен, которые способны покрыть текущие издержки производства, расходы на расширение и обеспечить полную занятость
	Теория инфляции Т. Пелли		Идея о множественности конфигураций кривых Филлипса (защитный пояс)	Инфляционные процессы находятся в прямой зависимости от распределения дохода между предпринимателями и рабочими; структура распределения дохода влияет на совокупный спрос и определяет наклон кривой Филлипса

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

(справочное)

Таблица Г.1 - Рост мирового ВВП, %[1]

Показатели	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018п	2019п
Мировая экономика	–1,8	4,3	3,1	2,4	2,4	2,8	2,7	2,4	3	2.9	2,9
Страны с высоким уровнем дохода	–3,5	3	1,9	1,4	1,2	1,9	2,1	1,7	1,9п	1,8	1,7
Развивающиеся страны	3	7,8	6,3	4,9	5,3	4,3	3,6	3,5	4,1п	4,5	4,7
Зона евро	–4,5	2	1,7	–0,7	–0,2	1.2	2	1,8	1,7п	1,5	1,5
Россия	–7,8	4,5	4,3	3,5	1,3	0,7	–2,8	–0,2	1,5	1,7	1,8

[1] Составлено автором по источникам: Доклад об экономике России № 35 Апрель 2016: долгий путь к восстановлению; Доклад об экономике России № 38 Ноябрь 2017: Восстановление экономики России: насколько устойчивы признаки роста?; Доклад об экономике России № 39 Российская экономика: умеренное продвижение вперед [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rer (дата обращения 05.06.2018); Всемирный банк в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/overview#3 (дата обращения 05.06.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

(справочное)

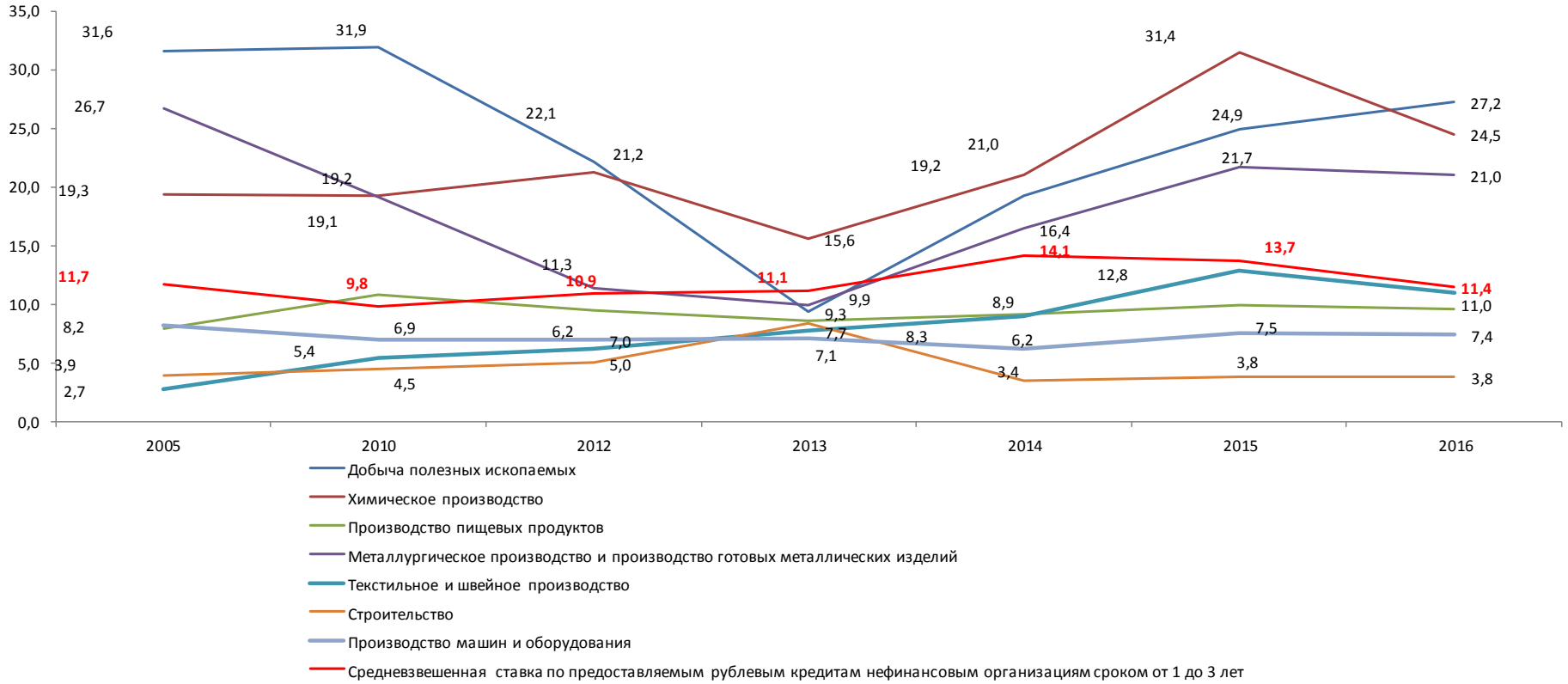

Рисунок Д.1 - Динамика рентабельности в производственной сфере и ставка ЦБ РФ, %[1]

[1] Составлено автором по источникам: Россия в цифрах. 2016: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rusfig/rus16.pdf; Россия в цифрах. 2017: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (дата обращения 09.06.2018);
Строительство в России. 2016: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/stroit_2016.pdf (дата обращения 09.06.2018);
Инвестиции в России. 2017: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/invest.pdf (дата обращения 09.06.2018);
Росстат. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_56/IssWWW.exe/Stg/01-04.htm;
http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_46/IssWWW.exe/Stg/1-01.doc;http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_56/IssWWW.exe/Stg/04-06.doc (дата обращения 09.06.2018)

ПРИЛОЖЕНИЕ Е
(справочное)

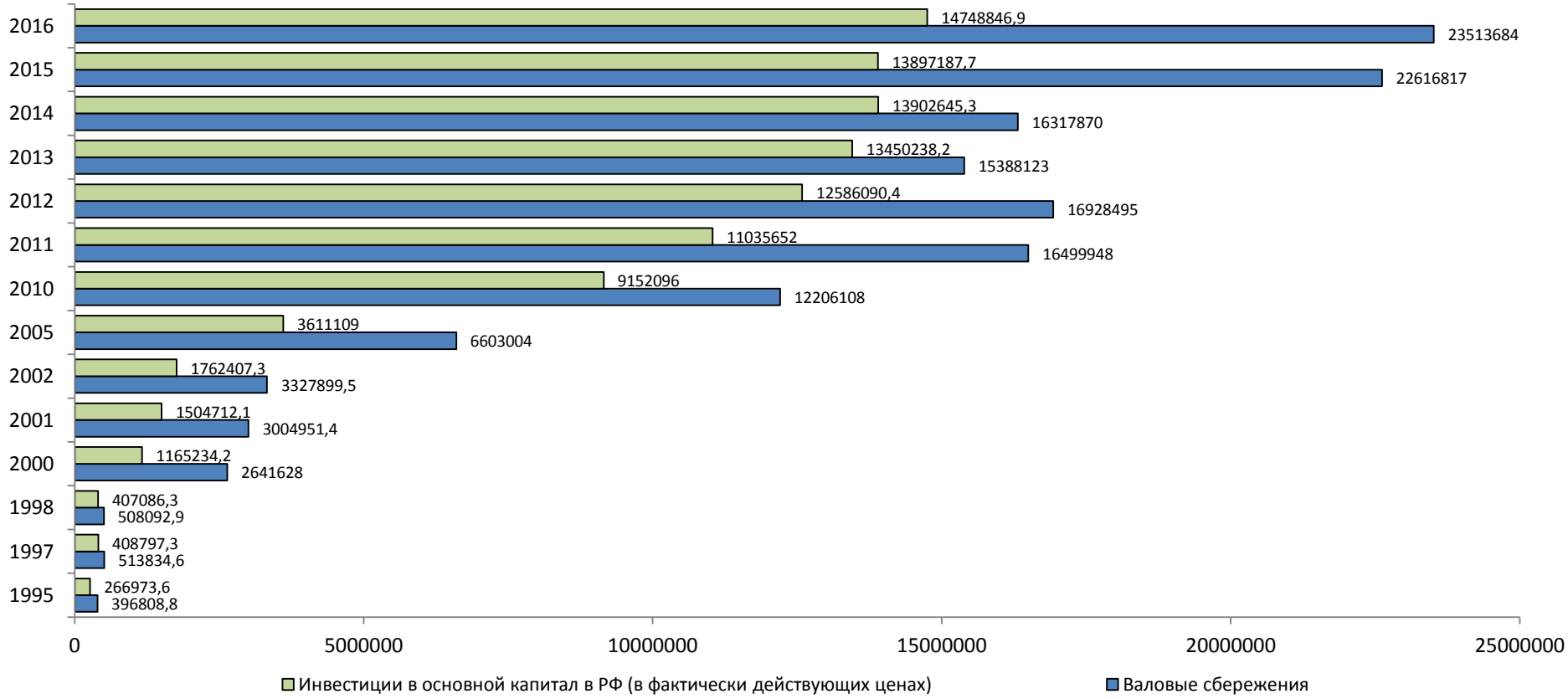

Рисунок Е.1 - Соотношение инвестиций в основной капитал и валовых сбережений в РФ, млн. руб.[1]

[1] Составлено автором по источникам: Российский статистический ежегодник. 2003. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d020/i021130r.htm; Российский статистический ежегодник. 2015. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_13/IssWWW.exe/Stg/d02/12-07.doc; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/Inv.xls. Российский статистический ежегодник. 2017. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/Inv.xls. (дата обращения 11.06.2018)